

Е.И. Малозёмова

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ НАРОДОВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый текст — попытка описать, проанализировать и вписать в историко-этнографический контекст имеющиеся в коллекции Кунсткамеры памятники клинкового и метательного оружия народов Ближнего Востока. Работа велась с предметами, созданными и/или функционировавшими на территориях, входивших в состав Османской империи (1453–1923 гг.), Аравийского полуострова, в Иране и Афганистане. Исследованные памятники относятся к периоду XVII — начало XX в.

Поступление предметов холодного оружия мусульманских народов в фонды музея происходило одновременно с формированием коллекций восточных памятников в целом, поэтому мне представилось правильным показать контекст, в котором проходил процесс коллекционирования ближневосточного оружия. Истории и обстоятельствам появления памятников культур Ближнего Востока в музее начиная со времен Петровской Кунсткамеры и практически до конца XX в. посвящен раздел, озаглавленный «Памятники мусульманского Востока в коллекциях Кунсткамеры». Процесс формирования в МАЭ собрания собственно ближневосточного холодного оружия, первые образцы которого были тоже уже в коллекции государя Петра Великого, рассмотрен отдельно в разделе «Коллекции холодного оружия народов мусульманского Востока в МАЭ».

Остальной объем текста посвящен непосредственно описанию и анализу предметов ближневосточного холодного оружия, которые сегодня находятся в коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Были исследованы 70 номеров и 105 ед. хр. из двадцати четырех коллекций музея. Эта часть работы разделена на три блока: «Холодное оружие народов Османской империи», «Холодное оружие народов Аравийского полуострова»,

«Холодное оружие народов Ирана и Афганистана». Каждый блок состоит из статьи, посвященной анализу коллекции соответствующего региона, и карточек-описаний. В карточках предметы организованы в разделы по типам оружия, описываются по музейным номерам в порядке возрастания и, соответственно, в хронологической последовательности их поступления в музей.

Для передачи слов арабского, персидского и османского языков была использована принятая в научной литературе система транскрипции на основе латинского алфавита с добавлением дополнительных знаков и их сочетаний, а также облегченная система на основе кириллицы.

Выражаю искреннюю признательность директору Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамеры) Ю.К. Чистову и главному хранителю музея П.И. Погорельскому за возможность работать с фондами МАЭ. Этот текст не был бы написан без помощи моих учителей, старших коллег и друзей, ныне здравствующих и уже ушедших. Выражаю сердечную благодарность В.Г. Шкоде, М.В. Горелику, Е.Г. Царёвой, А.А. Иванову, М.А. Родионову, В.Н. Кислякову, М.Л. Меньшиковой, Ю.Г. Ефимову, М.Г. Зайченко, Д.А. Шереметьеву, Е.И. Нератовой, В.С. Образцову, Н.В. Ивановой, А.А. Трипольской, Е.В. Дороницовой. Я искренне благодарю Н.Н. Телицину за перевод надписей с османского языка. Моя глубокая признательность хранителям фондов МАЭ О.Н. Панариной, Р.В. Берзиной, Н.Б. Колпакиди, Л.Ф. Троценковой и Т.Ф. Лопатиной за помощь в работе с предметами. Я сердечно благодарна С.А. и И.С. Сухоруковым за их поддержку и терпение.

ПАМЯТНИКИ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА В КОЛЛЕКЦИЯХ КУНСТКАМЕРЫ

Есть Музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Н.С. Гумилев

С самого начала своего существования первый российский музей, Кунсткамера, хранил памятники восточных культур. Как и все самые ранние музейные вещи, восточные раритеты, настоящие диковины «из восточной и западной Индии и других восточных стран», были частью личной коллекции основателя музея, государя Петра I. Уже в 1714 г. эта коллекция по распоряжению императора была перевезена из Москвы в Петербург, где разместилась в Летнем дворце в Летнем саду [Музей антропологии и этнографии 1925: 3; Итс 1980: 11–12]. В этом дворце в помещениях второго этажа, которые занимала царица Екатерина с детьми, специально под «кабинет редкостей», Кунсткамеру, был выделен отдельный Зеленый кабинет.

Начало коллекции Кунсткамеры было положено Петром Великим во время его первого путешествия в Голландию. «Сие наше хранилище должно началом своим Государю императору Петру Первому. Город Амстердам положил под оное, так сказать, основание. Петр Великий в первое свое по чужим краям

путешествие в 1698 г. приобрел там множество птиц, рыб и насекомых...» — так описывается начало музея в дневниках камер-юнкера Берхгольца, который он вел в России в царствование Петра Великого [Дневник 1859: 108].

В личной коллекции царя Петра и в Кунсткамере петровского времени было довольно много вещей из восточных стран. Впоследствии эти восточные диковины стали частью Отдела этнографии [Музей антропологии и этнографии 1925: 3], а потом легли в основу и отдельного так называемого Восточного кабинета музея Кунсткамера. Попадали они в коллекцию разными путями, и пока далеко не все источники их происхождения известны доподлинно.

Самым очевидным целенаправленным источником пополнения коллекции были покупки. Известно, например, что ряд китайских вещей из камня, слоновой кости, сандалового дерева, а также упомянутые первые восточно- и западноиндийские диковины Петр Великий купил в 1717 г. во время своего второго путешествия по Голландии [Музей антропологии и этнографии 1925: 3]. Участвовал царь и в аукционных торгах, на одном из которых он приобрел, например, турецкую пороховницу (сегодня в собрании Эрмитажа) [Нарисованный музей 2003, I: 199].

Примечательно, что привезенные восточные вещи, а именно кабинеты и шкафы, в XVIII в. считавшиеся, конечно, не раритетами, а просто прекрасно выполненными вещами работы восточных мастеров, использовались в Кунсткамере в том числе и в качестве мест хранения разных коллекционных диковин. Так, редкости из коллекции Альберта Себы, приобретенной Петром I для Кунсткамеры в 1716 г. за 30 000 гульденов [Бакмейстер 1779: 110], судя по описаниям владельца, хранились в кабинетах из красного ост-индского дерева, из ост-индского кипарисового дерева, в деревянных китайской работы кабинетах, выложенных черепахой и серебром, в лаковых японских кабинетах и ящике из слоновой кости китайской работы и «в нем всякие куриозитеты» [Описание редкостей 1862: 558–561].

Кроме целенаправленно приобретенных истинно коллекционных диковин в музей попадали и просто памятные государю вещи. После Персидского похода по его приказу в Кунсткамеру были отданы взятые русской армией медные ядра, которыми в 1723 г. по русским солдатам стреляли «кызылбаши из персидского города Зинзили» [Шафрановская 1967: 12]. После того же Персидского похода через кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова государь передал в Кунсткамеру поднесенный ему «на расписном и шелковой парчой накрытом деревянном подносе персидской работы» ключ от взятого его войсками города Дербента [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 26. Л. 61 об.; Материалы 1895: 312].

Экспонатами Кунсткамеры становились и «куриозные» восточные вещи, присылавшиеся ко двору. Часто это были и дипломатические дары¹. Так в музее

¹ Надо сказать, что иногда дары подносились при весьма курьезных обстоятельствах. В архивных бумагах о Петре Великом есть документ, входящий в «роспись издержек в походе за царским величеством, когда изволил ездить на встречу галер из Данцинга до Кенигсберга», от 23 апреля 1716 г., в котором указано, что «священник Иван Хвисанфов... отдал 10 червонных в Кенигсберге человеку от персидского посла, человек принес от него в презент к царскому величеству ковер». Правда, о дальнейшей судьбе этого подарка источники умалчивают.

появился «стеклянный стакан с крышкой, камнями украшенный, который некогда от турецкого вазира царю российскому в подарок прислан был» [Материалы 1895: 313]. Дары иногда подносились и собственно музею. В 1739 г. Кунсткамеру посетил очаковский сераскир² Яхья-паша, взятый в плен при штурме Очаковской крепости в 1737 г. во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., который подарил музею «две монеты золотые да десять серебряных ходячие турецкие» [Там же: 317].

Коллекции музея разрастались довольно быстро. В губернские канцелярии в период 1717–1721 гг. рассылались специальные указы «пересылать в музей... старые подписи на камнях, железе или меди или какое старое и необыкновенное ружье, посуду и прочее, что зело старо и необыкновенно» (цит. по: [Станюкович 1964: 3]), и в целом двадцатые годы XVIII в. были временем активного пополнения коллекций Кунсткамеры. О результатах этой поисковой деятельности сообщается в документе, так и названном: «Роспись вещам древним, которые сысканы и присланы из разных мест и много художественных вещей», датированном 1726 годом и фиксирующим 128 предметов. Среди них упомянуты «татарский идол», «два идола резные из пшена сорочинского», «пара персицких башмаков», несколько четок, в том числе агатовые и золотые, «одежда татарских жен» [СПФ АРАН. Раз. III. Оп. I. Д. 72. Л. 1 об., 2, 2 об., 3 об., 5 об.; Материалы 1885: 50, 70]. В «Материалах для истории Императорской Академии наук» тоже упоминаются прибавления к коллекции императорского музея. Например, в параграфах 88 и 135 соответственно говорится, что 3 августа 1724 г. лейб-медик Блюментрост «принес медальное, татарским письмом внутри и снаружи насеченное блюдо, при старом японском зеркале, с старым японским письмом, причем экспликация на российском языке приложена, и приказал хранить в куншт-каморе», а 5 декабря того же года «от господина лейб-медикуса золотая турецкая монета... в кабинет отдана, которую князь Мещерский императору презентовал, с абрисом уродливой собаки» [Материалы 1885].

Эти упоминания говорят о том, что собрания вещей из азиатских стран, под которыми понимались тогда и страны мусульманского Востока, разрастались. По свидетельству И. Бакмейстера, исполнявшего в 70-х годах XVIII в. должность под-библиотекаря Академии наук, в 20-е годы XVIII в. в числе прочего Кунсткамера получила собрание «многих азиатских редкостей, которые внес в Кунсткамеру доктор Буксбаум, отправившийся в 1724 году в Константинополь... в должности посольского врача» [Бакмейстер 1779: 114–115]. Во время своего путешествия, целью которого было «чинить наблюдения до натуральной истории», Буксбаум побывал еще у границ с Ираном, а обратный путь проделал через Дербент и Астрахань [Там же: 115]. Поскольку одним из поручений Буксбауму, согласно сохранившейся инструкции, было «все прилежно смалевать велеть», то сопровождать его в поездке должен был живописец Филипп Егорович Маттарнови, которому по этому случаю выдали двухгодичное жалование «по 120 рублей в год» [Материалы 1885: 55]. Какие конкретно вещи привез доктор Буксбаум из командировки, продолжавшейся с 1724 по 1729 г., И. Бакмейстер не сообщает, но зато замечает, что 1728 г. обогатил музей «множеством

² Командующий турецкой армии.

китайских и татарских редкостей», в числе которых было и «собрание древних российских и татарских монет числом более тысячи» [Бакмейстер 1779: 115–116, 118].

Таким образом, коллекции восточных редкостей Кунсткамеры так или иначе продолжали пополняться и после смерти Петра I, который, руководствуясь примером европейских государей, стремился соотнести собирательскую деятельность в России с научными изысканиями. Воплощением его замысла стало основание в 1724–1725 гг. Императорской Академии наук, в структуру которой в 1722 г. были включены Библиотека и Кунсткамера [Музей антропологии и этнографии 1925: 3].

Среди различных научных направлений, которыми должна была заниматься Академия, было и гуманитарное, а среди приглашенных из Европы для подготовки национальных кадров специалистов-энциклопедистов оказались и ученые-ориенталисты, например востоковед-китаист Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), снискавший тем не менее особую известность в области классической филологии и античной литературы. К научной и переводческой деятельности в русле академических исследований привлекались и востоковеды, служившие в Коллегии иностранных дел. В 1737 г. профессор-ориенталист Георг Яков Кер (1692–1740), писавший до этого на темы скифской истории, занялся изучением татарских и турецких надписей, которые привез из экспедиции в районы нижнего течения Дона, побережья Азовского моря и Крыма академик Готлиб Фридрих Вильгельм Юнкер, отправившийся туда в качестве историографа войны с турками [Тункина 2002: 27–30]. Такого рода «путешествия с оказией» и особенно поездки, организованные специально для обследования разных районов Российской империи и ближайших сопредельных территорий, стоявшие в ряду важнейших преобразований еще Петра I [Там же: 29] и продолжавшиеся после его смерти, становились не только источником знаний о стране, толчком к развитию разных наук, но и средством пополнения фондов Кунсткамеры.

К сороковым годам XVIII в. коллекции музея были уже настолько велики, что в 1741–1745 гг. по распоряжению Конференции Академии наук был напечатан двухтомный Камеральный (от лат. *camera* — «зал») каталог коллекций Кунсткамеры, названный *Musei Imperialis Petropolitani Vol. I–II* (MIP Vol. I–II), в котором упоминается довольно большое количество самых разных восточных вещей, в том числе из стран мусульманского Востока³. Это и одежда, и ритуальные вещи, и драгоценности, и оружие. Однако информации об источниках поступления вещей в нем не содержится. Первые такого рода сведения, далеко не полные и касающиеся исключительно вещей, рассматривавшихся как драгоценные, появляются только в «Росписи золотым и серебряным вещам и дорогим камням, которые хранятся при императорской Кунст-камере в палате ГГ», составленной в марте 1745 г. унтер-библиотекарем академиком Иваном Ивановичем Таубертом по приказу Елизаветы Петровны. В этой записке

³ Это первая в России публикация коллекций Кунсткамеры. Отдельные памятники музея были опубликованы раньше, еще в 1724 г., в Париже Бернаром де Монфоконом (Montfaucon B. de) в сочинении «Supplement au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures».

приводится список хранившихся на тот момент в Кунсткамере драгоценных вещей, иногда сопровождаемый информацией о том, откуда появились некоторые из них [Материалы 1895: 299–316]. Источников поступления вещей было немного.

Один из них — Соляная контора. Созданная в 1720 г., она ведала казенными солеварницами и сбытом соли [Российский государственный архив древних актов 1992: 118]. Из нее в Кунсткамеру в период царствования Петра I и позже было передано немного, всего семь драгоценных вещей, и шесть из них — точные редкости. Среди них появившиеся в 1722 г. «две золотые трубочки, красными камнями, лалами и бирюзами украшенные, которые турки на голове носят и называют чайги» [Материалы 1895: 305], и четыре кинжала.

Диковины из стран мусульманского Востока, согласно «Росписи», поступали в Кунсткамеру и от конкретных людей. Все они, тем или иным образом, были связаны с двором.

Очень большое количество вещей, а всего их в «Росписи» приводится более трехсот, поступило от Петра Ивановича Мошкова, занимавшего при дворе должность гофинтенданта. Через его посредничество в Кунсткамере появились, например, «золотая выпуклая крышка с бирюзами (примеч.: татарские жены подобно такие ж металлические зеркала, в которых они хранят свои румяна, для украшения на грудях носят)» и «ковш золотой с ручкой, на поле и на дне онаго вырезаны разные фигуры с арабской подписью чагайского диалекта, который во время Тамерлана употребляли» [Материалы 1895: 303–304, 307]. Одним из самых примечательных экспонатов, поступивших от П.И. Мошкова, стал «стеклянный рог для питья» [Там же: 299–313], позже определенный как рог сирийской работы XIV в., попавший к представителям лифляндского рода Дрольсхагенов, которые в 1551 г. заказали для него оправу [Во дворцах и в шатрах 2008: 83, кат. № 68]. От П.И. Мошкова в музей появилось и большое количество т.н. «могильного золота» [Материалы 1895: 302–311], т.е. золотых вещей, обнаруженных в курганных захоронениях восточных кочевников, раскапывавшихся тогда на территории Сибири⁴, а также восточное оружие. Он же передал в музей кувшин, посланный Петру в подарок от «турецкого верховного визира» [Там же: 313]. Как видно, П.И. Мошков был посредником, передававшим в музей вещи, тем или иным образом, оказывавшиеся в его руках. В том числе это были, видимо, и вещи, принадлежавшие царской семье. На это еще косвенно указывает (кроме должности Мошкова), например, письмо государыни Екатерины Алексеевны к архангельскому вице-губернатору от 23 июня 1717 г., посланное из Амстердама, в котором содержится приказание доставить Петру Мошкову вещи императрицы, посланные в Архангельск от купца Даненштерна на корабле «Анна Таклес» [Опись документов и дел 1909: 30]. Его имя упомянуто еще в двух письмах будущей государыни Екатерины I тому же вице-губернатору с похожим содержанием от 21 августа 1717 г. и 25 января 1718 г. [Там же: 30, 32].

Государыня императрица, со своей стороны, способствовала пополнению коллекций музея, в том числе и восточными редкостями. «В 1725 г. по высочай-

⁴ Археологические памятники из драгоценных металлов, судя по «Росписи», передавались еще доктором Д.Г. Мессершмидтом и кабинет-секретарем А.В. Макаровым.

шему повелению Ее Величества... Императрицы Екатерины Алексеевны I присоединено было к Кунсткамере собрание естественных и искусственных вещей разного рода, числом около двухсот» и среди них «немалое число Китайских и татарских разного рода редкостей» [Беляев 1800: 7]. Кроме того, по ее приказу в Кунсткамеру поступили еще двадцать пять ключей от тех городов, которые были взяты в Турецкой войне⁵ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 26. Л. 51 об.; Материалы 1895: 312].

Другим членом двора, с чьим именем связано пополнение ближневосточных коллекций Кунсткамеры, был видный государственный деятель, дипломат Артемий Петрович Волинский. Согласно «Росписи» от него в музее появилась «персидская чашечка из пшена сорочинского, накладная, золотом расписанная и разноцветными камнями украшенная» [Материалы 1895: 305]. Как такая драгоценная вещь попала к А.П. Волинскому и была ли она его собственностью, точно сказать пока невозможно. Весьма вероятно, что он привез ее из Ирана, когда был отправлен послом ко двору персидского шаха Султан-Хусейна в марте 1717 г.⁶

В Кунсткамере оказывались и вещи из стран мусульманского Востока, переданные из частных коллекций членов двора, которые, вслед за государем Петром, занялись коллекционированием диковин, в том числе и восточных⁷. В «Росписи» упомянуто, например, что «из Брюсовых пожитков» появилась в музее «четвероугольная серебряная коробочка, на которой написаны стихи из Алкорана⁸, и в оной лежат несколько листов из Алкорана. На одной стороне сей коробочки вставлен ляпис-лазули с арапскою подписью, а с другой бирюза немалой величины» [Материалы 1895: 307] и, кроме того, «кувшинчик продолговатый из китайского темно-красного и бурого камня, серебром с позолотою оправлен, бирюзами украшен. № 19. Такой же, что под № 17» [Там же: 305], которые О.Я. Неверов определил как два турецких кувшина-ароматника из жировика⁹, украшенные серебром и бирюзой, ныне хранящиеся в Эрмитаже

⁵ Имеется в виду русско-турецкая война 1710–1713 гг., больше известная как Прутский поход Петра I.

⁶ Надо отметить, что в сопроводительных грамотах посольства А.П. Волинского [РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. Д. 10–12] и других посланников не содержится никакого перечня даров, которыми, несомненно, обменивались стороны.

⁷ В целом вещи из стран Ближнего и Среднего Востока появлялись в России достаточно часто. В царствование Петра I Россия продолжала поддерживать торговые отношения с этими областями — в России армяне торговали иранскими шелками, жемчугом, алмазами. Через Россию товары из Ирана везли в Германию, была и обратная торговля. В 1720-х годах Россия вела интенсивные торговые дела и с Турцией.

⁸ Коран, равно как и арабский язык и ислам, в России к этому времени был уже довольно хорошо известен. В 1716 г. был напечатан перевод Корана, сделанный Петром Постниковым, в 1722 г. во время Персидского похода был издан манифест Петра I на арабском языке, а Дмитрий Кантемир выпустил обширный труд «Системы магометанской религии», посвященный Турции и исламу [Резван 2001: 391–395; Тихонов 1973:5]. Переписка по этому сочинению опубликована П.П. Пекарским во «Введении в историю Просвещения в России XVIII столетия» [Пекарский 1862].

⁹ Агальматолит или талькохлорит.

(ГЭ, инв. № Уз-831) [Неверов 1998: 11, 16]. Известно еще, что Яков Вилимович Брюс, генерал-фельдмаршал, государственный деятель и один из ближайших сподвижников государя Петра в 1736 г., «снабдил Кунсткамеру драгоценным всякого рода как естественных, так и художественных редкостей кабинетом, который с изящнейшим вкусом, крайним рачением и великим иждивением собрал» [Бакмейстер 1779: 123]. До этого, еще в 1717 г., он передал в государеву библиотеку часть своего книжного собрания в количестве 63 томов (40 названий) [Летопись 2004: 23]¹⁰.

Библиотека была сначала частью единого собрания царя Петра, которое представляло собой библиотеку-музей и которое в документах петровского времени называлось «Библиотека и Кунсткамера», а иногда просто «Кунсткамера». Фонды обеих частей музея пополнялись зачастую из одних и тех же источников и через одних и тех же людей. Так, в 1717 г. П.И. Мошков передал в библиотеку купленное собрание книг на иностранных языках в количестве 29 томов и 25 названий [Летопись 2004: 22], а в июне 1725 г. императрица Екатерина I велела передать книги о восточных странах [Материалы 1885: 116–118]. Второе отделение академической библиотеки содержало книги на восточных языках. «Рукописных книг на восточных языках было немного. Знатнейшие из оных ал-Кораны» [Бакмейстер 1779: 63]. Кроме них подбиблиотекарь Академии наук перечисляет выписки из Корана с толкованиями, «несколько Молитвенников, писанных с совершенной красотой», арабские, турецкие и татарские словари, арабскую грамматику, персидские стихотворные произведения, названные сказками, и другие сочинения, включая «202 папки с китайскими книгами... которые за редкостью своей в Европе причислены к рукописям» [Бакмейстер 1779: 63, 86–87, 93].

Особую роль в ранней истории Кунсткамеры сыграл шотландец Роберт Арескин, служивший у Петра I лейб-медиком и одновременно занимавший должность начальника Аптекарской канцелярии. Ему был поручен надзор за собранием, значительную часть которого составляли анатомические коллекции, и именно его секретарь по иностранной переписке Иоганн Даниил (Иван Данилович) Шумахер в 1714 г. был назначен заведующим книжным собранием и Кабинетом редкостей царя Петра [Летопись 2004: 17–18]. После смерти Р. Арескина в 1718 г. царь купил библиотеку и коллекцию натуралий своего лейб-медика [Нарисованный музей 2003, I: 7], значительно обогатившие собрание музея¹¹. Среди экспонатов этой большой коллекции оказались и восточные

¹⁰ Восточные редкости были и среди блистательного нумизматического собрания Я.В. Брюса, например одна редкая бактрийская монета, которую он сам представил в докладе, зачитанном в Академии наук, а позже опубликовал академик Т.В. Байер [Неверов 1998:12].

¹¹ В Российском государственном архиве древних актов сохранилась духовная Р. Арескина, составленная 29 ноября 1718 г., по которой он завещал: «Библиотеку мою продать, а деньги, за оную полученные, отдать ближайшим наследникам моим. Все курioзные вещи и медали и все другие инструменты никому кроме царского Величества моего Всемилостивейшего Государя не представлять. Соизволит ли Он всемилостиво оные себе купить, которые деньги раздать в сиротские дома, госпитали» [РГАДА. Ф. 9 «Кабинет Петра», Отд. I. Оп. 2. Ч. 2. Д. 53. Кн. 1. Л. 148 об, 149]. Второй экземпляр

раритеты, приобретенные Арескиным явно благодаря «куриозным» материалам, из которых они были сделаны. Так в Кунсткамере появился «татарский скипетр, из рыбьей [т.е. моржовой. — Е.М.] кости сделанный, на обоих концах серебром оправлен и позолочен», «кувшин из пшена сорочинского с серебряной позолоченной оправой» с именем Михаила Михайловича Темкина-Ростовского [Материалы 1895: 303]. Причем, по свидетельству И. Бакмейстера, собрание «минералов, раковин и азиатских редкостей», принадлежавших архиатеру Арешкину, появилось в Кунсткамере только в 1726 г., а до этого с момента его смерти хранилось при дворе [Бакмейстер 1779: 116].

К 1726 г. коллекции первого российского музея уже почти десять лет располагались в Кикиных палатах — большом двухэтажном особняке, конфискованном у опального боярина Александра Кикина, в который петровский музей переехал в конце 1717 или начале 1718 г. [Итс 1980: 15]. В этом же 1718 г. на Васильевском острове состоялась закладка нового музейного здания, проект которого, выполненный архитектором Г.И. Маттарнови, был одобрен лично Петром Великим. Полностью закончено здание было уже другими архитекторами — Н.Ф. Гербелем, Г. Киавери и М.Г. Земцовым — только в 1734 г., но уже к 1728 г. туда были перемещены коллекции Кунсткамеры. Экспозицию в новом музее торжественно открыли 25 ноября 1728 г. [Станюкович 1964: 3], через три года после смерти царя Петра, так и не дождавшегося переезда своей коллекции в новое здание, строительство которого он так торопил. В конструкции нового музейного здания с двумя равными блоками для библиотеки и музея воплотилась идея музея как исследовательского центра и музейно-библиотечного комплекса. Эта же мысль была положена и в организацию экспозиций, в которых музейные вещи располагались в определенном порядке и логической закономерности, что отличало петербургскую Кунсткамеру, находившуюся еще на раннем этапе своей истории и пополнения коллекций, от таких же музеев Западной Европы [Итс 1980: 18]. «Вся Кунсткамера состоит из двух главных частей, из которых первая содержит в себе натуральные, и другие искусством сделанные вещи... а в ей 1) математические и физические инструменты и машины, 2) восковые, резные и точеные фигуры, всякие старинные одежды Китайские, Татарские, Сибирские и другие редкости, картины и дорогие вещи из золота, серебра и проч. и 3) весь кабинет с медалями», — так описывал Кунсткамеру И.Д. Шумахер в 1741 г. [Шумахер 1741].

Активную работу по сбору и систематизации коллекций Кунсткамеры прервал пожар, произошедший в 1747 г. «С каким прискорбием смотреть было должно на толикое множество разбросанных и в грязь пометанных пребогатых вещей! Между тем вытащено из сей безобразной смеси все, что найти могли, и несколько дней спустя перенесено было во второй ярус Демидова дома, где приведено было в порядок так, как место и время дозволило» [Бакмейстер 1779: 127]. Среди утраченных вещей были и восточные раритеты, о которых упоминает даже И.Д. Шумахер в своем официальном сообщении о пожаре Кунсткамеры, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 7 декабря

завещания Арескина хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Ф. 158. Оп. 1. Д. 214а).

1747 г. Текст сообщения, вызвавший негодование членов Академии наук во главе с ее президентом графом Кириллом Григорьевичем Разумовским, был составлен Шумахером, фактически косвенным виновником пожара, так, чтобы уверить читателя, что ничего серьезного не случилось, и намеренно не раскрывать всех утрат.

Между тем были утрачены не только музейные раритеты, в числе которых был знаменитый Готторпский глобус, но и их изображения. В 1730–1740-х годах был предпринят масштабный проект по созданию корпуса изображений памятников Кунсткамеры. Результатом этой работы стали выполненные разными художниками *Icones pictae rerum quae in Academiae thesauris insunt* — первоначально около 4000 листов. Проект этот преследовал как минимум две цели. Одна из них — просто создать общее представление об имеющихся в музее предметах. Для этого служили листы с изображением сразу нескольких разных, но близких по типу вещей, если такие были в коллекции. Вторая цель, вероятно, — дать возможность более тщательно изучить памятники и создать в будущем уже подлинно научный каталог, в котором вещи были бы опубликованы со сделанными по этим рисункам гравюрами-иллюстрациями, как это практиковалось в странах Европы [Нарисованный музей 2003, I: 24]. Вот что пишет об этом И. Бакмейстер: «Чтобы любителям естественной повести представить со временем исправное описание Кунст-камеры, стали упражняться в рисовании с натуры всякой обретающейся в оной, как естественной, так и художественной вещи; начали вырезывать на листовых медных досках самые редкие и драгоценнейшие вещи; и наконец, дабы росписи могли быть вразумительные народу, приказано было перевести оные на российский язык» [Бакмейстер 1779: 126–127]. Такой каталог, причем написанный, как видно, по-русски, стал бы еще одним свидетельством видения музея как исследовательского центра. Однако проект если и предполагался, то не осуществился, идея забылась, а большая часть рисунков и гравюр и многие другие экспонаты музея погибли в пожаре — из 58 коробок, в которых были положены листы, сохранились только 17 [Нарисованный музей 2003, I: 10]. Сохранившиеся рисунки дают уникальную возможность увидеть находившиеся в Кунсткамере вещи, как уцелевшие в пламени пожара, так и особенно — погибшие в нем. Среди них есть изображения редкостей, привезенных из стран Ближнего Востока. На рисунках представлены совершенно разные предметы, от одежды до драгоценного оружия, которое почти все удалось спасти.

Не только отдельные экспонаты Кунсткамеры до пожара, но и экспозицию музея начала 40-х годов XVIII в. тоже можно представить благодаря письменным источникам. Один из них — уже упомянутый двухтомный камеральный каталог *Musei Imperialis Petropolitani Vol. I–II*. Каталог этот был создан в форме, которой еще долгое время будут придерживаться каталоги других музеев, как российских, так и зарубежных — в нем экспонаты перечисляются и кратко описываются в том порядке, в котором они были выставлены в витринах [Нарисованный музей 2003, I: 12]. Таким образом, этот каталог позволяет совершить своеобразное путешествие во времени и пространстве, помещая читателя на экспозицию Кунсткамеры 1741–1745 гг. Картины позволяют сделать еще более объемной чертежи и рисунки музейного пространства, опубликованные в 1741 г. в немецком альбоме *Gebäude*

der K. Akademie der Wissenschaften Bibliothek und Kunst-Kammer in St-Petersburg, а также в русском издании *Палаты Санкт-Петербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили*. Согласно планам, «всякие куриозные вещи из золота, серебра и драгоценных камней» хранились в кабинете на первом этаже левого крыла здания Кунсткамеры между кабинетом с медалями и кабинетом, где хранились те самые «миниатюрные, водяными красками сделанные картины и при том оригинальные рисунки всем в Кунсткамере находящимся вещам». На втором этаже этого же крыла находились токарные машины Петра Великого и занимавшая отдельный кабинет его восковая персона. Третий этаж крыла был отдан под «камеры для сохранения старинных и до любопытства надлежащих вещей, которые находятся вдвое» [Палаты 1741: таб. V].

После пожара коллекции продолжали расти. В 1750-х годах были организованы специальные экспедиции для восполнения утраченных в пожаре вещей, в том числе и восточных, а также сибирских археологических древностей Петровской коллекции [Итс 1980: 26–27]. В качестве первого послепожарного приобретения И. Бакмейстер упоминает коллекцию «золотых, серебряных и медных могильных Сибирских древностей, которые уступлены были Кунсткамере от г. статского советника Миллера» [Бакмейстер 1779: 128]. В 1754 г. музей получил «множество китайских и татарских диковинок, из которых одна часть прислана была от наследников умершего в Иркутске Губернаторского товарища Ланга, а другая привезена из Пекина лекарем Елатичем, которому при отъезде его с караваном в Китай поручено было от Академии собирать редкости» [Там же]. В 1764 г. в Кунсткамере появились вещи знаменитого «Мельгуновского клада», происходившие из скифского кургана, раскопанного на Днепре одним из блестящих государственных деятелей екатерининской эпохи Алексеем Петровичем Мельгуновым [Там же: 130].

В 1766 г. здание Кунсткамеры было отстроено заново, что позволило снова вернуть туда коллекции, разместившиеся после пожара в доме Демидова [Бакмейстер 1779: 127]. И.И. Тауберт, ведавший в тот момент всеми академическими делами, первоначально не позаботился о восстановлении в новом здании прежнего порядка в экспозиции, и работать с коллекциями долгое время было невозможно [Итс 1980: 30]. Восточным вещам отводилась в этом здании целая галерея. «Смотря тут на одеяния уборы и скарб столь многообразных азиатических народов, подумаешь, будто бы ты вдруг перенесся в восточные области. На одной стороне видны одеяния и другие вещи Китайские и Персидские; а на другой Мордовские, Самоедские, Остяжские, Киргизские, Бурятские, Тунгусские, Якутские, Ламутские, Татарские, Монгольские, Чукчские, Камчадальские, Курильские и Алеутские» [Бакмейстер 1779: 136–137]. Примечательно, что Китай и Иран были показаны по соседству, и причину этому видеть можно во внешнем сходстве материалов, использованных в первую очередь для пошива одежды: «Китаец и Персианин носит атлас и золотую парчу» [Там же: 137]. Осип Петрович Беляев, унтер-библиотекарь и надсмотритель Кунсткамеры на рубеже XVIII и XIX вв., подробно описывая внешность, характер персов и хранящиеся в Кунсткамере персидские кафтаны, замечает, что в музее платьев было три, а «одежда персиян весьма покойна и щеголевата» [Беляев 1800: 224–226].

В конце 1760-х годов произошло знаковое для молодой музейной науки России событие — коллекции Кунсткамеры были отданы на раздельное хранение нескольким членам Академии наук. «Порядочное содержание разного звания моделей, математических и прочих инструментов, китайского, камчадальского и прочих разных народов платья и других достопамятных и курьезных вещей» было поручено для хранения и изучения подбиблиотекарю Осипу Петрову, работавшему, правда, недолго [Итс 1980: 31]. В начале 1780 г. по распоряжению уже тогдашнего надсмотрителя Кунсткамеры академика-математика Семена Кирилловича Котельникова срочно были изготовлены «для разного курьезного азиатского платья несколько манекенов с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором» (цит. по: [Итс 1980: 33]). Так, с восточных коллекций было положено начало идее демонстрации этнографических памятников при помощи замечательных манекенов, изображающих представителей разных народов мира, которые сегодня по праву можно считать отдельной коллекцией музея.

По-прежнему отдельно от других вещей в Кунсткамере екатерининского времени хранились «драгоценные редкости» Петровской коллекции. «Потолки в сих покаях штукатурные, а стены украшены разными подлинными картинами славных мастеров Рембранта, Гухтенбурга, Лингельбаха, Вергусона и проч.» [Бакмейстер 1779: 137]. В числе этих редкостей оставался и рог Дрольсхагенов, а также «многие победоносные турецкие знаки», ключ от Дербента и «разные золотые Индийские и Татарские кинжалы, из коих один оправлен финифтью, а другие сыпаны жемчугом и красными яхонтами» [Там же: 178–179].

С конца 60-х годов XVIII в. основные фонды Кунсткамеры снова стали пополняться благодаря многочисленным экспедициям, организованным Академией наук по приказам сначала Екатерины II, стремившейся продолжать великие начинания Петра I, а потом и других монарших особ. Одной из таких экспедиций было, например, исследование в начале 1770-х годов южного побережья Каспийского моря, находившееся тогда во владении Ирана, отрядом во главе с выдающимся путешественником-натуралистом академиком Самюэлем Готлибом Гмелиным. В это время собрания музея особенно разрослись, а сам музей к концу XVIII столетия превратился в крупный научный центр [Итс 1980: 33], в котором, в числе прочих, были рукописи и «книги, на восточных языках написанные», хранившиеся в верхнем ярусе библиотеки [Беляев 1800: 23].

Благодаря экспедициям в музее появилось большое количество предметов, показывающих традиционную культуру азиатских народов. Они составили коллекцию, с которой не мог соперничать ни один музей в Европе [Музей антропологии и этнографии 1925: 3–4]. О.П. Беляев упоминает и о передаче Екатериной II в Минц-кабинет нескольких присланных от одного казанского губернатора азиатских монет, которые в 1785 г. дополнили и без того прекрасное собрание восточных монет и медалей Минц-кабинета. «Но кабинет наш отменно преимуществует перед прочими Арабскими и Татарскими монетами; тако же монетами Андерабских, Самаркандских и Шашских Калифов; крымских, Болгарских, Азовских и золотой орды Ханов. Число сих монет простирается до 8000» [Бакмейстер 1779: 191]. Кроме монет в Минц-кабинете хранился еще и «превосходный бухарский песок, в котором несколько находится зерен и довольно крупных шариков самого чистого самородного золота, и в коем веса

больше фунта содержится» [Беляев 1800: 163]. Среди костяных вещей унтербиблиотекарь выделил «две иготи¹² с пестиками старинной индийской работы, на коих вырезаны разные иероглифические фигуры и проч.» [Там же: 149].

Редкости из Петровского собрания на рубеже XVIII–XIX в. тоже хранились в Минц-кабинете, составляя его второе отделение [Беляев 1800: 3]. Из числа драгоценных вещей кроме оружия, упоминавшихся уже рога Дрольсхагенов, золотого ковша и подаренного турецким визирем стеклянного кувшина, который О.П. Беляев называет стаканом, он выделяет «четыре щита, из коих два золотых <...> и два серебряных и <...> представляет на внешней стороне слона с башней»¹³, «ноздреватый камень темно-пурпурного цвета <...> которым турки и татары обыкновенно в банях своих трутся», «две золотых скуфьи, одна в другую вложенных <...> которые Бухарцы обыкновенно употребляют вместо шлемов», «золотые серьги <...> которые татарские жены <...> носят в ушах», «перо Волохского Господаря¹⁴, которое обыкновенно ему дается от турецкого Султана в знак подтверждения его владений» и, наконец, «турецкий рог для держания пороха, сделанный <...> из большой жемчужной раковины и оправленный вызолоченным серебром» [Там же: 5–7, 9–10].

Столь разросшиеся фонды восточных древностей позволили в ноябре 1818 г. тогдашнему директору Кунсткамеры Николаю Яковлевичу Озерецковскому выделить из музейных фондов и фондов библиотеки в числе других отделений Восточный кабинет (собрание этнографических предметов из стран Востока и восточных рукописей из академической библиотеки). Указ о создании «Восточного кабинета» 11 ноября 1818 г. подписал президент АН Сергей Семенович Уваров [Станюкович 1953: 214]. Возглавить это собрание, очень быстро получившее второе, более распространенное название — Азиатский музей (ныне Институт восточных рукописей РАН) — было поручено академику Христиану Даниловичу Френу [Итс 1980: 46]. Таким образом, Кунсткамера как единый естественно-исторический музей перестала существовать, но этим шагом было положено начало создания на базе единой Кунсткамеры нескольких отдельных академических музеев, в том числе Этнографического музея в 1837 г. и Анатомического кабинета¹⁵. По мере дальнейшего роста коллекций этого музея во второй четверти — середине XIX в. восточные вещи прибавлялись. В это время они поступали преимущественно в качестве даров коллекционеров или покупок у частных лиц. Появлялись предметы, отражающие культуру и этнографию народов дальневосточных стран, Индии, а также Африки. Одна из первых записей журнала поступлений Кунсткамеры фиксирует, например, покупку в 1838 г. у директора Азиатского музея академика Х.Д. Френа тридцати трех предметов, характеризующих культуру арабов Египта [Журнал. Запись № 6].

¹² Т.е. ступки.

¹³ Имеются в виду бактрийские фалары III–II вв. до н.э. (ныне собрание Государственного Эрмитажа) [Тревер 1940: табл. 1, 2; Иванов, Луконин, Смесова 1984: 21–22].

¹⁴ Т.е. джика/эгрет господаря (правителя) Валахии.

¹⁵ В 1879 г. два последних музея были объединены в единый Музей антропологии и этнографии, который в 1903 г. получил имя Петра Великого. МАЭ функционировал до 1933 г., когда он вошел в Институт этнографии АН СССР. Вновь он был воссоздан в качестве отдельного научного учреждения в 1992 г.

В середине XIX в. Передняя Азия стала объектом разностороннего изучения российскими исследователями. В частности, можно упомянуть т.н. Хорасанскую экспедицию Н.В. Ханькова 1859–1859 гг. В это же время на Ближнем Востоке работали русские военные топографы и геодезисты. Некоторые из них занимались изучением этнографии местных народов и собирали коллекции. То же можно сказать и о русских дипломатах этого времени и более поздних периодов (К.М. Базили, К. Боде, П. Рисс, А. Адамов, В.Ф. Минорский и др.) [Кисляков 1983: 7].

Одновременно с ростом этнографических коллекций первого российского музея Кунсткамеры расширялись и собрания Эрмитажа — первого художественного музея страны при императорском дворе. В 1848 г. для создания «Галереи Петра Великого» в Эрмитаж из Кунсткамеры был передан «Кабинет Петра Великого». Первый относящийся к этому событию документ на имя начальника I-го отделения Императорского Эрмитажа Эр. Лабенского зарегистрирован под № 2159 в «Делах комитета Правления Императорской АН по высочайшему повелению о сдаче предметов Кабинета Петра в Эрмитаж и Главное Адмиралтейство», датирован 7 апреля 1848 г. и подписан гофмаршалом графом А. Шуваловым [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 12. Л. 187]. В документе сообщается о том, что государю императору угодно, чтобы вещи, принадлежавшие императору Петру Великому, не были помещены во Французской галерее при размещении в ней драгоценных вещей, ибо о вещах Петра I «будет особое в свое время распоряжение (Д. 9, 1848–1849)» [Там же Л. 178.]. 21 мая 1848 г. граф Шувалов уведомил Лабенского, что государь император высочайше повелел все значащиеся в печатной описи предметы, находящиеся при Императорской АН в здании Кунсткамеры в отделении, называемом «Кабинет Петра Великого», передать в Императорский Эрмитаж за исключением ряда вещей, некоторые из которых были переданы в Главное Адмиралтейство [Там же. Л. 179, 186]. Для размещения «Кабинета Петра Великого» была выделена восточная галерея Малого Эрмитажа, получившая название Петровской.

С передачей «Кабинета Петра Великого» в Императорский Эрмитаж Этнографический музей лишился ряда восточных вещей, прежде всего коллекции сибирских археологических древностей и хранившегося в Кабинете восточного оружия. Однако начиная уже с конца 1830-х годов в музей от частных собирателей стали поступать коллекции вещей народов Кавказа [Журнал. Запись № 7, 18], а с восьмидесятых годов XIX в. вследствие возросшей политической активности России в Средней Азии в этот период и возникшего интереса к культуре этого историко-географического пространства в музей, который к тому времени уже получил название Музея антропологии и этнографии, начали появляться вещи, отражающие культуру разных среднеазиатских народов. Они поступали и от частных лиц, и от представителей государственных служб. Например, в 1880 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман передал в дар музею фотографический альбом типов разных народов Средней Азии [Там же. № 116]. Художник Кокшаров в том же году подарил альбом своих зарисовок киргизов [Там же. № 118], а в 1883 г. доктор А. Регель преподнес Кунсткамере две большие коллекции (в общей сложности около пятисот вещей) турфанских древностей [Там же. № 132, 144]. В 1930 г. они большей частью были переданы

в Эрмитаж в числе других столь же и даже более значительных коллекций турфанских памятников, поступивших позже [Там же. № 1357, 1721–1727, 1780–1782, 1905, 1908, 1939, 1970–1971, 2065].

Коллекции этнографических памятников народов мусульманского востока в 60-х годах XIX в. продолжали расти благодаря передачам Кунсткамере коллекций от разных научных обществ или организаций, в том числе и зарубежных. Так, в 1862 г. из Национального музея Копенгагена была передана коллекция предметов быта африканских арабов [Журнал. Запись № 132, 53]. В это и в последующее время в пополнении коллекций музея памятниками восточных и среднеазиатских народов стало участвовать и основанное в 1845 г. Императорское географическое общество [Там же. № 440, 442, 672, 769, 1210]. В 1860-х годах активный процесс накопления знаний и вещественных материалов уже требовал обобщения, а этнография в России с этого времени становится самостоятельной научной дисциплиной [Итс 1980: 76–77].

Во второй половине XIX в. коллекции народов Ближнего Востока и Средней Азии продолжали хоть и не очень интенсивно по сравнению с другими отделами музея, но все же время от времени пополняться благодаря дарам частных лиц и покупкам. Например, в 1872 г. путешественник и ученый Василий Васильевич Юнкер подарил музею большую коллекцию арабской глиняной посуды и фотографий [Журнал. Запись № 106]. Только с конца XIX — начала XX в. коллекции этнографических памятников народов мусульманского Востока стали расти очень интенсивно, в очень большой степени заложив основу сегодняшних коллекций отдела Южной и Юго-Западной Азии МАЭ, весьма объемно представляющих этнографию большинства народов этого региона. 1895 год ознаменовался покупкой большой коллекции предметов быта турок, курдов и армян у губернатора Карсской области Петра Ивановича Томича [Там же. № 293]. В 1899 г. от потомственного почетного гражданина Георгия Михайловича Осокина поступили предметы мужского костюма тюркских народов Восточного Туркестана [Там же. № 439]. В 1899 г. в составе нескольких коллекций этнографических памятников разных народов мира, переданных по завещанию в дар музею от известного русского адмирала Константина Николаевича Посьета, появились турецкие вещи и вещи разных народов Кавказа и Средней Азии [Там же. № 476, 477, 479, 480]. 1899 г. академик барон Виктор Романович Розен передал в дар Кунсткамере небольшую коллекцию предметов быта персов [Там же. № 493], и в том же году через академика Карла Германовича Залемана от геолога Адольфа Гебеля была передана в дар коллекция обуви и украшений персов и народов Закавказья [Там же. № 524].

Памятники восточных культур появлялись в этот период в музее и в качестве подарков венценосных особ. В 1896 г. император Николай II подарил Музею антропологии и этнографии обширные коллекции предметов быта разных народов Африки, Сибири, Средней Азии, Индии, Дальнего Востока [Там же. № 310–315], приобретенных им прежде всего во время его путешествия по Востоку в 1890–1891 гг.

На рубеже XIX–XX вв. стали пополняться персидский, среднеазиатский и афганский фонды МАЭ. Вещи поступали в качестве даров тогдашних

сотрудников музея [Там же. № 780–781, 1201, 1084–1085], от сотрудников различных организаций [Там же. № 1933, 1969.], частных лиц [Там же. № 1290, 1309, 1487, 1511, 1513, 1489, 1501, 1845–1848] и посредством покупок [Там же. № 956, 1193, 1194, 1275, 1276, 1250, 1255, 1256, 1323]. Среди частных лиц, делавших подарки музею, наиболее примечательным оказался полковник армии Российской империи, представитель древнего азербайджанского рода, участник ряда экспедиций по Средней Азии Александр Петрович Реза-Мирза-Кули Каджар. В 1898 г. через известного русского историка и этнографа Павла Ивановича Небольсина он передал МАЭ в дар одиннадцать вещей, в числе которых были персидские письменные приборы, чернильницы, пинцеты [Там же. № 399].

С конца XIX в. стали широко практиковаться длительные командировки на Ближний Восток выпускников и преподавателей факультета Восточных языков Петербургского университета. Многие исследователи собирали этнографические коллекции, поступавшие в академические музеи [Кисляков 1983: 8]. В начале XX в. фонды МАЭ продолжали расти благодаря вещам и фотографиям, привозившимся из командировок в Среднюю Азию и Иран сотрудниками музея [Журнал. Запись № 1421, 1790, 1289, 1329, 1461, 1485, 1709, 1710, 1776, 1777] и сторонними исследователями [Там же. № 1272, 1273, 1274, 1277, 1278, 1352, 1399, 1400, 1492, 1918]. К 1917 г. в музее было уже богатое собрание по народам Ирана (несколько сот предметов) и Турции (около сотни экспонатов) [Кисляков 1983: 8]. Покупка у студента Сигизмунда Владиславовича Смогоржевского в 1908 г. одежды и украшений арабов, друзов из Аравии и сирийского Хаурана [Журнал. Запись № 1345] пополнила коллекции народов арабского Востока. В дальнейшем эта деятельность в музее будет продолжена.

В это время директором музея был Василий Васильевич Радлов, блестящий специалист в области тюркского языкознания, филологии, этнографии и истории. Занявший этот пост в 1894 г. и руководивший музеем до 1918 г. В.В. Радлов превратил МАЭ в истинно научный центр российской этнографии. Он добился от Академии наук распоряжения о пополнении фондов новыми экспонатами за счет академических средств, а также поощрения пожертвований. При В.В. Радлове впервые были заведены истинно научная регистрация и описание коллекций, изменен принцип коллекционирования — от случайных поступлений состоялся переход к планомерным сборам по строго научным принципам [Итс 1980: 84–87]. Благодаря В.В. Радлову в Музей антропологии и этнографии, которому в 1903 г. было присвоено имя Петра Великого, пусть на время и не целиком, но все же вернулись личные вещи его основателя — «Кабинет Петра Великого» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 26. Л. 37 об.].

Мысль о создании особого музея в память Петра Великого возникла еще в 1909 г. [Пекарский 1915: i]. Основой для музея должна была стать «Петровская галерея» Императорского Эрмитажа. Последовало соответствующее ходатайство президента Императорской Академии наук Великого князя Константина Константиновича «на передачу коллекций Петровской Галереи Императорского Эрмитажа в полном ее составе, до павильона Павлина, с первыми планами

Санкт-Петербурга и некоторыми гравюрами» в Академию наук для создания особого музея в память императора Петра I. Это ходатайство было передано министром Императорского двора бароном Владимиром Борисовичем Фредериксом Николаю II, который дал согласие на предложение, о чем барон Фредерикс сообщил в официальном письме от 8 декабря 1909 г. Великому князю Константину Константиновичу [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 1. Л. 25]. В здании МАЭ были отведены четыре комнаты на третьем этаже, в которых должны были разместиться все переданные вещи. Передача завершилась осенью 1910 г., и принявший их на хранение известный этнограф Эдуард Карлович Пекарский стал заведующим Галереей Петра I в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого. Размещение вещей закончилось только через полтора года, и 20 мая 1912 г. Галерея Императора Петра I была торжественно открыта для публики [Пекарский 1915: ii].

Однако в МАЭ были возвращены не все вещи, которые когда-то хранились в «Кабинете Петра I». При создании новой «Галереи» было высказано высочайшее повеление императора Николая II о том, что «вообще все вещи, как находящиеся уже в Галерее, так и предназначенные в оную, тщательно просмотреть, чтобы из числа их исключить все то, что не принадлежало Петру I или относится ко времени после его кончины» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 1. Л. 25; Д. 12. Л. 176, 177; Д. 9. Л. 5]. Таким образом, в «Галерею» вернулись только те вещи, которые на момент 1909 г. считались принадлежавшими лично Петру Великому¹⁶. Из восточных вещей Кабинета Петра в МАЭ, судя по путеводителю Э.К. Пекарского, вернулись только «блюдец японское белого фарфора», «кофейники китайские, фаянсовые» и «три покрывала китайских, шелковых, кроватных, украшенных цветами, птицами и человеческими фигурами» [Пекарский 1915: 34, 40]. Кроме того, по приказу Николая II наиболее ценные предметы из коллекции Петра должны были тоже остаться в Эрмитаже. Ими были «сибирские древности, восточное и европейские оружие, имеющее фундаментальное и ничем не заменимое место в коллекции Эрмитажа» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 1. Л. 25].

Сегодня «сибирская коллекция Петра Великого» и ранние памятники холодного оружия мусульманского Востока выставляются в Галерее Драгоценностей-2 («Золотая кладовая») Государственного Эрмитажа, а когда-то именно они стали основой первых подлинно археологических коллекций в России и началом будущего собрания оружия народов мусульманского Востока в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере).

¹⁶ Характер музейно-хранительской и реставрационной практики начала прошлого века позволяют представить заметки в «Дневнике служителя Галереи Петра I Осипова». В среду, 21 декабря 1911 г. Осипов получил поручение «купить на рынке медный наконечник для шашки Петра Великого», а в субботу 10 декабря 1912 г. он должен был «1. наконечник к кортику; 2. постамент к рюмке № 741; 3. склеить деревянную тарелку № 754; 4. спаять шарнир от упора верха коляски Петра Великого; 5. контору Петра Великого привести в порядок: склеить отстающие места, спаять поломанную ручку, исправить замки» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. № 18. Л. 81, 84].

КОЛЛЕКЦИИ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ НАРОДОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА В МАЭ

Появление холодного оружия в коллекции Кунсткамеры, как и создание самого музея, связано с личностью государя Петра I. Оружием царь Петр интересовался особо и очень серьезно. Лучшим доказательством этого служит личная оружейная коллекция государя, насчитывавшая пятьсот двадцать шесть образцов. После смерти императора в 1731 г. она была перевезена из Москвы в Петербург, где сначала разместилась в т.н. Домике царевича Алексея Петровича, небольшом дворце на берегу Невы, но вскоре переместилась в Итальянский дворец на берегу Фонтанки. Позже Петровская коллекция легла в основу Рюйсткаммеры, расположившейся сначала в Ораниенбауме, а потом переведенной обратно в Оружейную палату. Собранные в коллекции государя образцы боевого оружия, насчитывавшие свыше пятисот предметов, были сделаны в четырнадцати крупнейших оружейных центрах восточных и европейских стран и представляли собой одну из лучших коллекций мира.

Базой для этого оружейного собрания стали типичные образцы основных видов и конструкций оружия, что говорит о том, что оружием царь Петр интересовался не столько как коллекционер, сколько как прагматик, занятый организацией регулярной русской армии [Тихомирова 1995: 16, 18]. Известно, что во время своей поездки в Голландию он осматривал Брюссельский арсенал [Сборник выписок 1872: 58], который входил в число оружейных собраний Европы, где в XVI–XVII вв. шел процесс сложения таких известных собраний, как Лондонский Тауэр, Венский Арсенал, Оружейная палата шведских королей [Восточное оружие 2013: 9]. В России именно Петр I стал родоначальником систематического коллекционирования оружия, хотя и прежде у киевских, а затем и московских князей и вельмож были домашние арсеналы, которые после смерти их владельцев отправлялись в Кремлевскую Оружейную палату [Тихомирова 1995: 6, 8, 10; Восточное оружие 2013: 9]. В Оружейной палате хранились значительные собрания оружия, в том числе и принадлежавшее еще Алексею Михайловичу, в котором было восточное оружие [Восточное оружие 2013: 9; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 35. № 52091].

Среди восточного оружия в личном собрании Петра большую часть составляло огнестрельное и холодное оружие Турции, но было оружие и из других восточных стран — Китая, Средней Азии, Марокко [Тихомирова 1995: 72–73, 77], к которому, таким образом, царь Петр в какой-то мере проявлял интерес. В Кунсткамеру тоже первоначально приобреталось оружие и военные доспехи разных народностей, поскольку государь интересовался военным делом [Станюкович 1953: 13]. Кроме того, в музей отправлялись уже упоминавшееся памятное государю трофейное оружие: ядра и бомбарды, взятые во время Персидского похода и осады Дербента. Эти предметы в Кунсткамере не были выделены в особые мемориальные отделы, но всем было понятно их политическое звучание среди прочих редкостей музея [Нарисованный музей 2003, I: 196]. Однако наиболее частыми предметами коллекции петровского музея диковин было не боевое оружие, а «курьезное», церемониальное.

Это оружие, появившееся в музее при государе Петре Великом и в следующие пятнадцать лет после его смерти, перечислено в каталоге *MIP* [Musei 1741].

В каталоге отмечено и археологическое оружие, и оружие нового времени, которое появлялось в Кунсткамере из разных восточных стран, в том числе и стран мусульманского Востока. Среди ближневосточного оружия большинство представляют кинжалы и ножи. Причем, поскольку в *МР* экспонаты перечислены в той последовательности, в которой они были расставлены в музейных витринах, становится понятно, что в сороковых годах XVIII в. почти все предметы вооружения были собраны и показаны в двух группах. Отдельно от всех и друг от друга были выставлены только «шлем военного при Оттоманском дворе», демонстрировавшийся, судя по номерам каталога, вместе с предметами одежды, и, также судя по каталогу, три индийских стрела для слона — анкуса, экспонировавшихся вместе с кочевническими вещами из Сибири [Нарисованный музей 2003, I: 201, 205, 211; *Musei* 1741: 99, 119]. Из двух этих групп одна — это ножи и кинжалы «персидские», «татарские» и «калмыцкие», демонстрировавшиеся в музее вместе с другими предметами из стран Азии. Вторая группа — это семь драгоценных кинжалов и один нож, хранившиеся в «ящике I шкапаца из слоновой кости, резной работы, с семью выдвижными ящиками» [Материалы 1895: 300; Неверов 2003: 206] вместе с самыми эффектными предметами из петровской «сибирской коллекции». Все эти вещи вошли в уже упоминавшийся «Кабинет Петра I» [Нарисованный музей 2003, I: 195], выделенный в отдельное хранение после смерти императора. Эти ножи и кинжалы значатся отдельно от остальных и в *МР. Vol. II* [*Musei* 1741: 183–184], и каждому из них был отведен отдельный лист среди рисунков, выполненных разными художниками в 1730–1740-х годах в ходе грандиозного творческого начинания по созданию изображений памятников Кунсткамеры. В процессе создания «нарисованного музея» были запечатлены все или почти все предметы вооружения, находившиеся тогда в Кунсткамере.

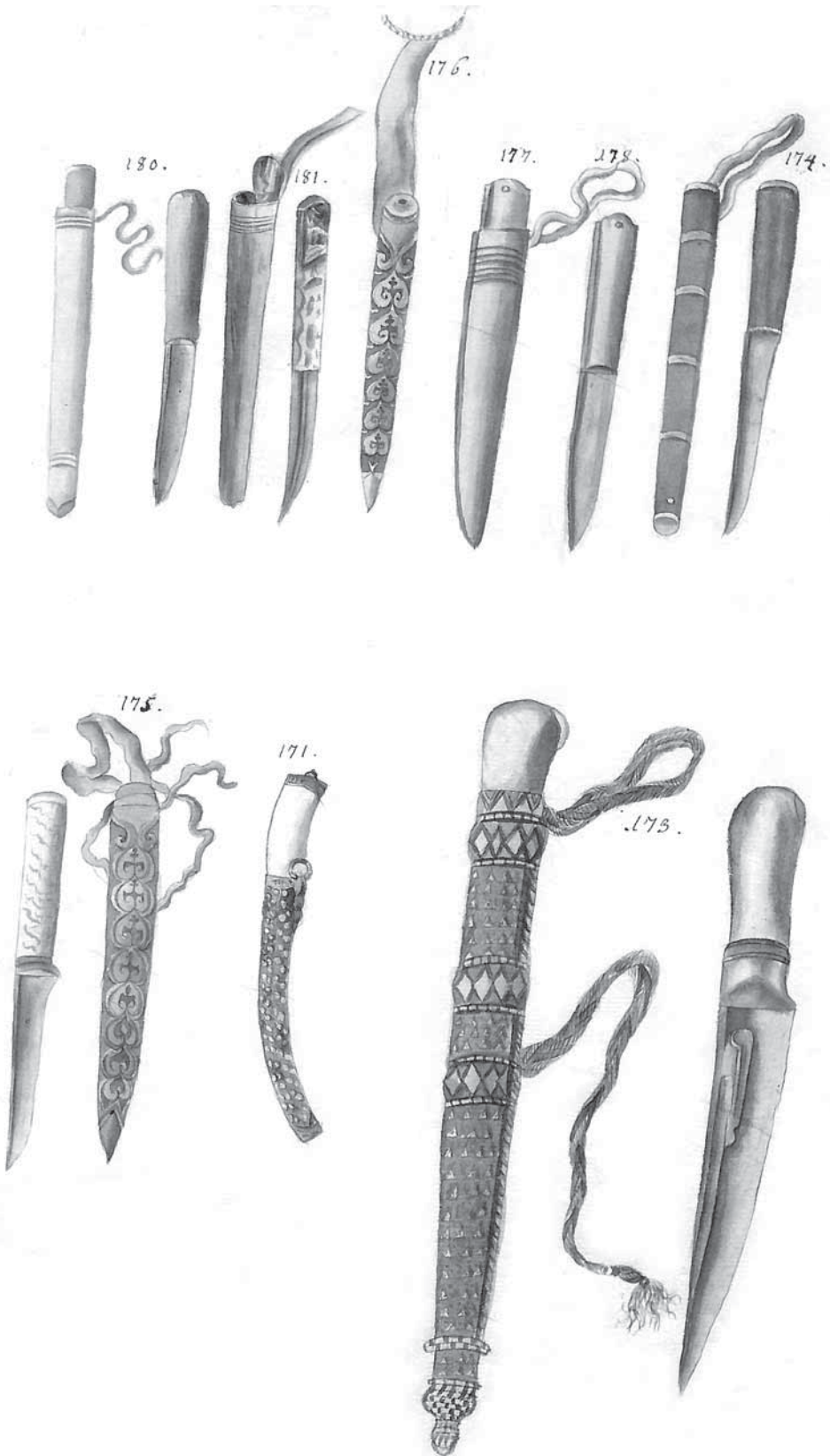
Драгоценное оружие было зарисовано, как видно, одним из первых — в 1730-е годы. Авторами рисунков стали и неизвестные художники, и признанные мастера — Григорий Аникиевич Качалов и Филипп Егорович Маттарнови, художник и гравёр по меди Григорий Абумов. Проведенная исследователями работа по анализу и сопоставлению рисунков и описаний в *МР Vol. II* [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 28; Нарисованный музей 2003, I: 235] показала, что это были три иранских кинжала и один индийский с ножнами иранской работы, хранящиеся теперь в Эрмитаже [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 28, 39], а также нож в обитых серебром ножнах турецкого типа, описанный в *МР Vol. II* как калмыцкий [*Musei* 1741: 184]. Рисунок одного из этих кинжалов, который упомянут под № 3 и в *МР Vol. II*, и И. Таубертом в его «Росписи золотым и серебряным вещам и дорогим камням, которые хранятся при императорской Кунст-камере в палате ГГ» [*Musei* 1741: 183; Материалы 1895: 300], как видно, не сохранился. Скорее всего, он пропал во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. Тем не менее, описание этого кинжала в «Росписи» И. Тауберта (говорится, что он похож на тот, который известен сегодня как иранский «кинжал мастера Лари» (ГЭ. № ОР-448) [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 28; Пиотровский 2001: 100]) позволяет предполагать, что это кинжал, который тоже происходит из коллекции Петровской Кунсткамеры и, как и все другие драгоценные кинжалы, с 1848 г. хранится в Эрмитаже (ГЭ. № ОР-449) [Иванов, Луконин, Смесова 1984:

28]. Эти кинжалы, в отделке которых использованы эмаль, драгоценные металлы и камни, в коллекции Кунсткамеры хранились вместе с индонезийским кинжалом-крисом (ГЭ. № ОР-454) и кинжалом с агатовой рукоятью в серебряных ножнах, украшенных сценами Троянской войны (ГЭ № 3.О. 2752).

В свой «Росписи» И. Тауберт даже указывает время появления этих кинжалов в коллекции Кунсткамеры. Два похожих иранских кинжала из тех, что были упомянуты выше, а также «сабельная золотая оправа с красной и зеленой финифтью» и «японская сабля, у которой эфес и ножны золотом оправлены» появились в 1722 г., т.е. еще при жизни императора Петра Великого, и попали в Кунсткамеру из Соляной конторы [Материалы 1895: 300, 306]. Кинжал с изображением борющихся животных, индийский кинжал с иранскими ножнами и калмыцкий нож были переданы П.И. Мошковым в 1727 г. [Там же]. Как эти вещи оказались у Мошкова, источники не сообщают, но известно, что в 20-е годы XVIII в. Россия вела активную дипломатическую и торговую деятельность со странами мусульманского Востока, в частности с Ираном. Первые устойчивые контакты между государствами установились еще в XVI столетии и очень активно продолжились в XVII в. особенно при Алексее Михайловиче, о чем дают возможность судить в том числе грамоты, которыми обменивались правители обеих держав [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. № 5/58, картон Ф, столбец 256; Ф. 77. Оп. 2. № 52, 53, 55]. В начале 1680-х и 1690-х годах иранский шах Сулейман прислал несколько грамот уже ко двору Иоанна и Петра Алексеевичей, в одной из которых поздравляет их с восшествием на престол, во второй извиняется за невозможность разорвать мир с Турцией и в третьей просит разрешения своему купцу распродать в России товары персидские и купить российские [РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. № 71]. В условиях продолжавшихся активных контактов [Там же. № 75–81] кинжалы могли привезти в Россию купцы, но скорее столь ярко оформленные вещи были польскими дарами.

П.И. Мошковым был передан в Кунсткамеру еще ряд предметов ближневосточного оружия, которые рассматривались как драгоценные. В 1725 г. от него появилась вещь, которую И. Тауберт описал как серебряный щит «стрелами пробитый, у которого на наружной стороне изображен слон с башней» весом в 1 фунт 53,5 золотника [Материалы 1895: 307] и который позже был атрибутирован как фалар (деталь конской упряжи), исполненный в Бактрии в III–II вв. до н.э. [Тревер 1940: табл. I, II; Иванов, Луконин, Смесова 1984: 21–22]. Второй такой же фалар чуть меньшего веса (1 фунт 51 золотник) появился в Кунсткамере через два года, в 1727 г. [Материалы 1895: 307]. Кроме этого, судя по «Росписи» И. Тауберта, в 1727 г. прибыл еще «щит золотой» в 2 фунта 13,5 золотников [Материалы 1895: 300, 307].

Откуда и когда поступило остальное оружие, а это ножи, демонстрировавшиеся вместе с другими азиатскими предметами и тоже запечатленные на рисунках, неизвестно. В «Росписи» И. Тауберта они не упомянуты, поскольку не считались драгоценными, а в *MIP Vol. II* источник поступления не указывается. Примечательно тем не менее что все типы этих ножей (судя по количеству изображенных предметов, а по представлениям XVIII в. типов этих было девять) изображены и вместе (илл. 1) на одном листе (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 118),

Илл. 1. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 118

Илл. 2. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 62

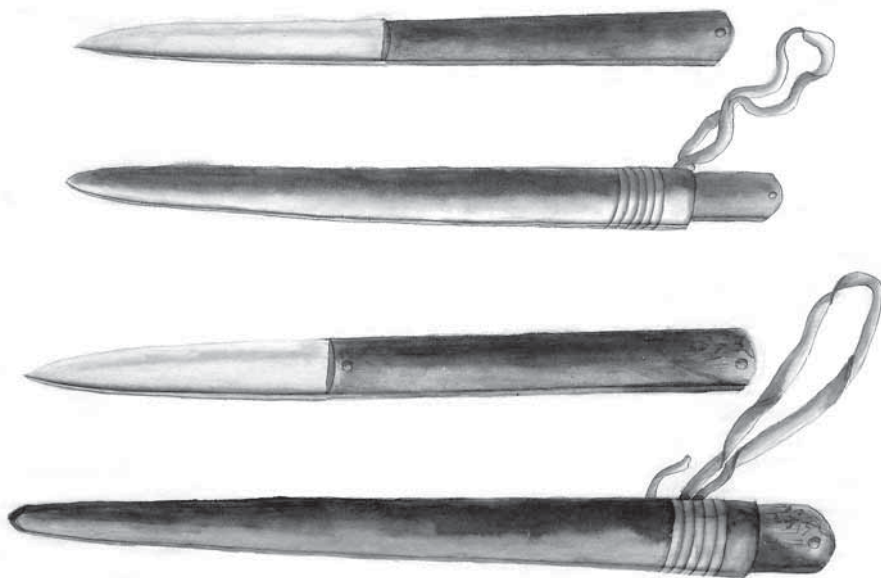

Илл. 3. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 80

и еще практически каждый тип (по представлениям XVIII в.) был зарисован и представлен всеми или почти всеми экземплярами коллекции на отдельных листах (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 62, 80, 100, 166, 168, 499) для более тщательного рассматривания и изучения (илл. 2, 3, 4, 5, 6, 7 соответственно)¹⁷.

Это наблюдение над фондом рисунков оружия с очевидностью подтверждает уже высказывавшееся предположение о возможной публикации памятников Кунсткамеры в виде научного каталога с гравюрами-иллюстрациями, как это тогда уже делалось в Европе [Нарисованный музей 2003, I: 24], а не только для того, чтобы дать представление об имеющихся в собрании предметах разного типа и зафиксировать их. Известно, что в России одним из возможных вариантов такого рода издания должны были стать *Monumenta Sibirica*, для которых с 1742 г. по распоряжению графа Кирилла Григорьевича Разумовского, ставше-

¹⁷ Вероятно, отдельно был зарисован каждый тип, только рисунки сохранились не все.

Илл. 4. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 100

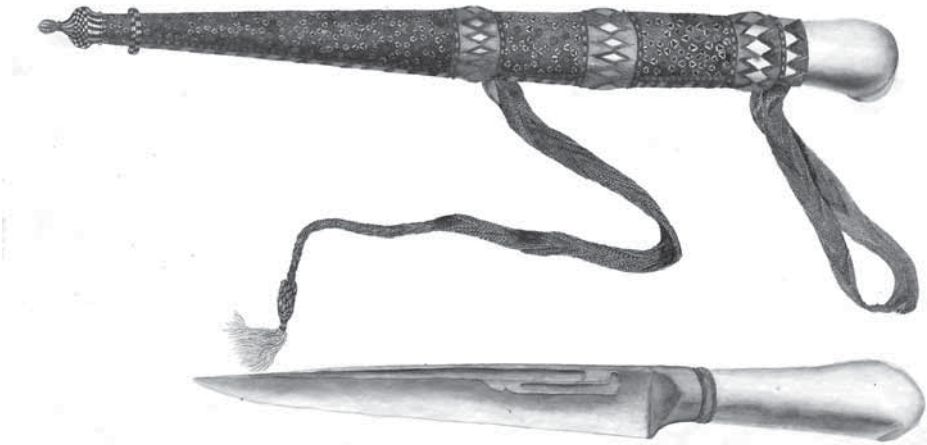
Илл. 5. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 166

го в 1746 г. президентом Академии наук, начали чеканить на меди изображения предметов из коллекции Кунсткамеры.

Задуманное издание не было осуществлено, так как медные доски погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. [Руденко 1962: 13]. Опубликованный же каталог *МР* стал своего рода компромиссным вариантом без гравюр-иллюстраций, которые должны были быть сделаны по уже специально подготовленным для него рисункам и перечень которых приводится во втором томе этого каталога. Благодаря Т.К. Шафрановской, установившей связь между имеющимися на листах пометами и каталогом [Шафрановская 1965: 147–156], можно сопоставить изображения оружия, равно как и большинства вещей коллекции с их описанием в *МР*.

Илл. 6. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 168

Илл. 7. СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 499

Большинство изображенных на рисунках ножей — по нумерации *MIP Vol. II* это ножи № 173 (илл. 7), 174, 175 (отдельных рисунков этих двух ножей не сохранилось, их изображения остались только на общем листе — илл. 1), 176 (илл. 6), 177, 178 (илл. 4), 179, 180 (илл. 2) и два ножа в одних деревянных ножнах, зарегистрированных в *MIP Vol. II* под одним номером 181 (илл. 3) — представляют собой ножи, распространившиеся в XVII–XVIII вв. среди народов Поволжья, Южной и Западной Сибири, Средней Азии, хотя в каталоге некоторые из них (№ 175 и 176) значатся как персидские.

Самый роскошный нож, изображенный и на общем, и на отдельном листе в ножнах и без них, — это нож № 173 (илл. 7). Судя по описанию каталога, рукоять этого ножа, определенного как калмыцкий, была сделана из кости, а кожаные ножны оформлены серебряными пластинами [Musei 1742: 123]. На рисунках (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 118, 499) видно, что рукоять действительно могла быть костяной, а клинок снабжен долами. В целом нож несколько напоминает калмыцкий — такой тип ножа, судя по письменным источникам, хранился среди драгоценного оружия петровского кабинета. Ножны на рисунке кажутся жесткими, цилиндрической формы, выполненными из какого-то прочного материала, возможно, из дерева и дополнительно оформленными (представляется, что костью в технике мозаики). Ножны похожей формы с вложенным в них ножом типа *кард* нашли распространение в Средней Азии и Иране с XVIII в.

Нож № 175 (илл. 1) — это, судя по изображенной форме клинка, скорее вариант ножа типа *пчак*, распространенного среди народов Средней Азии. На общем листе ножны этого ножа и ножа № 176 изображены почти одинаковыми и, по описанию в каталоге, сделаны из кожи и оформлены разными изображениями [Musei 1741: 123]. Видимо, почти одинаковыми были и кинжалы. Подтверждением этой мысли служит то, что на общем листе нож под № 175 изображен вынутым из ножен, а нож № 176, наоборот, вложенным в ножны и подвешенным при помощи ремня на веревочной петле. В Кунсткамере этот тип ножа был представлен несколькими экземплярами, которые были изобра-

жены на отдельном листе так же вложенными в ножны и подвешенными на эту же петлю (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 168) (илл. 6). В *MIP Vol. II* нож описывается как персидский, и при этом использованы формы множественного числа (*Cultri Persici*, т.е. «кинжалы персидские»), а рядом поставлена цифра 15 [Musei 1742: 123], скорее всего, означающая количество такого рода ножей в музее. На рисунке их, правда, меньше, и хорошо видно, что их ножны действительно сделаны из кожи и оформлены различными орнаментами, аналогии которым можно отыскать в культуре сибирских народов и народов Поволжья, где такого рода оружие было, следовательно, весьма широко распространено уже в XVII–XVIII вв.

Ножи же № 179 и 180 (илл. 2) при этом едва ли могут считаться экземплярами одного типа, поскольку, судя по их изображениям на одном отдельном листе (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. № 62), они отличаются соотношением длины клинка к рукояти и, особенно, размерами, хотя, видимо, в XVIII в. и рассматривались как один тип, поскольку на общем листе (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. № 118) (илл. 1) зафиксирован только № 180.

Кроме рассмотренных, еще два ножа описываются в *MIP Vol. II* как персидские. Это изображенный на общем листе (илл. 1) нож № 171 и описывающийся в каталоге вместе с ним второй № 172 [Musei 1742: 123]. Оба ножа изображены вложенными в ножны и на отдельном листе (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. № 166) (илл. 5). Этот рисунок с очевидностью показывает, что изображенное оружие не персидские ножи, а японские короткие мечи *вакидзаси*.

Наиболее вероятно, что этнографическое оружие народов Поволжья, Сибири и Средней Азии привозилось в Кунсткамеру из экспедиций и поездок, которые, следуя распоряжениям еще Петра I, предпринимались в поволжские и татарские земли с целью приобретения и археологических памятников, легших в основу царской Сибирской коллекции, и просто драгоценных и курьезных вещей. Кабинет-секретарь А.В. Макаров в письме Л. Блюментросту от 3 сентября 1725 г. упоминает, например, что тобольский житель Федор Трушников, отправленный сибирским губернатором Матвеем Гагариным за песочным самородным золотом, его «покупал... у китайцев и у калмыков в тех местах, где промышляется» (цит. по: [Пекарский 1862: 56]). Тауберт отмечает, что от совершившего такие экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Кунсткамере появился «татарский знак военный, представляющий баранью голову» [Материалы 1895: 304]. Судя по информации *MIP Vol. II* и изображениям на рисунках, рассмотренное оружие — это практически все, что характеризовало оружейную культуру народов мусульманского Востока в Кунсткамере в 30–40-х годах XVIII в., хотя в целом в собрании музея было довольно большое количество примечательного оружия Запада, Востока и России.

Добавлением к коллекции оружия мусульманского Востока в Кунсткамере, кроме «татарского знака военного», стало старое персидское седло XVII–XVIII вв., а также персидские воинские знаки «в виде эспонтонов», т.е. древкового оружия. Седло упомянуто в *MIP Vol. II* под № 118 и зафиксировано на листе (СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. № 113), а эспонтоны значатся в документах, сопровождавших передачу вещей «Кабинета Петра I» из Музея антропологии и этнографии в Эрмитаж и Главное Адмиралтейство и в 1911 г. обратно

[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 29]. Оформленных серебряной бахромой эспонтонов было шесть [Там же. Д. 26. Л. 51 об.]. Первоначально они значатся в составленной и переданной в комитет правления Императорской Академии наук 7 февраля 1827 г. описи вещам, принадлежавшим со времен Петра I императорской фамилии [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 26. Л. 148, 149]. Далее они упоминаются в составленной не позднее 1865 г. «Адресной книжке» музея, или «Алфавитном указателе имен личных, предметных, географических названий и т.п.», имеющих отношение к музею [Там же. Д. 21. Л. 19, 57]. Книжка хранится в составе документов, относящихся к «Галерее Петра Первого» в МАЭ, принадлежавших хранителю Галереи Э.К. Пекарскому. В книжке упомянуты еще «турки», «Египет», «офицерский знак», «доспехи» и «множество ножей» [Там же. Л. 40, 14, 16, 13, 28 об.], а рядом с ними стоит отсылка к книге Осипа Беляева *Кабинет Петра Великого* [Беляев 1800] — первому русскому каталогу предметов, находившихся в Кабинете Петра I. Кроме того, в отношении эспонтонов в документах дается отсылка к странице 179 книги 1779 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 26. Л. 51 об.], т.е. к сочинению И. Бакмейстера *Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и Истории Натуральной Санктпетербургской Императорской Академии Наук* [Бакмейстер 1779]. Судя по имеющимся документам, эспонтоны, появившиеся в музее до 1779 г., должны были располагаться в I Отделении Кабинета Петра — комнате, отведенной в Музее антропологии и этнографии под хранение и выставление восковой персоны Петра, портретов императорской фамилии, а также вещей, «служивших в употреблении Его Величества и предметами, имеющими вещественную ценность» [Там же. Л. 51 об.].

В начале XIX в. документы фиксируют первую передачу «военных вещей» государя императора Петра Великого через Великого князя Михаила Павловича в большой Арсенал. В письме комитету правления Императорской Академии наук от 31 октября 1827 г., подписанном С.С. Уваровым, говорится, что «военные вещи» Петра I сначала были доставлены министру Императорского двора, а потом «по высочайшему повелению препровождены от него к его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу для хранения в большом Арсенале» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 7. Л. 2, 2 об.]. В связи с этим С.С. Уваров предлагает исключить эти вещи, перечня которых в документе нет, из описи музея академии [Там же].

В дальнейшем коллекции оружия народов мусульманского Востока в Кунсткамере пополнялись по мере роста коллекций из этого региона в целом благодаря покупкам у частных лиц, дарам отдельных собирателей и передачи от организаций. Говоря о собирательстве оружия в России во второй половине XIX в., Ю.Г. Ефимов отмечает, что оно переживало необычайный подъем, вызванный повышением научного интереса к военной истории и оружию, а также активностью антикварного рынка и в Европе, и в России, где был устойчивый спрос на оружие. В это время в России появилось несколько значительных собраний оружия у графа С. Д. Шереметьева, князей Салтыковых, А.А. Катуар де Бионкур, А.П. Базилевского и других коллекционеров. В их собраниях восточное оружие занимало достойное место, поскольку Турция, Иран, Кавказ были ближайшими соседями России: с ними в мирное время поддерживались тесные торговые и дипломатические отношения, в результате которых оружие

появлялось на антикварных рынках и в составе дипломатических даров, с ними же велись войны, влекшие за собой трофейное оружие [Восточное оружие 2013: 10]. Трофейное оружие пополняло как Императорский арсенал, так и личные коллекции офицеров и государственных деятелей. С одной такой коллекции в самом конце XIX в., когда коллекционерская деятельность оставалась весьма интенсивной [Восточное оружие 2013: 12], началось формирование современного фонда оружия народов Ближнего и Среднего Востока Музея антропологии и этнографии.

В 1895 г. у военного губернатора Карской области Петра Ивановича Томича музей приобрел смешанную коллекцию предметов быта турок, армян и курдов (Оп. колл. 291). В составе этой коллекции оказалась сабля (кат. № 1), представляющая собой традиционную турецкую саблю типа *кылыч* с ножнами, демонстрирующими не вполне привычный для турецких сабельных приборов тип, а также копье. (Первоначально в коллекции были две сабли с ножнами, но с 1949 г. одна из них (№ 291-21 а, б), пропавшая, видимо, во время войны, значится в описи как утраченная.) Через два года, в 1897 г., в МАЭ поступила еще одна большая смешанная коллекция предметов быта и музыкальных инструментов обитателей верховьев Инда (Оп. колл. 333), собранная на этот раз русским путешественником и разведчиком польского происхождения Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время его поездки в Канджурт в 1888 г. [Лужецкая 1997: 352–362]. В этой коллекции тоже были предметы холодного оружия (сабли, ножи) и защитного вооружения (щит).

В 1899 г. пополнился турецкий фонд, когда музеем от адмирала Константина Николаевича Посыета в дар по завещанию была передана очень небольшая (всего пять вещей) коллекция турецких предметов быта (Оп. колл. 477), среди которых была иранского типа сабля «шамшир» с ножнами (кат. № 2), а также ружье, которое к 1960 г. значится как переданное в НКВД. В 1908 г. у госпожи С.А. Таренецкой был куплен афганский щит (Оп. колл. 1274). С.А. Таренецкая в течение нескольких лет продавала коллекцию Александра Ивановича Таренецкого, профессора нормальной анатомии и президента Военно-медицинской академии. Несколько вещей еще при жизни владельца, в 1896 г., было продано в Императорский Эрмитаж. Профессор составил каталог своей коллекции, из которого были выписаны названия вещей при регистрации в Эрмитаже [АГЭ. Ф. I. Оп. VI-Р. Д. 56. Л. 10 об., № 7595]. В сентябре 1913 г. у русского востоковеда-ираниста Владимира Алексеевича Иванова была приобретена обширная коллекция предметов быта и культа персов (колл. 2145: 134 номера и 149 ед. хр.), собранная им в иранском городе Хамадане, где, согласно автобиографии, он был в апреле 1913 г. проездом из Бирджана до Керманшахра [Иванов 2002: 448]. В составе этой коллекции в музей попали два стальных топорика разной формы и размеров (кат. № 53, 54), «очень старинные» (Оп. колл. 2145). Еще один топорик (кат. № 58) был подарен им музеем в феврале 1915 г. в составе другой небольшой коллекции персидских предметов быта (Оп. колл. 2548).

В дальнейшем собрание ритуальных топоров-секир Музея антропологии и этнографии пополнилось еще несколькими образцами. Три таких топорика (кат. № 55, 56, 57) были привезены в 1914–1915 гг. известным востоковедом, выпускником факультета Восточных языков Санкт-Петербургского универси-

тета Александром Александровичем Ромаскевичем в составе большой коллекции предметов быта и культа, также содержащей рассматриваемые ниже другие вещи. Экспонаты были собраны А.А. Ромаскевичем в городах Исфахан, Шираз, Мешхед, Тегеран, Керман по поручению музея (Оп. колл. 2436). Однако самые изысканные топорики-секиры (кат. № 59, 60) появились в музее в 1919 г. Они были приобретены у известного востоковеда Валентина Алексеевича Жуковского в составе коллекции предметов быта и культа иранцев (Оп. колл. 2704). Таким образом, к началу 20-х годов XX в. Музей антропологии и этнографии хранил целую коллекцию из ритуальных иранских стальных топорики разных форм. Шесть из них отличаются в целом одинаковой стилистикой декора, но выполнены в разных мастерских из разного по качеству металла и в разное время (не позднее начала XX в.). Это позволяет выявить и изучить тенденции в изготовлении и использовании этого типа холодного оружия в Иране во второй половине XIX — начале XX в. Стоит также отметить, что помимо вышеперечисленных в коллекции МАЭ хранится еще один топор-секира (кат. № 67).

Одновременно с пополнением собрания холодного оружия в Музей антропологии и этнографии поступали и предметы защитного вооружения иранцев. 10 июня 1919 г. князь Эспер Эсперович Ухтомский передал в дар музею коллекцию из двух предметов вооружения персидской работы, собранную им на Кавказе (Грузия) и в Иране (Оп. колл. 2706). Это шлем и кольчуга.

После 1917 г. деятельность частных коллекционеров прекратилась. Много оружия пропало во время Гражданской войны, многие личные собрания были конфискованы органами ВЧК и тоже пропали. Некоторым коллекционерам удалось вывезти свои собрания за границу, другие же собрания были национализированы и переданы в государственные музеи [Восточное оружие 2013: 12].

В период после 1917 г. до начала 20-х годов XX в. в Музей антропологии и этнографии тоже были переданы коллекции оружия от различных организаций. Так, созданный в 1918 г. Отдел мусульманских народов Средней Азии, позднее Отдел Передней и Средней Азии, в 1919 г. от Экспертной комиссии получил шлем и щит, значащиеся в описи коллекции как персидские (Оп. колл. 2872). В 1924 г. из Управления Транспортной чрезвычайной комиссии¹⁸ были переданы две большие оружейные коллекции 2724 и 2723. Коллекция 2724 вошла в турецкий фонд музея (Оп. колл. 2724), а 2723 описана как персидская (Оп. колл. 2723). В коллекции 2724 большинство вещей действительно представляло собой турецкое холодное оружие (кат. № 6–21, 25, 26, 29), в частности ятаганы разных центров производства, но есть и нож, который можно отнести к мастерским Афганистана или Средней Азии (кат. № 45). Коллекция же 2723, насчитывающая четырнадцать номеров и двадцать единиц хранения, содержит не только персидское оружие (кат. № 39, 40), но и ножны от турецкого ятагана (кат. № 25), турецкий кинжал с ножнами (кат. № 26), двуклинковый кинжал *маду*, бытовавший в Индии и в Марокко (№ 2723-7 а, б, в) и испанскую наваху (№ 2723-6).

¹⁸ Предположительно так, по гипотезе В.Н. Кислякова, следует расшифровывать аббревиатуру УТЧК, значащуюся во многих описях МАЭ в качестве источника происхождения вещей.

Похожая ситуация сложилась с коллекцией № 3033, переданной в 1924 г. из Пушкинского дома в составе собрания Семена Семеновича Абамелек-Лазарева, в которой значатся собранные в Иране ковры и оружие разных народов (Оп. колл. 3033). Для атрибуции предметов вооружения из этой коллекции в Музей антропологии и этнографии был приглашен помощник хранителя Арсенала Эрмитажа Э.Э. Ленца, хранитель секции оружия А.А. Автономов [Эрмитаж 1990: 276]. В круг интересов А.А. Автономова входили вопросы терминологии восточного оружия, что позволило ему выделить в составе оружейной части коллекции целый ряд предметов холодного оружия Турции (кат. № 3, 4, 5, 22, 23, 28), арабский меч (кат. № 30), один среднеазиатский кинжал (№ 3033-18 а, б) и хивинские ножны от другого (№ 3033-17 а, б), а также датировать памятники (Оп. колл. 3033). Таким образом, благодаря коллекциям 2723, 2724 и 3033 к 1925 г. фонды холодного оружия Музея антропологии и этнографии значительно пополнились предметами вооружения разных стран и народов Ближнего и Среднего Востока.

В последующие годы в фонд музея поступили еще несколько предметов вооружения, связанных с культурой дервишей. В июле 1925 г. у Е.Г. Черняковской, сотрудницы Всероссийского института растениеводства, были приобретены предметы быта персов (Оп. колл. 3157), среди которых находился роострум рыбы-пила (*Rristis pectinatus*) (кат. № 69). Согласно описи, роострум использовался дервишами для изготовления меча — одного из дервишеских атрибутов (Оп. колл. 3157). Это второй экземпляр такого рода в собрании МАЭ — первый образец появился в 1914–1915 гг. в составе коллекции А.А. Ромаскевича (кат. № 68). В том же 1925 г. у Расула Мухаммедова была приобретена сабля с раздвоенным в горизонтальной плоскости клинком (№ 3116-2), традиционно рассматриваемая как воспроизведение меча пророка Мухаммада, т.н. *зу-л-факар* (*zulfagar*).

В дальнейшем пополнилась коллекция иранских топоров музея. В декабре 1926 г., находясь в 1920–1921 гг. в Афганистане в качестве врача советской миссии, Михаил Георгиевич Вечеслов приобрел в Айбаке у встречного дервиша (Оп. колл. 3418) небольшой стальной топорик (кат. № 62). Еще несколько предметов холодного оружия, собранных в Афганистане (кат. № 42, 43, 48, 63), были приобретены для музея не позже 1927 г. в составе большой коллекции предметов быта (Оп. колл. 3502) у совершившего две поездки в Афганистан в 20-х годах XX в. гидротехника и почвовода Дмитрия Демьяновича Букинича. В апреле того же года Викентий Карлович Клещинский продал музею иранский пятиклиновый стальной кинжал в стальных ножнах (кат. № 47) (Оп. колл. 3477).

Таким образом, во второй половине 20-х годов XX в., когда хранение оружия считалось преступлением, а его коллекционирование, существовавшее на нелегальном положении, тоже каралось законом [Восточное оружие 2013: 12], в музей регулярно поступали образцы оружия. Оружие продолжало поступать и от соответствующих государственных организаций: в 1928 г. из музея Объединенного государственного политического управления была передана большая коллекция, состоявшая преимущественно из иранского защитного вооружения (Оп. колл. 842), ставшая одним из последних пополнений этого периода, к которой добавилась полученная от востоковеда Романа Андреевича

Галунова коллекция предметов религиозного культа *мухаррам* (*muharram*), в составе которой было копье (кат. № 70) (Оп. колл. 3922).

Последующие годы характеризовались отдельными незначительными пополнениями. В их числе иранский пернат (кат. № 14 раздела «Холодное оружие народов Ирана и Афганистана»), полученный от М.Б. Крищяна в июне 1934 г. в составе коллекции утвари, амулетов и других предметов религиозного культа (Оп. колл. 5113); ятаган, приобретенный у Николая Николаевича Ермолаева (кат. № 24) в 1935 г. и зарегистрированный как кабийская сабля в отдельную коллекцию № 5343 (Оп. колл. 5343). Далее появилась сабля, переделанная из косы, которая поступила от советского зоолога и паразитолога академика Евгения Никаноровича Павловского, совершившего в 1941–1943 гг. три экспедиции в Иран и собравшего там значительную коллекцию предметов быта и культа персов, переданную им и его наследниками в дар музею в три этапа — в октябре 1958 г., ноябре 1961 г. и декабре 1965 г. (Оп. колл. 6370).

В 1950 г. была зарегистрирована под № 3341 очень большая коллекция предметов быта иранцев, поступившая от С.М. и Ю.Н. Марров, в составе которой появился еще один топорик (кат. № 61), оформлением немного отличавшийся от уже имевшихся в коллекции. Следует также отметить, что в 1962 г. в музей, с 1933 г. влившийся в Институт этнографии АН СССР, из Национального музея Дании в Копенгагене в обмен на коллекцию предметов быта коряков была передана обширная коллекция предметов быта и культа (Оп. колл. 6488), включавшая предметы холодного оружия *нуристанцев/кафиров* (кат. № 44, 49, 50, 51, 66, 71). Эти народности говорят на языках самостоятельной группы, родственной дардским языкам, носители которых живут восточнее *нуристанцев* в долине Гиндукуша [Эдельман 1992: 60–62, 65; Кисляков 1963: 120].

С 1960-х годов стал пополняться фонд арабского оружия музея благодаря поступлению коллекций предметов быта арабов Йемена и Хадрамаута от участников экспедиций в Южную Аравию сотрудников музея Михаила Анатольевича Родионова и Павла Ивановича Погорельского. В их составе были кинжал с ножнами и поясом (1983 г.) (кат. № 32) (Оп. колл. 6878), меч (кат. № 31) и нож (кат. № 33) (1987 г.) (Оп. колл. 6927), два топора (кат. № 36 и 37), наконечник копья (кат. № 38) (1992 г.) (Оп. колл. 6986) и еще один кинжал с ножнами (кат. № 35) (1995 г.) (Оп. колл. 7074), ставший третьим в коллекции, поскольку в 1988 г. от Ф.И. Бахарова музей получил другой арабский кинжал с ножнами и поясом (кат. № 34) (Оп. колл. 7018). Самым же последним приобретением отдела этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии в коллекцию образцов холодного оружия народов иранской языковой группы стал шлем (№ 7023-1), переданный из числа безномерных предметов, хранящихся в фондах МАЭ (Оп. колл. 7023). Как он попал в фонды, неизвестно, но примечательно, что в конце 1910-х годов такие причудливо оформленные шлемы (с рогами, глазами и носом), делавшиеся в больших количествах в Иране второй половины XIX в. для ритуально-театрализованных представлений, можно было купить в «антикварном магазине “Уника” на углу Невского проспекта и Морской улицы» [АГЭ. Ф. I. Оп. VI-Р. Д. 56. Л. 76 об.].

Таким образом, МАЭ обладает довольно обширной коллекцией холодного оружия разных народов мусульманского Востока. В коллекцию собраны разные типы предметов вооружения, представляющие боевое и ритуальное оружие.

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ НАРОДОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В оружейных фондах Кунсткамеры собрание холодного оружия народов, в разное время входивших в состав Османской империи, насчитывает 29 номеров и 43 единицы хранения. Они происходят из шести следующих коллекций: 291 (покупка у П.И. Томича, 1895 г.), 477 (в дар по завещанию К.Н. Посыета, 1899 г.), 3033 (из Пушкинского дома в составе коллекции С.С. Абамелек-Лазарева, 1924 г.), 2723 и 2724 (передача из УТЧК, 1924 г.), 5343 (от Н.Н. Ермолаева, 1935 г.). Предметы датируются XVII–XIX вв. Большинство вещей представляют собой образцы длинноклинкового оружия — сабли и ятаганы, но есть еще кинжал и топор. Метательное оружие представлено копьем и помещенными в колчан джеридами. Сабель в собрании только пять, но они представляют различные вариации этого вида оружия, который был основным у каждого воина Османской империи [Миллер 1958: 175].

Самая ранняя, датируемая XVII–XVIII в. сабля (кат. № 5) происходит из личной коллекции князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева, известного русского промышленника, исследователя, мецената и коллекционера конца XIX — начала XX в. Она представляет собой тип, называемый обычно *каддара* (*qoddāra*) (от перс. غداره — «широкий меч», «шашка», «сабля») или *пала* (*pāla*) (от тур. палаш — «палаш»), стоявший на вооружении войск Османской империи в XVI–XVIII вв. [Миллер 1953: 125]. Клинок таких сабель почти прямой, довольно тонкий и широкий, с односторонней заточкой и небольшой елманью. Британский исследователь ближневосточного оружия Дэвид Николь, правда, различает эти два типа оружия, считая, что *каддара* — это иранский кинжал с широким и длинным клинком, прямым или искривленным, тогда как *пала* — оружие с прямым клинком и односторонней заточкой, происхождение которого точно неизвестно [Николь 2004: 24–25]. Вот как в начале XVIII в. описывает эту саблю де Марсильи в своем труде о военном состоянии Османской империи: «Гадара, или сабля, немного выгнутая и широкая, у которой тупая сторона покрыта железом» [Марсильи 1737, II: 9]. Рисунок этой сабли он тоже приводит в числе изображений других образцов оружия, стоявших на вооружении турецкой армии начала XVIII в. Рукоять рассматриваемой сабли в виде стилизованного изображения головы хищной птицы, представляет собой тип *карабела*, широко распространившийся со второй половины XVII в. и вплоть до XIX в. в странах Ближнего Востока и Восточной Европы, особенно в Польше (подробнее о саблях *карабела* см.: [Żugulski 1978; Аствацатурян 2002: 91–92; Квасневич 2005]). На клинке этой сабли нет никаких специальных клейм или маркировок, указывающих на придворные мастерские, нет и арсенальных знаков, но есть почти совсем стершаяся насечка золотом вдоль клинка у обуха и у пяты. Скорее всего, сабля была сделана в одной из многочисленных ремесленных мастерских, которые существовали в Турции в XVI–XVIII вв. наряду с государственными [Миллер 1953: 80–81]. В таких мастерских, надо полагать, было сосредоточено производство художественно отделанного оружия, включая изготовление специальными мастерами-сабельщиками сабель с такой оправой [Миллер 1953: 80–81], поскольку в собрании Государственного исторического музея в Москве тоже есть примеры таких сабель [Аствацатурян

2002: 91], отличающиеся в деталях отделки. До середины XVII в. боевые сабли изготавливались тяжелыми и чрезвычайно острыми в силу необходимости поражать противника, несущего защитное вооружение. В период XVII–XVIII вв., к которому относится сабля из коллекции МАЭ, клинки стали делать тоньше и оснащать долами, которые выполняли функцию ребер жесткости [Введенский 2005: 194].

Вторая, как представляется, довольно ранняя сабля происходит из того же собрания С.С. Абамелек-Лазарева (кат. № 4). Затруднительные, а потому оспорные, ее датировка и атрибуция предполагают видеть в клинке этой сабли работу частных мастерских Османской империи XVIII в. Если датировка клинка верна, то это самый ранний сабельный клинок в собрании, на котором сохранилась насечка латуны/золотом (?) и не содержащая года марка с именем мастера, которое пока не поддается прочтению. Имя мастера заключено в иранской формы картуш, что свидетельствует о том, что он следовал иранским традициям. Однолезвийный клинок этой сабли довольно короток и мало изогнут, несколько напоминая шашечный, снабжен небольшой елманью и довольно сложной системой долов. Поскольку точных аналогий клинку найти не удалось, то его тип правильнее определить широким и довольно универсальным для клинкового оружия термином *кылыч* (*kilich*) (от тур. *kiliç* (м.) — «меч», *kiliç* (с) (ж.) — «сабля»). Как и предыдущий, он, скорее всего, служил не только боевым оружием (на нем сохранилась заточка, скорее всего, правда, поздняя), но и представительским. В дальнейшем, но не позднее рубежа XIX–XX вв., клинок получил новую роговую (?) рукоять, которая, вполне вероятно, была сделана уже для использования сабли в качестве детского или просто коллекционного оружия.

Рубеж XVIII — первой половины XIX в. представлен в коллекции саблей, функционировавшей в среде курдов Карской области (кат. № 1), как об этом свидетельствует запись первичной регистрации при приеме в 1895 г. коллекции Петра Ивановича Томича, из которой происходит сабля (Оп. колл. 291). С 1883 г. П.И. Томич исполнял обязанности военного губернатора этой области. Карский санджак Османской Турции вошел в состав Российской империи после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда у власти в Турции был деспотичный султан Абд ал-Хамид II (1876–1909) и когда курды участвовали в исторических событиях Османской Турции особенно активно. Тогда из курдов была сформирована конница, которая использовалась для подавления всех попыток сопротивления властям [Аствацатурян 2002: 19]. Карская область была частью Российского государства до революции 1917 г. По свидетельству очевидцев, на протяжении всего XIX в. курды, как и другие воинственные народы Османской империи, несмотря на запрещение частным лицам носить оружие, были вооружены [Там же: 35–36]. Одним из элементов их арсенала служила сабля. Сабля из коллекции МАЭ представляет собой классический турецкий тип *кылыч* в узком значении этого термина — сабля с широким и тонким сильно изогнутым клинком, снабженным выраженной елманью. Эта сабля подтверждает данные письменных источников о том, что курды следовали турецкой моде. Алексей Дмитриевич Салтыков в 1830-х годах пишет, что курдские «мужчины — на хороших лошадях и одеты хорошо на старинный турецкий манер» [Путе-

шествие в Персию 1849: 19]. Мода эта, как видно, продолжалась и в оружии, но выработала свои нюансы, выразившиеся в деталях оформления ножен (длинные накладки наконечника и устья ножен). Ножны, как представляется, были сделаны позже, в середине — второй половине XIX в., непосредственно в Курдистане, где в это время были центры по производству оружия [Аствацатурян 2002: 46]. Конструкция из единственной обоймицы и пары закрепленных на ней колец позволяет только вертикальный подвес. Такой способ ношения длинноклинкового оружия, судя по изображениям и живописным, и фотографическим, широко распространился на Ближнем Востоке и для конного воина с начала XIX в., хотя был известен и много раньше. Де Марсильи в этой связи замечает: «Весьма турки сие наблюдают, чтоб как прямые, так и кривые сабли никому не могли мешать, для того вешают они их концом вниз» [Марсильи 1737, II: 9]. Поскольку сабля должна была прорубать кольчуги, ее лезвие оттачивали до бритвенной остроты [Введенский 2005: 107]. «Сабли у них (султанского войска. — Е.М.) очень острые и украшенные; и иное боевое оружие также дорого украшено», — отмечает автор «Записок янычара» [Записки янычара 1978: 337].

Во второй половине XIX в. длинноклинковое оружие продолжало использоваться среди племенных групп курдов наряду с чрезвычайно широко распространившимся огнестрельным оружием и, следовательно, оставалось неотъемлемой частью комплекта личного вооружения курда — всадника-воина. Это хорошо видно на фотографии курда из иранского Курдистана, сделанной знаменитым персидским фотографом при дворе поздних представителей династии Каджаров и Реза-шаха Пехлеви Антоном Васильевичем Севрюгиным (илл. 8).

Выбранный ракурс не позволяет достоверно определить вид холодного оружия, которым вооружен всадник, зато на фотографии (№ 2590–22) того же автора к поясу одного из запечатленных на ней мужчин (крайний справа) из среды иранских курдов в вертикальном подвесе закреплена сабля на этот раз уже совершенно очевидно иранского типа (илл. 9).

В коллекции МАЭ есть сабля иранского типа *шамшир* (*šamšīr*) (от перс. شمشیر — «меч», «сабля»), великолепно демонстрирующая деликатное соединение турецких и иранских сабельных черт, что позволяет связать ее тоже с оружейной культурой курдских племен середины — второй половины XIX в. (кат. № 2). Она была передана в музей в 1899 г. в составе коллекции Константина Николаевича Посыета.

Сабля *шамшир* появилась в Иране около XVI в. и распространилась в Турции в период от XVI до XIX в. [Миллер 1958: 128–129], где появились ее разновидности и где ее стали называть *аджем кылыч* (от тур. «персидская сабля»). «Аджем-клих, сабля на употреблении Персиянами, которая больше выгнута нежели турецкая» [Марсильи 1737, II: 10]. Г.Э. Введенский ставит проблему конструирования холодного оружия. Почему, например, персидские мастера считали форму шамшира самой удобной для рукопашного боя, а турки противопоставляли ей *кылыч* [Введенский 2005: 86–88]. Сабля *аджем кылыч*, закрепленная вертикальным подвесом на плечевой перевязи, дополняет личное оружие курдов, запечатленных на фотографии, сделанной профессиональным фотографом, одним из первых военных корреспондентов Дмитрием

Илл. 8. МАЭ. Колл. № И764-109

Илл. 9. МАЭ. Колл. № 2590-22

Илл. 10. МАЭ. Колл. № 121-9

Алексеевичем Никитиным (коллекция Великого князя Михаила Николаевича Романова), датируемой второй половиной XIX в. (илл. 10).

Тем не менее во второй половине XIX в. и позже наиболее распространенным среди племенных групп курдов видом холодного оружия оставался традиционный курдский кинжал, который носили не только взрослые мужчины, но и мальчики, что видно на фотографиях А.В. Севрюгина (№ И 764-114; И-764-118; 2471-56; 2590-19) из коллекции МАЭ.

Последняя турецкая сабля в коллекции Кунсткамеры тоже происходит из собрания С.С. Абамелек-Лазарева (кат. № 3). Она датируется второй половиной — концом XIX в. и представляет собой образец строевого оружия, подвергшегося перемонтировке или ремонту в процессе службы.

Сабля стояла на вооружении нескольких родов войск Османской империи, как пехоты, так и кавалерии, нередко исполняя не только боевые, но и представительские функции. Примеры таких церемониально-представительских сабель есть в коллекции Кунсткамеры.

Илл. 11. МАЭ. Колл. № И 764-114

Илл. 12. МАЭ. Колл. № 2471-56

В качестве строевого оружия саблю использовали янычары — представители регулярной пехоты из личной гвардии султана, *капыкулу*, набиравшиеся из рабов и заключенных. По мысли Д. Николя, в XVI в. *каддарой* или *палой* (в данном пассаже оба типа оружия исследователь объединяет) был вооружен, например, янычар-мушкетер [Николь 2004: 38]. Едва ли стоит представлять в руках рядовых янычаров такую выразительно оформленную, очевидно представительскую *каддару*, которая есть в коллекции Кунсткамеры (кат. № 5), поскольку в мирное время ношение сабли янычарам было запрещено, а представительским оружием им обычно служил кинжал [Аствацатурян 2002: 23, 24]. «Гянджяр, некоторый род кинжала <...> каковой носят янычары и молодые турки за поясом в Константинополе», — такое замечание оставляет де Марсильи относительно ношения кинжала [Марсильи 1737, II: 9].

Ношение сабель, судя по информации этого автора, который тем не менее не желал вдаваться в подробности использования этого «наиглавнейшего оружия сего войска» [Марсильи 1737, II: 9], было более регламентировано. Вот что он говорит о правилах ношения сабли *тимариотами* — представителями иррегулярной кавалерии из числа землевладельцев: «Всем им накрепко запрещено носить саблю будучи на лошади, если они не получают своей платы от султана» [Там же, I: 74]. Саблями, а также лошадью с седлом и уздой и булавой султан одаривал *беглербеков* — представителей войска беков, глав небольших земельных территорий — когда они, присягнув султану, выходили из дворца [Там же: 76]. Саблями наряду с фузеями и пищалями были вооружены, как пишет де Марсильи, и *азан-агаси*, т.е. генералы пограничной кавалерии *сираткулы* — войска, содержавшегося на средства местных властей, представители которой служили на тех границах империи, где родились. Судя по тому, что де Марсильи замечает, что *азан-агаси* «в платье таком ходит, какое там в обычае» [Там же: 65], специальной военной формы у них не было, как, видимо, не было и уставного оружия. В функции кавалерии *сираткулы* входило отражение неприятельских набегов и сопровождение султана в походе [Аствацатурян 2002: 27–28], поэтому оружие его воинов должно было сочетать и боевые, и представительские функции. Возможно, что представительские сабли из коллекции Кунсткамеры (кат. № 4, 5) могли принадлежать воинам этих подразделений.

Такими же и даже более выразительными представительскими свойствами обладало и оружие кавалеристов *капыкулу*, содержавшихся на средства султана и считавшихся более привилегированным войском, чем янычары. Это подразделение кавалерии несло службу в больших городах империи, включая столицу. Основной обязанностью первого подразделения этого войска, *ситахов*, было сопровождение султана в походах, охрана его, везира и командующих войсками во время военных действий. Представители второго конного подразделения, *чауши*, несли военную и придворную службу, были адъютантами как самого султана, так и высших сановников, охраняли курьеров и сами были курьерами [Аствацатурян 2002: 25–26].

Самым распространенным оружием в турецком арсенале был ятаган — оружие с однолезвийным клинком двойного изгиба. Вопрос происхождения ятагана до сих пор остается дискуссионным [Николь 2004: 24]. Описывая историю его происхождения, Г.Э. Введенский постулирует, что традиционный ятаган

развился из ножа, который было разрешено иметь янычарам при выходе в город, и со ссылкой на Э.Г. Аствацатурян указывает, что ятаганы не являлись оружием [Введенский 2003: 115, 118]. Де Марсильи [Марсильи 1737] вообще не упоминает ятаган в числе оружия турецкой армии, равно как и Константин из Островицы в своих «Записках янычара» [Записки янычара 1978]. С.В. Дмитриев, наоборот, показывает, что особенности конфигурации ятаганного клинка с двойным изгибом и заточкой по вогнутой стороне делали это оружие более эффективным, чем сабли, мечи и палаши [Дмитриев 2003: 84], но вопрос продолжает оставаться дискуссионным. А.Н. Кулинский замечает, что «во второй половине XIX в. в некоторых армиях на вооружении стояли штыки с клинками ятаганного типа» [Кулинский 2007: 28].

Судя по количеству образцов в разных коллекциях, как музейных, так и частных, ятаганы были самым распространенным видом клинкового оружия Турции, и именно они составляют абсолютное большинство предметов коллекции Кунсткамеры. Анализ даже столь небольшой коллекции позволяет говорить, что это было оружие, при создании которого мастера-клиночники и оформители почти всегда проявляли большое мастерство и фантазию.

Большая часть ятаганов (шестнадцать экземпляров) была передана в музей в 1924 г. одним из подразделений ЧК в составе коллекции, зарегистрированной под № 2724. Два происходят из собрания С.С. Абамелек-Лазарева (колл. 3033) и один из коллекции Н.Н. Ермолаева 5343.

Ятаганы Кунсткамеры представляют очень разнообразную коллекцию с точки зрения типов, времени создания и вариантов оформления. Есть восемь датированных образцов. Самый ранний из них (кат. № 16) отмечен 1204 г.х. / 1789–1790 г., остальные даты 1214 г.х. / 1799–1800 (кат. № 7), 1216 г.х. / 1801–1802 (кат. № 19), 1252 г.х. / 1836–1837 (кат. № 9), 1261 г.х. / 1844–1845 (кат. № 20), 1280 г.х. / 1863–64 (№ 17), 1286 г.х. / 1869–1870 (кат. № 14) и 1288 г.х. / 1871 (кат. № 15). Как видно из этого списка, пять из восьми датированных ятаганов относятся ко времени после 1826 г., когда произошла реорганизация турецкой армии по европейскому образцу и был ликвидирован корпус янычар и производство традиционных видов оружия резко упало. Считается, что ятаганы с датами после 1826 г. встречаются значительно реже [Аствацатурян 2002: 136]. Однако, судя по данным коллекции МАЭ, ятаганы действительно продолжали пользоваться популярностью, что уже отмечалось в литературе [Введенский 2003: 136], причем их клинки считались вполне пригодными для боя.

Особенно ярко это подтверждает ятаган, относящийся к середине — второй половине XIX в. (кат. № 6), который, очевидно, попав в иную этносреду, в процессе службы получил совершенно несвойственное для этого оружия перекрестье очень грубой работы, довольно резко контрастирующее с оформлением рукояти в виде деликатной мозаики-инкрустации из кости и латуни/золота (?). Этот вариант оформления позволяет говорить об изначально представительских функциях рассматриваемого ятагана, хотя качество этого вида оружия после 1826 г. ухудшалось [Аствацатурян 2002: 136], но не очень стремительно. Клинок ятагана № 2724-4 (кат. № 9) оформлен в 1836–1937 гг. серебром и латунью/золотом (?) мастером Миром для некоего Ибрахима. Оформление отли-

чается довольно изысканной, четко выстроенной композицией с мотивами цветов и шестилучевых звезд, которые были очень распространены в турецком искусстве, в том числе и оружьем.

Ранние ятаганы были особенно выразительны, эффектно и эффективно сочетая боевые и представительские функции. Судя по надписи, самый ранний клинок в собрании — это клинок ятагана № 2724-12 (кат. № 16). Он оформлен мастером Мустафой в 1789–1790 гг. специально для Абд ал-Хасана бея (?), который в надписи назван «халиф наш» и на которого уповают. Имя владельца оформлено в варианте вензеля, позволяющего проводить параллели с тугрой султана. Следовательно, можно предположить, что этот ятаганный клинок был как минимум оформлен, а скорее сделан по заказу на территории запада или юга Малой Азии, т.е. на территории, близкой к столице. Позже, правда, клинок этот был переоправлен новой костяной рукоятью.

Клинок ятагана № 2724-2 (кат. № 7), выполненный мастером Мехметом в восточных или северо-восточных областях Османской империи, не только датирован 1799–1800 гг., но и оформлен сложным по композиции орнаментом, свойственным турецкому искусству XVIII в. Оформление клинкового оружия в Османской Империи в это время продолжало оставаться в русле развития турецкого художественного творчества в целом. Анализ орнаментики клинка играет очень важную роль при атрибуции оружия. Элементом композиции этого орнамента стал мотив сосуда с цветами, в данном случае преобразившийся в кувшин-кумган и побег, «населенный» птицей и изображениями копыт/подков и рогов. Этот изобразительный ряд, по старой традиции, показывает связь клинка со всеми сферами мира. Изображения копыт и рогов подчеркивают важность образа копытного животного в оформлении ятаганных клинков, которая обычно демонстрируется при помощи рукояти, сделанной из кости или рога. Включенные в этот орнаментальный текст надписи еще больше обогащают клинок новыми смыслами, вплетая его в сложную систему образов, связанных, с одной стороны, с воинской культурой, а с другой — с историей и религией. Клинок оправлен элегантной серебряной рукоятью, орнаментированной в техниках черни и золочения. Этому ятагану в коллекции МАЭ есть пара — ятаган № 5343-1 (кат. № 24), который был приобретен у Н.Н. Ермолаева и, судя по данным первичной регистрации, бытовал у кабилы в Северной Африке (Оп. колл. 5343). Дата на клинке этого ятагана не проставлена, но по аналогии с № 2724-2 (кат. № 7) его создание можно отнести к рубежу XVIII–XIX вв. Сходство принципов оформления обоих ятаганов дает возможность утверждать, что и оправы, и клинки этих ятаганов были сделаны одновременно в одной мастерской на территории восточных областей Османской империи. У второго ятагана сохранились ножны.

Кроме этой пары ятаганов в собрании Кунсткамеры есть еще одна пара — это ятаганы № 2724-3 (кат. № 8) и 2724-11 (кат. № 15). Их клинки, похожие системой ребер и оформлением, откованы разными мастерами — Мехметом и Ахметом соответственно, и оформлены в один, 1871, год. Эти ятаганы, таким образом, могут служить хорошими ориентирами для датировки недатированных клинков с похожим оформлением, а также для уточнения места производства клинков с такой системой ребер, которое, скорее всего, располагалось

в районах близких к Кавказу. Эти ятаганы, действительно, примечательны в первую очередь благодаря необычным ребрам, создающим образ стрелы, что встречается довольно редко. Обычно большинство ятаганных клинков оформлено с обеих сторон орнаментом в технике инкрустации или насечки. Орнаментальные темы на сторонах клинка чаще всего разные. Обычно это витиеватые композиции из растительного и геометрического орнамента, исследование которых позволяет датировать и атрибутировать ятаганы. Эти схемы тем не менее позволяют определить скорее место использования оружия, а не место его производства (иногда они совпадают), поскольку клинки, откованные в одной мастерской, распространялись по разным территориям государства, где оформлялись в соответствии с принятыми там схемами. Это произошло с упомянутыми ятаганами из коллекции Кунсткамеры и ятаганом из ГИМ, клинок которого снабжен такими же фигурными ребрами [Аствацатурян 2002: 153]. Эти ребра — лишь часть орнаментальной схемы клинков из коллекции Кунсткамеры, в которой присутствует и насечка. В этой технике, что особенно примечательно, сделаны имитации традиционных накладок на пяту клинка. Мастера использовали серебро в сочетании с латунью/золотом (?) и просто латунь/золото (?), что, видимо, было проще в 70-е годы XIX в. и, скорее всего, служило маркером той мастерской или области, где побывали эти ятаганы. Таким образом, в систему оформления, показывающую «жизнь» ятаган, входят не только орнаменты на клинке, но и накладки на пяту. Расположенные с обеих сторон клинка, они обычно делались в технике басмы и чеканки. Э.Г. Аствацатурян тем не менее считает, что их орнамент и форма не являются характерными признаками территориальной принадлежности, но предполагает, что они одинаковы у одинаковых клинков и что, следовательно, они появлялись, возможно, в той же мастерской, что и сам клинок [Аствацатурян 2002: 138–139]. Однако накладки на клинке у упомянутых ятаганов из коллекции Кунсткамеры и ГИМ, насколько это возможно увидеть, разные, тогда как накладки ятаганов № 2724-2 (кат. № 7) и 5343-1а (кат. № 24) из собрания Кунсткамеры, напротив, по форме кажутся идентичными накладкам на ятагане из ГИМ [Аствацатурян 2002: 135], при этом форма клинков ятаганов Кунсткамеры и ГИМ разная, как разное и их оформление. Накладки, скорее, появлялись в тот момент, когда клинок получал оформление и оправу, а основанием для уточнения места его производства, как представляется, служит в первую очередь его форма.

Так, следует полагать, что почти прямые или лишь слегка изогнутые клинки, напоминающие шашечные, ковались в восточных районах империи, близких к Кавказу. Причем в этой обширной области, судя по исследованиям Ю.А. Миллера и Э.Г. Аствацатурян [Миллер 1953; Аствацатурян 2002], были свои локальные разновидности, возможно, меняющиеся с течением времени. Так, упомянутые ятаганы № 2724-2 (кат. № 7) и № 5343-1а (кат. № 24) рубежа XVIII–XIX вв., не несущие следов ремонта, обладают широким клинком с легким изгибом и оправлены серебряными рукоятями, тоже напоминающими шашечную, а ятаган № 2724-5а (кат. № 10), который был полностью сделан в районах, близких к Трапезунду и Эрзруму, обладает почти прямым клинком с долами и рукоятью с не слишком широкими «ушами» из кости, дополненными кораллами, которые там были очень популярны при оформлении

оружия. Оформление же собственно клинка этого ятагана явно свидетельствует о долгой службе либо у разных владельцев, либо в разных областях, либо и то и другое.

Традиционной формой для ятаганного клинка стала форма с легким двойным изгибом, упростившаяся до однократного, видимо, лишь только во второй половине XIX в. Такой классической формы клинок у ятагана № 2724-6 (кат. № 11), оправленный рукоятью из светлой кости с довольно большими «ушами». Клинок оформлен надписями, одна из которых — кораническая цитата (сура 48:1–2). Надписями оформлены многие турецкие клинки, причем не только ятаганные. Довольно часто встречаются на турецком оружии айаты из Корана и арабские изречения (№ 2724-13 а, б — кат. № 17), хотя на некоторых ятаганах можно увидеть и светские надписи. Исполнение коранического текста, независимо от того, какую вещь он будет дополнять, требует соблюдения мусульманских ритуалов и обязательно каллиграфического почерка, что хорошо видно на этом примере и увеличивает ценность клинка рассматриваемого ятагана. Автором этой надписи и оформления клинка был ас-Сайид Мухаммад, который, судя по качеству исполнения оформления и деталям орнамента, работал в западной части Османской империи.

Наиболее распространенная надпись среди тех, которые встречаются на ятаганах, — это имена семи спящих отроков и их собаки Кытмыр [Аствацатурян 2002: 135]. В коллекции Кунсткамеры эти имена написаны на обухах первой пары ятаганов (№ 2724-2 — кат. № 7, 5343-1а — кат. № 24). Имена отроков не встречаются в Коране, их приводят арабские авторы в разных вариантах, те же, что написаны на обухах, упоминаются у Замахшария (1074–1143 гг.). Именно они и встречаются на турецком оружии XVIII–XIX вв., приобретая магическую функцию [Аствацатурян 2002: 135]. Янычарский корпус был религиозным войском. Его члены посвящались в таинства ритуалов «танцующих дервишей», как называли *бекташей* [Введенский 2003], и появление у них предметов вооружения, имеющих сакральный характер, вполне объяснимо.

Мастера-ювелиры часто писали свои имена на клинках, и в коллекции МАЭ большая часть подписанных клинков содержит имена именно оформителей-ювелиров: Усман (кат. № 10, 13, 20); ас-Саид Мухаммад (кат. № 11); Мустафа (кат. № 16); Йахйя (кат. № 17); ал-Хаджи Нух (кат. № 22). На трех ятаганских клинках выбиты клейма мастеров-клиночников: Мехмет (кат. № 7, 8), Ахмет (кат. № 15). Другие (кат. № 4, 9) не поддаются прочтению. Предметы коллекции Кунсткамеры подтверждают, что в XVIII–XIX вв. над изготовлением клинка и его оформлением трудились разные мастера, что уже отмечалось для XVI–XVII вв. [Миллер 1958: 81–82].

На некоторых ятаганах указано имя владельца, что может служить доказательством того, что ятаганы были личным оружием, которое стало производиться в больших количествах в конце XVIII — начале XIX в. из-за янычарских бунтов, когда янычарам понадобилось более мощное оружие, чем кинжал или пистолет, которые дозволялось иметь при выходе из гарнизона. Несмотря на то что самые ранние известные сегодня ятаганы (один в собрании Музея Топ-Капы в Стамбуле № 2/3776 [Сокровища 2010: 65], другой в коллекции Фонда искусство «Фурусийя» № R-944, упоминается еще один в Катаре [The Arts 2008:

56]) относятся к первой половине XVI в., массовое их производство началось не ранее, чем во второй половине XVIII в. [Аствацатурян 2002: 134].

Клинки большинства ятаганов выполнены традиционно из простой стали, но четыре ятагана в коллекции МАЭ — № 2724-7 (кат. № 12), 2724-14а (кат. № 18), 2724-17 (кат. № 21) и 3033-12 (кат. № 23) — откованы из узорчатой, что довольно редко для ятаганов. Похожие, но не идентичные клинки ятаганов № 2724-14а (кат. № 18) и 3033-12 (кат. № 23) были сделаны, скорее всего, в одной мастерской или соседних на территории центра или юга Малой Азии, где было, как представляется, несколько центров по производству ятаганных клинков, и в одном из них ковали клинки, оформляя их характерным орнаментом в виде мелких звезд, завитков и розеток, сопровождавшихся элементами эпиграфики. Судя по дате, соответствующей 1801–1802 гг., на клинке ятагана № 2724-15а (кат. № 19), этот центр существовал уже в начале XIX в. В этом же центре, возможно, в одной или нескольких мастерских клинки ковали из узорчатой стали, оформляя таким же орнаментом, примерами чему могут служить упомянутые клинки ятаганов № 2724-14а (кат. № 18) и № 3033-12 (кат. № 23).

Другая пара ятаганов, с клинками, откованными из узорчатой стали, — № 2724-7 (кат. № 12) и № 2724-17 (кат. № 21), судя по длине их клинков около 50 см — детские, правда Э.Г. Аствацатурян эту длину считает нижней границей для ятаганных клинков в целом [Аствацатурян 2002: 136]. Оба представляют собой изысканно оформленное церемониальное оружие с рукоятями из белой кости, дополненными цветными вставками и камнями (клинок № 2724-7 маркирован и клеймом). Причем, судя по очень схожей манере оформления, детский ятаган № 2724-17 и ятаган № 2724-16 (кат. № 20) вышли из одной мастерской, специализировавшейся на исполнении таких церемониальных ятаганов.

Клинки многих ятаганов оформлены орнаментальными композициями, выполненными в технике насечки и реже инкрустации. Зачастую они становятся своеобразной «драгоценной оправой» для имени мастера-оформителя или другого текста. Композиции бывают очень сложными по построению, как, например, на клинке ятагана № 2724-8 (кат. № 13), и детальный анализ орнамента позволяет точнее локализовать клинок. Так, элементы, напоминающие пальметты, становятся маркером западных земель Османской империи. Тем не менее эти локализации не могут рассматриваться как абсолютно неколебимые, поскольку место исполнения не обозначено ни на одном ятаганном клинке. С этой точки зрения очень важна сабля № 0116/892 из коллекции Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, на обухе которой указан город Эрзрум и дата 1248 г.х., т.е. 1833 г. [Анисимова 2013: 94–95]. Частым элементом системы оформления клинка были шестилучевая звезда, как вписанная в круг (№ 2724-16 — кат. № 20), так и одиночная (№ 2724-4 — кат. № 9), и вписанная в круг восьмилучевая звезда (№ 2724-9 — кат. № 14). Последняя «космограмма» — сочетание октагона и круга — классический мотив, обозначавший рай [Земное искусство — небесная красота 2000: 132]. Наблюдения над оформлением ятаганов, равно как и другого оружия, позволяют проследить перемещение оружия и отметить возможную смену владельцев.

Все оправы и оформления ятаганов выполнены с разной степенью тщательности и аккуратности. Ятаган № 2724-9 (кат. № 14), сходный по манере оформ-

ления клинка и оправы с № 2724-8 (кат. № 13), выполнен тем не менее очень небрежно и с точки зрения исполнения надписи (содержащей в данном случае только имя владельца, что примечательно), и с точки зрения оправы. Оформление клинка этого ятагана относится, судя по надписи, к 1869–1870 гг. Таким образом, к 70-м годам XIX в. качество оформления клинков могло быть уже не столь высоким. Выявлять зависимость между временем создания и качеством исполнения клинков и оправ довольно сложно, поскольку клинки никогда не датировались, а проставленные на них даты указывают только время оформления полосы. Иногда есть возможность распространить эту дату на создание клинка в целом (например, № 2724-2 — кат. № 7).

Один из самых роскошных с точки зрения оформления ятаганов в собрании музея происходит из коллекции С.С. Абамелек-Лазарева и зарегистрирован под № 3033-10 а, б (кат. № 22). Клинок с довольно сложной системой долов, оформленный ярким орнаментом и выполненными каллиграфическим почерком надписями, оправлен рукоятью из светлой кости в сочетании с серебряными деталями. Сохранившиеся ножны со сплошной серебряной накладкой столь же роскошны. Военная экспансия Турции на Балканы середины XVI в. повлекла за собой владение богатыми залежами серебра в Боснии и Сербии и появление в Стамбуле высококлассных серебряных дел мастеров. Кроме того, после битвы при Чалдыране в Османской империи появились хорошие мастера и материалы из Сефевидского Ирана [Sotheby's 2004: 198].

Не все ятаганы коллекции тем не менее богато оформлены, но практически каждый экземпляр обладает каким-нибудь декоративным элементом — орнаментальными или каллиграфическими схемами на клинке, выполненными в разных техниках, накладками на основании клинка, украшенными рукоятями. Все это свидетельства уважительного отношения к оружию и рассмотрения его в качестве одного из значительных элементов образа мужчины-воина.

Носили ятаган за поясом, но иногда ножны снабжались небольшой петлей в верхней части, например № 2724-56 (кат. № 10) и № 2724-136 (кат. № 17), для ношения через плечо на специальном шнуре [Дмитриев 2003: 84].

Короткоклинковое оружие Османской империи представлено только одним кинжалом № 2723-10 (кат. № 26) довольно маленького размера, что позволяет видеть в нем оружие либо детское, либо женское. В оправе этого кинжала соединились приметы турецкого оружия (каплевидная форма рукояти) и европейского (крестовина).

Коллекция метательного оружия Османской империи в МАЭ невелика. Это наконечник копья № 291-23 (кат. № 27) и колчан с джеридами № 3033-21 а, б, в, г (кат. № 28), которые уже с XVIII в. служили спортивным оружием. В собрании МАЭ есть и топор № 2723-14 (кат. № 29), который можно с осторожностью атрибутировать как турецкий, церемониальный XIX в.

В целом коллекция холодного оружия Османской империи достаточно значительная, содержит большинство видов оружия, которые были распространены на территории этого государства.

Каталог холодного оружия народов Османской империи

I. Сабли и сабельные приборы

1. Сабля *кылыч* (а) с ножами (б) (рис. 1а–д).

Османская империя, сабля — конец XVIII — первая половина XIX в., ножи — середина — вторая половина XIX в.

Курды Карской области.

Инв. № 291-22 а, б.

Поступление: из коллекции П.И. Томича (покупка), 1895 г.

Сталь, бронза/латунь (?), рог, дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, насечка, резьба.

Длина клинка 65,2 см, ширина клинка у пяты 3,2 см, длина елмани 23 см, длина рукояти 12,5 см, длина перекрестья 15 см, длина ножен 72 см, ширина ножен у устья 3,5 см.

Сабля со стальным широким, значительно изогнутым в верхней трети клинком (рис. 1а) — хороший пример традиционной турецкой сабли типа *кылыч*. Соотношение длины и ширины клинка, выраженная елмань, разложистый обух — признаки, традиционно относящие клинок к концу XVIII — первой половине XIX в. [Аствацатурян 2002: 104–105]. На клинке есть едва различимые, сделанные в технике гравировки надписи (рис. 1б). Они были сделаны уже

Рис. 1а

Рис. 1б

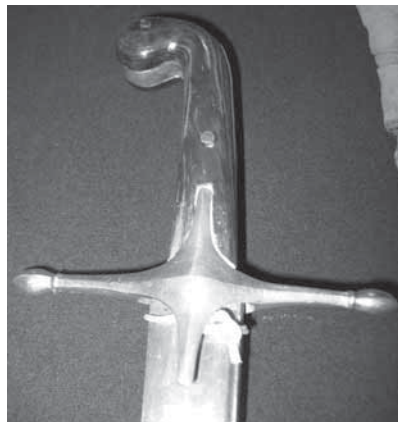

Рис. 1в

Рис. 1г

Рис. 1д

в ходе службы клинка, сохранившего заточку. Дешифровать и прочесть их пока не удастся. Рукоять тоже представляет собой характерный турецкий тип, о чем свидетельствует каплевидная форма затыльника. Ее костяные, окрашенные в темно-коричневый цвет щечки соединены латунным больстером и закреплены на хвостовике гвоздем. Завершает эфес латунная/бронзовая (?) крестовина с выраженными ребрами и по-турецки длинными дужками. Дужки завершаются вполне традиционными для турецких сабель «шишками» (рис. 1в). Такие сабли были широко распространены в Османской Турции XIX в., и у рассматриваемой сабли, таким образом, есть большой ряд аналогий (см., напр.: [Tirri 2003: 130]).

Ножны сабли деревянные, обтянуты в средней части черной кожей, на конце и у устья усилены стальными, покрытыми тонирующим составом накладками (рис. 1г). Накладка у устья снабжена выемкой для вложения крестовины, что свойственно турецким сабельным приборам. Торец ножен тоже закрывался накладками, одна из которых утрачена. На расстоянии 15 см от устья на единственной обоймице укреплены с обеих сторон два кольца того же металла, предполагающие только вертикальный подвес сабли к поясу (рис. 1д). Реконструкция такого подвеса приведена в книге Э.Г. Аствацатурян «Турецкое оружие» [Аствацатурян 2002: 105]. Судя по тому, что расположенный на правой стороне ножен соединительный шов по коже фактически потайной, он маркирует не лицевую сторону, как обычно у турецких сабель, а обратную, и саблю, таким образом, подвешивали слева. Аналогии таким ножнам тоже хорошо известны [Аствацатурян 2002: 105]. Сабля была реставрирована.

2. Сабля *шамшир* (а) с ножнами (б) (рис. 2а–е).

Османская империя, середина — вторая половина XIX в.

Курды.

Инв. № 477-3 а, б.

Поступление: из коллекции К.Н. Посыета (в дар по завещанию), 1899 г.

Сталь, бронза/латунь (?), дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, резьба.

Длина клинка 77 см, ширина клинка у пяты 3,2 см, длина рукояти 11,5 см, длина перекрестья 14,5 см, длина ножен 77,7 см, длина прорези 10,3 см.

Сабля (рис. 2а) представляет собой пример соединения иранских и турецких оружейных традиций. Клинок выполнен из свойственной оружию Турции простой стали (рис. 2б), но откован в форме традиционной иранской сабли типа *шамшир*, которая была распространена и в Османской Турции. Крестовина (рис. 2в) поддерживает это сочетание: по-турецки длинные дужки завершаются уплощениями-упорами, что свойственно иранским сабельным приборам. Такое

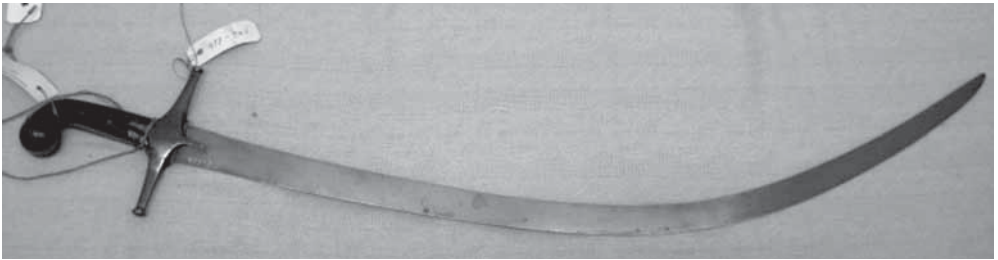

Рис. 2а

Рис. 2б

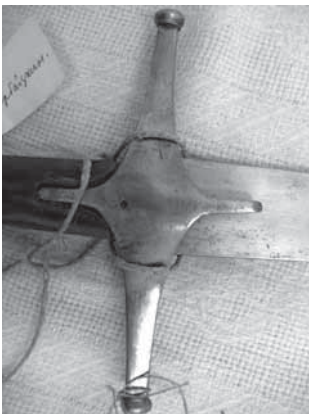

Рис. 2в

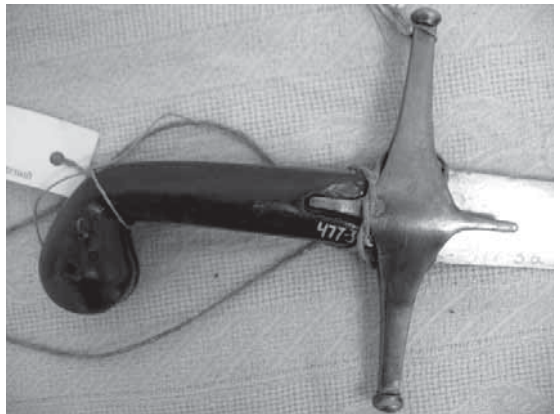

Рис. 2г

Рис. 2д

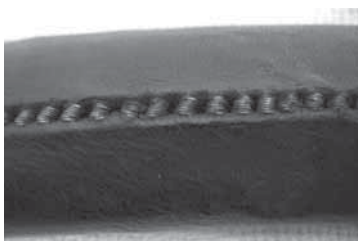

Рис. 2е

сочетание турецких и иранских элементов позволяет предполагать производство сабли в среде народов, живших на границе распространения турецкой и иранской культур, таких как курды. Невысокое качество стали клинка, а также выполненные из дерева, а не рога щечки узкой рукояти (рис. 2г), завершающейся характерной для турецких сабель «каплей», говорят о том, что эта сабля — пример массового оружия середины — второй половины XIX в. Позднюю, относительно появления такого типа сабель в Турции, датировку и атрибуцию рассматриваемой сабли (анalogии для клинка многочисленны [Художественное оружие 2010: № 202, 108; Аствацатурян 2002: 120; Анисимова 2013: 93], для рукояти не вполне точные, но тоже имеются [Tigri 2003:130]), поддерживают и ножны.

Деревянные ножны (рис. 2д) обтянуты черной кожей и снабжены накладками на устье и наконечнике. Никаких выемок для крестовины на устье нет, что свойственно иранским сабельным ножнам, да и в форме наконечников с заостренными завершениями тоже прочитывается иранское влияние. При этом соединительный шов из латунной проволоки (рис. 14е), расположенный на левой стороне, вполне выражен, в чем видно следование турецкой моде, и, даже несмотря на несохранившиеся обоймицы, понятно, что сабля подвешивалась, как это было принято в Турции, соединительным швом наружу вертикальным подвесом и, таким образом, слева. Сохранность в целом хорошая.

3. Сабля *кылыч* (а) с ножнами (б) (рис. 3а–з).

Османская империя, клинок — первая половина XIX в., оправа — середина — вторая половина XIX в.

Турки (?), иранцы (?).

Инв. № 3033-9 а, б.

Поступление: передача из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, бронза/латунь (?), рог, дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, резьба.

Длина клинка 68 см, ширина клинка у пяты 3,6 см, ширина елмани 4 см, длина елмани — 26 см, ширина обуха 0,6 см, длина перекрестья 16,5 см, длина рукояти 11 см, длина ножен 76 см, ширина ножен у устья 5 см.

Сабля представляет собой вариант традиционного турецкого типа сабли *кылыч* (рис. 3а), с клинком из простой стали, отличающимся резким изгибом, очень выраженным разложистым обухом (рис. 3б) и в данном случае довольно длинной елматью. Все эти характеристики клинка в совокупности позволяют говорить, что полоса была откована по образцу сабель рубежа XVIII–XIX вв.

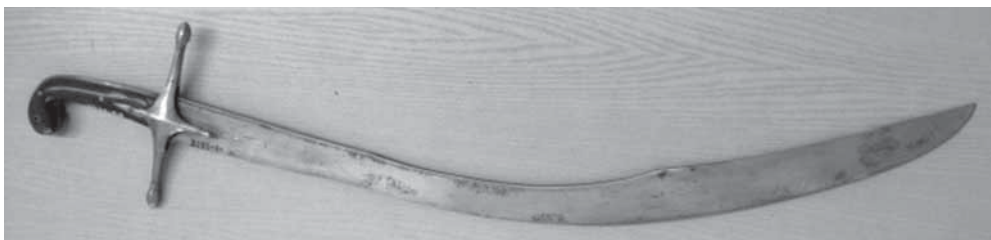

Рис. 3а

Рис. 3б

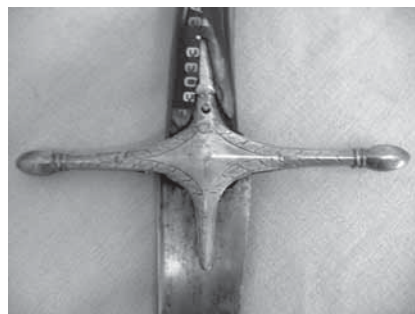

Рис. 3в

Рис. 3г

Рис. 3д

Рис. 3е

Рис. 3ж

Рис. 3з

[Аствацатурян 2002: 104], но, судя по качеству исполнения, материала и пропорциям, все же не ранее первой половины XIX в. Перекрестье с ребрами и традиционными для турецких сабель длинными дужками с «шишками»-завершениями (рис. 3в) оформлено гравированным орнаментом, тогда как рукоять (рис. 3г), также турецкого типа с каплевидным навершием и отверстием для темляка, заметно уже клинка, а в перекрестье отверстие, наоборот, шире и клинка, и рукояти (рис. 3д), что заставляет предполагать перемонтировку клинка. Щечки рукояти сделаны из крашеной кости и, судя по их небольшой ширине, предназначались для строевой турецкой сабли середины — второй половины XIX в. При перемонтировке или в процессе службы они были дополнительно укреплены гвоздями, пробитыми через перекрестье, что лишнее указывает на непервоначальную оправу и активную службу сабли во второй половине XIX в. — самом начале XX в., когда клинковое оружие еще довольно широко использовалось на Ближнем Востоке. По определению А.А. Автономова, это типичная турецкая сабля XX в. Следы этой службы, либо в среде турок (что скорее всего), либо, если опираться на информацию первичной регистрации (Оп. колл. 3033), в среде иранцев, заметны и на клинке, на котором множество царапин и очагов коррозии (яркое свидетельство попадания влаги, возможно, из-за плохо подобранных ножен).

Ножны сабли (рис. 3е) сделаны из дерева и обтянуты кожей с потайным швом на кромке. Причем единственная обоймица с укрепленным на ней одним кольцом закрыта кожей. Две другие петли для крепления сабли к поясу располагаются на наконечнике (рис. 15ж) и устье (рис. 15з) ножен, которые выполнены из бронзы/латуни (?), судя по качеству работы, не ранее самого конца XIX в. Такая система расположения петель и кольца предполагает вертикальный подвес сабли. Сохранность в целом хорошая, но есть коррозия на клинке и потертости на рукояти.

4. Сабля *кылыч* (рис. 4а–д).

Османская империя, клинок — XVIII в., оправка — конец XIX в.

Народ неизвестен.

Инв. № 3033-13.

Поступление: передача из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), дерево (?); ковка, шлифовка, полировка, насечка.

Длина клинка 65 см, ширина клинка у пяты 4 см, ширина елмани 3 см, длина елмани — 21 см, длина перекрестья 11,5 см, длина рукояти 11 см, ширина обуха 0,5 см.

Место и время создания клинка этой сабли (рис. 4а) определить трудно, но обычная сталь (рис. 4б) и особенно небольшая елмань позволяют с осторожностью отнести его к работе мастерских Османской империи, а сочетание харак-

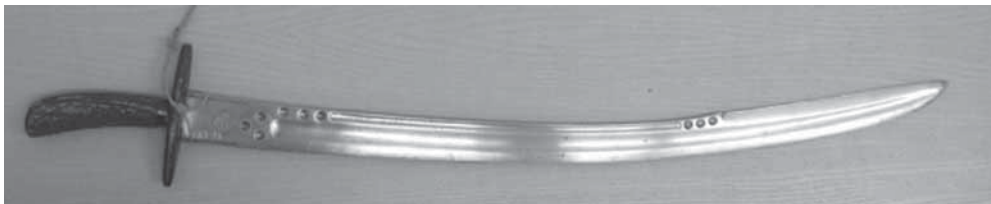

Рис. 4а

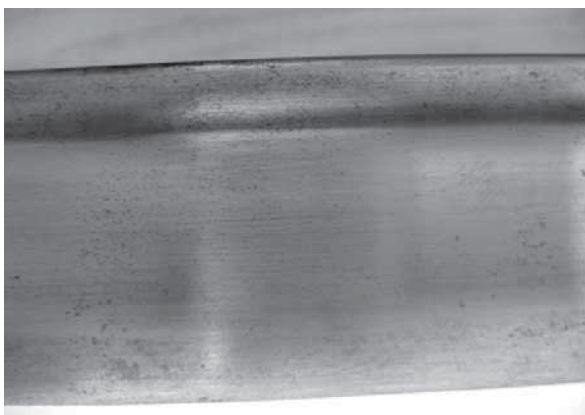

Рис. 4б

Рис. 4в

Рис. 4г

Рис. 4д

терного для турецких сабельных клинков XVI–XVIII вв. небольшого изгиба при значительной ширине с небольшой длиной, свойственной только распространенной в тот же период *каддара* [Миллер 1953: 123–125], с той же долей осторожности дает возможность датировать его XVII–XVIII в. Похожий по легкому изгибу клинок, датируемый XVII в., есть в собрании Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи [Анисимова 2013: 88–89], но полную аналогию клинку этой сабли пока обнаружить не удалось. Согласно атрибуции А.А. Автономова, клинок этой сабли турецкий, монтированный новой рукоятью (Оп. колл. 3033). Выполненный у пяты клинка в технике насечки латунью/золотом (?) миндалевидный картуш (рис. 4в) со вписанным именем мастера, не поддающимся прочтению, — عمل عا — 'amila 'a... — «Сделал А...» — тоже не помогает уточнить датировку и атрибуцию, поскольку не содержит ни даты, ни места выковки клинка, но вполне согласуется с традицией маркировки клинков в ремесленных мастерских Османской империи. Тем не менее форма картуша указывает на следование иранским традициям, а имя мастера написано по-персидски, без арабского определенного артикля у фамилии. Поскольку клинок довольно толстый, обух выражен слабо, тогда как для уменьшения веса и увеличения прочности клинка была разработана сложная система долов (несколько долов по обеим сторонам клинка). С обеих сторон клинок дополнительно оформлен тремя группами по три полусферы, две из которых расположены вдоль обуха — одна между елманью и верхним долом, вторая в месте, где заканчивается верхний дол, третья же группа оформляет нижнюю часть клинка практически у пяты (рис. 4г). Эти полусферы, составляющие, возможно, часть системы долов, акцентированы латунью/золотом (?). Группа у пяты орнаментом объединяется с картушем, содержащим имя мастера. Позже клинок был перемонтирован новой прокрашенной в коричневый цвет деревянной (?) рукоятью (рис. 4д), которая не отражает характерных признаков какой-либо страны или культуры, поэтому и точная среда конечного бытования сабли тоже остается неизвестной. Примечательно, что эта новая оправа напоминает форму эфесов детских игровых сабель, и, вполне возможно, эта сабля в конце служила детским оружием. Сохранность в целом хорошая.

5. Сабля *каддара* (рис. 5а–д).

Османская империя. XVII–XVIII вв.

Турки.

Инв. № 3033-14.

Поступление: передача из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, бронза/латунь/золото (?), кость; ковка, шлифовка, полировка, насечка.

Длина клинка 70 см, ширина клинка у пяты 4,5 см, ширина елмани 4,5 см, длина елмани 22 см, ширина обуха 0,7 см, длина перекрестья 9,2 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти 3 см.

Сабля демонстрирует еще один тип, распространенный в Османской империи периода XVI–XVIII в. (рис. 5а). Ее широкий, но тонкий, почти прямой однолезвийный клинок с разложистым обухом и не слишком выраженной елманью позволяет определить тип сабли как *каддара*. Выполненный из простой

Рис. 5а

Рис. 5б

Рис. 5в

Рис. 5г

Рис. 5д

стали клинок хорошо отшлифован и отполирован (рис. 5б), а также с правой стороны оформлен золочением в технике насечки как вдоль обуха, так и у пяты (рис. 5в). Можно предполагать, что у пяты была проставлена марка с именем мастера и датой выковки клинка. Рукоять из светлой кости (рис. 5г) представляет собой тип *карабела*. Она прекрасно соответствует по пропорциям клинку — ее щечки плотно пригнаны к больстеру и крестовине, что дает возможность утверждать, что эта оправа первоначальная. Стальная крестовина ярко оформлена гравированным растительно-цветочным орнаментом. Дужки перекрестья опущены, завершаются завитками в виде многолепестковых цветов, напоминающих цветы подсолнечника — мотив, заимствованный из европейской орнаментики, известен по другим образцам таких сабель, датируемых XVII в. [Аствацатурян 2002: 90–91], что позволяет отнести эту саблю к XVII–XVIII вв. Детали оправы — крестовина, щечки рукояти и больстер — составляют гармоничное целое благодаря трем фигурным орнаментированным заклепкам, удерживающим щечки рукояти на хвостовике, и легким деликатным гравирован-

ным линиям растительного орнамента на больстере (рис. 5д). Яркое оформление сабли позволяет рассматривать ее как боевое и представительское оружие. По мнению А.А. Автономова (Оп. колл. 3033), клинок сабли турецкий, а сама сабля — польская XVIII в. Сохранность хорошая.

II. Ятаганы

б. Ятаган (а) с ножами (б) (рис. ба–ж).

Османская империя, середина — вторая половина XIX в.(?)

Турки (?)

Инв. № 2724-1 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), рог, кость, мастика, дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, резьба, инкрустация.

Длина клинка 64 см (?), ширина клинка у пяты 3 см (?)¹⁹, длина рукояти 13 см, длина ножен 65,5 см, ширина у устья 4,5 см.

Этот ятаган (рис. ба) — образец нечасто встречающегося типа, что видно в первую очередь по редкой оправе. Неширокая удобная для хвата костяная рукоять с небольшими «ушами» (рис. бб), выдающимися, как представляется, работу нестоличных мастерских ближе к Кавказу середины — второй половины XIX в., не препятствует использованию ятагана в боевых целях. Щечки рукояти прибиты к хвостовику гвоздями и для прочности были укреплены еще связующим составом, на котором держался и больстер, замененный позже на новый. Состав этот разохся, и разломившийся больстер частично не сохранился (рис. бв). Выпали и многие сделанные в технике мозаики из кости и латунной/золотой (?) проволоки розетки (рис. бб), в несколько рядов оформлявшие рукоять. Они крепились к рукояти при помощи штифта и пасты заподлицо,

Рис. ба

Рис. бб

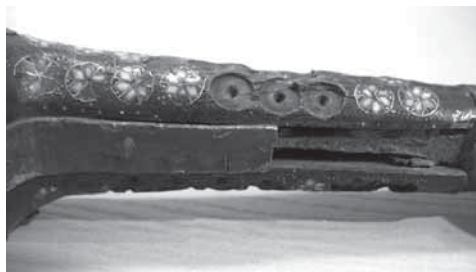

Рис. бв

¹⁹ Ятаган не вынимается из ножен, и точно измерить его клинок сегодня невозможно. Размеры приводятся по описи, составленной М. Серебряковой в декабре 1972 г.

Рис. 6г

Рис. 6д

Рис. 6е

Рис. 6ж

не мешая хвату, но придавая оружию оттенок парадности. Аналогий такому оформлению рукояти ятагана обнаружить пока не удалось. Рукоять выглядит непропорционально узкой по отношению к массивному перекрестью с остроконечными дужками — более чем нетипичной для ятаганов детали. Она была добавлена позже, когда ятаган попал, скорее всего, в новую этносреду, где ему сделали и новые ножны.

Ножны (рис. 6г) плотно соединяются с перекрестьем, что говорит об их ансамбле. Ножны выполнены из дерева, обтянуты черной кожей, сшитой на торце (рис. 6д), и снабжены наконечником с фигурным завершением (рис. 6е) и устьем, к которому прикреплены два кольца (рис. 6ж), предполагающие вертикальный подвес ятагана-сабли с помощью перевязи. Сохранность ятагана и ножен неудовлетворительная. Требуется реставрация.

7. Ятаган (рис. 7а–и).

Османская империя, не позднее 1799–1800 г.

Турки (?)

Инв. № 2724-2.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, золото; ковка, шлифовка, полировка, гравировка, пайка, чернение, золочение.

Длина клинка 64 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 13 см.

Рис. 7а

Рис. 7б

Рис. 7в

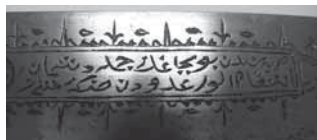

Рис. 7г

Рис. 7д

Рис. 7е

Рис. 7ж

Рис. 7з

Рис. 7и

Ятаган выполнен в ремесленной мастерской и обладает ярко выраженными представительскими функциями (рис. 7а). Довольно широкий с двойным легким изгибом клинок, откованный из простой стали, оправлен серебряной рукоятью. На клинке с обеих сторон гравирован орнамент. На правой стороне (рис. 7б) — растительно-геометрический орнамент, в который включены изображения шестилучевой звезды, кувшина-кумгана, из которого «произрастает»

побег, копыт/подков, рогов и птицы. В тулово кумгана вписана дата 1214 г.х., соответствующая 1799/1800 г. На левой стороне клинка (рис. 7в) — оттиснутое в металле клеймо в виде стилизованного кувшина-ароматника с именем мастера-клиночника: محمد *Mehmet* — «Мехмет». Вокруг клейма — растительно-геометрический орнамент, который также включает изображение рогов и картуш с надписью по-османски, исполненной почерком на основе почерка *насх*, следующего содержания:

ضربه سندن بو بجاغك جمله دشمان انتقام الور عدودن صنكه مثلى

darbesinden bu bıçağın cümle düşman [tarumar] intikam alır adudan sanki [misli Zülfkar] — «От удара этого меча все враги [будут рассеяны]. Он мстит врагам словно [зу-л-факар]» (рис. 7г). Для этой надписи, равно как и для оформления клинка, есть аналогии в собрании ГИМ [Аствацатурян 2002: 137, 144–145]. Возможно, надпись сделана тем же мастером, который выковал клинок, поскольку она не содержит другого имени, которое могло бы принадлежать мастеру-оформителю [Там же: 144]. Надпись есть и на обухе клинка (рис. 7д) — это имена семи спящих отроков и их собаки Кытмыр в следующей последовательности: *يملیخا (Yemliha, Ямлиха), مكسلینا (Mekselina, Макшаления) مثلینا (Mislina, Маулия), مرنوش (Mernuş, Марнуш), دبرنوش (Debernuş, Добернуш), شاذنوش (Şazenuş, Шадамуш), كفشطایوش (Kefestayıuş, Кафауматуш), قطمیر (Kitmir, Кытмир)*. Примечательно, что все надписи сделаны без таушировки, что, как представляется, служит одним из атрибутирующих признаков для ятаганных клинков с таким оформлением. В качестве еще одного признака служит надпись в картуше — она позволяет отнести рассматриваемый ятаган к восточно-анатолийскому типу, сделанному в районах, близких к Кавказу [Там же: 144–145]. Тем не менее главный атрибутирующий признак — это орнамент. Рисунок в виде кувшина с длинным горлом, цветы или травы на длинных стеблях, по мнению Ю.А. Миллера, характерен для Трапезунда или Эрзурума, так как он присутствует на точно датированных и локализованных малоазийских ружьях [Аствацатурян 2002: 146; Миллер 1958: 176]. Э.Г. Аствацатурян, правда, считает, что такие ятаганы делались на Балканах [Аствацатурян 2002: 144–145]. Этот вывод сделан, видимо, на основании того, что на Балканах были залежи серебра [Sotheby's 2004: 198], которое использовано для оправы этого клинка. Из серебра сделаны рукоять и накладки на клинок (рис. 7е), абсолютно точные аналогии которым есть на ятаганных клинках из ГИМ [Аствацатурян 2002: 146]. Накладки оформлены выполненными чернью и золочением растительными и геометрическими орнаментами. Рукоять (рис. 7ж) состоит из нескольких частей, скрепленных пайкой (одна из накладок на затыльнике утрачена). Небольшие ее «уши», по форме напоминающие рукоять шашки, тоже орнаментированы чернью и золочением. В центральных картушах орнамента гравируются надписи. Надписи, выполненные на османском и арабском почерком на основе *насх*, дешифруются частично и пока не вполне точно *بو بجغمله یارم مریتحا الورم* «Этой моей саблей разрублю я (?), Возьму я (?))» (рис. 7з) и *حیاتیمدر قید الوسن* «Это моя жизнь в окопах сна (?))» (рис. 7и). Следует отметить, что почерки на клинке и на рукояти разные, следовательно, оформление сделано другим мастером, но, скорее всего, в той же мастерской или по крайней мере в тех же восточных или северо-восточных районах госу-

дарства, близких к Кавказу, учитывая форму рукояти. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что на рубеже XVIII–XIX вв. ятаганы с таким оформлением и такой формой рукояти делались в восточных или северо-восточных районах Османской империи. Этот же вывод подтверждает и анализ почерка, которым исполнена надпись. Практически полная аналогия этому ятагану — ятаган из коллекции ГЭ № В03493 [Во дворцах и в шатрах 2008: 380]. На клинке есть очаги коррозии и царапины, «уши» рукояти немного разошлись, есть утрата.

8. Ятаган (рис. 8а–к).

Османская империя, не позднее 1871 г.

Турки (?)

Инв. № 2724-3.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, бронза/латунь/золото (?), серебро, дерево; ковка, шлифовка, полировка, резьба, инкрустация.

Длина клинка 60 см, ширина клинка у пяты 3,8 см, ширина обуха 1 см, длина рукояти 15 см, ширина «ушей» 8,5 см.

Ятаган (рис. 8а) относится к 70-м годам XIX в. Об этом прежде всего говорит проставленная на клинке с правой стороны дата 1288 г.х., т.е. 1871 г. (рис. 8б). Она выполнена мастером, работавшим над оформлением этого клинка, поскольку «вписана» в прямоугольник, представляющий часть его орнаментальной композиции. На левой стороне клинка (рис. 8в) оттиснуто довольно изысканным штампом имя мастера-клиночника محمد — *Mehmet*, «Мехмет».

Рис. 8а

Рис. 8б

Рис. 8в

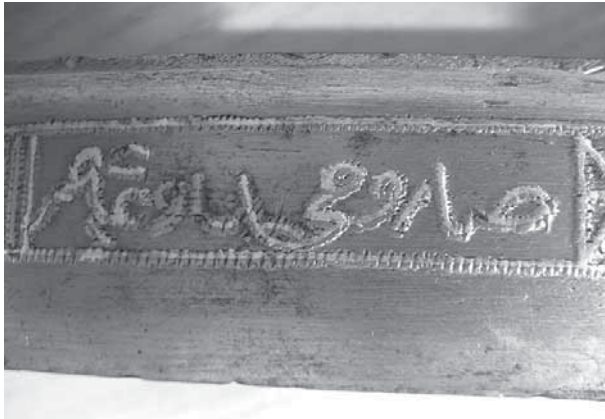

Рис. 8г

Рис. 8д

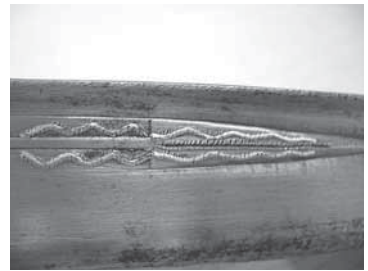

Рис. 8е

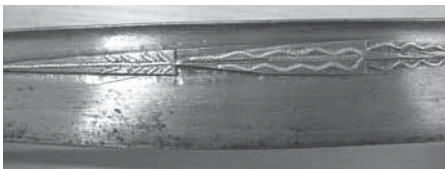

Рис. 8ж

Рис. 8з

Рис. 8и

Рис. 8к

На клинке еще есть надпись, исполненная довольно небрежным почерком на основе почерка *насх*, которая пока не дешифруется (рис. 8г). Нужно отметить, что клеймо мастера по форме очень напоминает клейма кавказских оружейников [Аствацатурян 1982: 26], и, возможно, место исполнения этого ятагана стоит локализовать территориями Османской империи, близкими к Кавказу, где часто работали кавказские мастера.

Сам клинок, выполненный из простой стали (рис. 8д), отличается одним резким изгибом, разложистым обухом и особенно асимметричными ребрами жесткости, расположенными с обеих сторон вдоль всего клинка и у острия, завершающимися в форме одного (на правой стороне) или двух (на левой) треугольников, напоминающих наконечник стрелы (рис. 8е, 8ж). Аналогии этому клинку с похожей системой ребер и долов известны в собрании ГИМ среди клинков, которые по классификации Ю.А. Миллера и Э.Г. Аствацатурян относятся к подгруппе 1 группы 2 малоазийского типа ятаганов, выполненных в Западной или Центральной Анатолии [Аствацатурян 2002: 153]. Однако рассматриваемый клинок, как представляется, длиннее и уже тех, что хранятся в ГИМ [Там же]. О наличии клейм на таких клинках в собрании Государственного исторического музея информации нет, но известно, что они щедро дополнены серебряной инкрустацией, характер которой и определяет производство оружия в Малой Азии [Аствацатурян 2002: 147]. Оформление же рассматриваемого клинка абсолютно другое. Оно представляет собой расположенный на обеих сторонах клинка вдоль обуха довольно грубый геометрический орнамент, части которого напоминают изображения животных (рис. 8з). Он выполнен серебром и латунью/золотом (?) в технике насечки, снабженной в данном случае довольно грубыми насечками-«заусенцами», которые, видимо, изначально должны были способствовать более прочной фиксации вставок (местами, тем не менее, все же выпавших). У пяты клинок с обеих сторон оформляют не традиционные накладки, а рельефный рисунок, выполненный в той же технике. Орнаментом дополнены не только стороны клинка, но и обух. На нем в нижней трети клинка имеется трещина, которую и отмечает (или маскирует) инкрустация (рис. 8и). Следов возможного прежнего оформления на клинке нет. Эта ситуация лишней раз показывает, что откованные мастерами-оружейниками клинки распространялись на больших территориях, где мастера-ювелиры оформляли их в разных свойственных конкретным территориям традициях. В целом клинок несколько перегружен оформлением, что в какой-то мере компенсируется простой рукоятью с небольшими «ушами» (рис. 8к). Щечки выполнены из дерева, что может указывать на позднейшую перемотировку [Аствацатурян 2002: 140]. Ятаганы с такими рукоятями были довольно широко распространены в Османской империи, и на рассматриваемом образце остались следы службы в виде царапин и сколов на клинке, обломанного «уха», разошедшейся рукояти, утраченных частей больстера, хотя сохранилась заточка.

9. Ятаган (рис. 9а–и).

Османская империя, не позднее 1836–1837 гг.

Турки.

Инв. № 2724-4.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), серебро, рог; ковка, шлифовка, полировка, насечка, резьба, басма, чеканка.

Длина клинка 59,5 см, ширина клинка у пяты 3 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти 2,5 см.

Рис. 9а

Рис. 9б

Рис. 9в

Рис. 9г

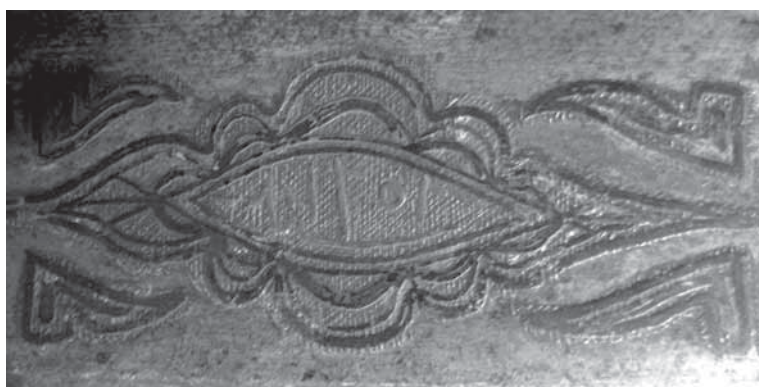

Рис. 9д

Рис. 9е

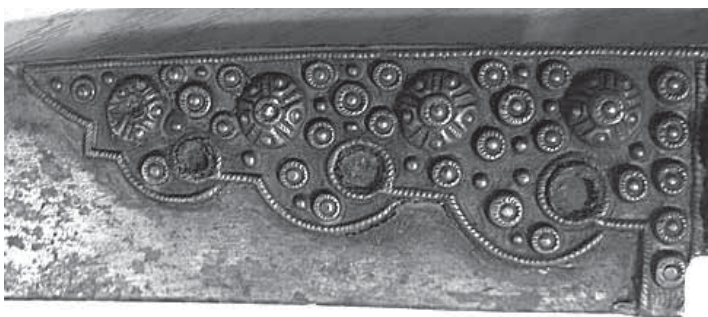

Рис. 9ж

Рис. 9з

Рис. 9и

Ятаган представляет собой прекрасный датированный 1252 г.х. (1836/1837 г.) образец боевого оружия (рис. 9а). Дата проставлена на клинке, отличающимся легким двойным изгибом, характерным для сохранившихся ятаганов такого рода начала XIX в., небольшим обухом с ребром (рис. 9б) и долом под ним. Клинок оформлен довольно изысканным растительно-геометрическим орнаментом, в котором использованы изображения цветов и шестилучевых звезд (рис. 9в, 9г). Орнамент исполнен в технике насечки (очень хорошо видна насеченная поверхность) латуни/золотом (?) и потемневшим от времени серебром. С левой стороны в этот орнамент вписана дата — ۱۲۵۲ سنه *sina* 1252 — «год 1836–1837» (рис. 9д), читающаяся в положении клинка обухом «к себе», а с правой в специально сделанный для это картуш (рис. 9е) — имена мастера-

оформителя, владельца и надпись на османском языке, призывающая выступить заступником во время Страшного Суда:

عمل مي (?) صاحب ابراهيم
يا محمد قيل شفاعت امتكدر

emel mi... (?) sāhip ibrāhim; Ya Muhammad qil şefaāt ümmetindir — «Сделал Ми... (?), владелец Ибрагим, О, Мухаммад, будь заступником твоего единоверца» (букв. «из твоей уммы»). У пяты клинок оформлен фигурными, выполненными чеканкой металлическими накладками (рис. 9ж), декорированными имитацией зерни. Этот же прием повторен на больстере, чуть продолжающемся на обухе (рис. 9з), и на металлической пластине, закрепляющей рукоять. Кроме того, больстер оформлен декоративными заклепками. Рукоять (рис. 9и) плотно пригнана к клинку, что позволяет говорить о наличии первоначальной оправы. «Уши», выполненные из прокрашенного рога, довольно большие, удобные для удерживания ятагана в руке, имеют большой ряд аналогий. Ятаганом пользовались, о чем ясно говорит потертость на левом «ухе», которая могла появиться вследствие, например, трения о пистолет, который носили за поясом слева. Сохранность в целом хорошая, несмотря на многочисленные царапины и коррозию на клинке.

10. Ятаган (а) с ножами (б) (рис. 10а–л).

Османская империя, середина — вторая половина XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-5 а, б.

Сталь, серебро/латунь (?), кость, дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, чеканка, филигрань, золочение (?), насечка, гравировка.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Длина клинка 61 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,6 см, длина рукояти 14,5 см, длина ножен 67,5 см, ширина ножен у устья 4,3 см.

Рис. 10а

Рис. 10б

Рис. 10в

Рис. 10д

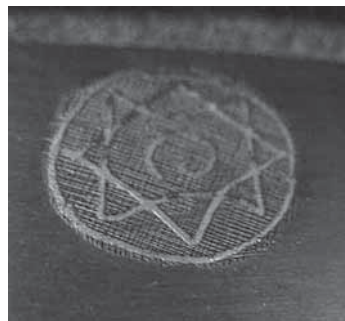

Рис. 10г

Рис. 10е

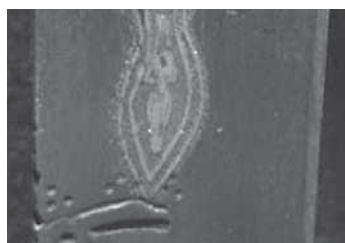

Рис. 10ж

Рис. 10з

Рис. 10и

Рис. 10к

Рис. 10л

Рассматриваемый ятаган (рис. 10а) — довольно часто встречающийся образец оружия, исполнявшего не только боевые, но и представительские функции. Прямой, выкованный из простой стали клинок с узким обухом на три четверти длины от острия снабжен двумя параллельными долами (рис. 10б): один широкий ближе к центру, второй узкий у обуха. На левой стороне клинка над долами в технике насечки серебром нанесен орнаментальный картуш (рис. 10в), детали которого напоминают орнаментику клинка ятагана № 2724-4 (кат. № 8), но выполнены грубее (полной аналогии этому клинку найти пока не удалось). В этот картуш в положении для чтения «лезвием к себе» очень небрежно по черком *насах* вписана османская надпись, содержащая имя мастера-оформителя и владельца: *عمل عثمان صاحب ابراهيم emel usman sahip ibrahim* — «Сделал Усман, владелец Ибрахим». Оформление в этой же технике продолжается на другой стороне клинка, на которой исполнен вписанный в круг восьмиугольник

(рис. 10г). Судя по расположению картуша, словно зажатого между долами и накладками, надпись сделана позже, уже в процессе службы ятагана. Сама же форма клинка позволяет приписать его исполнение мастерам Трапезунда и Эрзрума, т.е. оружейных центров в районах, близких к Кавказу, населенных в значительной степени армянами и грузинами [Миллер 1958: 175]. Качество оформления позволяет датировать клинок серединой — второй половиной XIX в. Оправлен клинок рукоятью из светлой кости с довольно простыми «ушами», но с дополненными цветными камнями и кораллами bolsterом и накладками (рис. 10д). Аналогии такой рукояти хорошо известны [Аствацатурян 2002: 139]. Судя по оформлению кораллами, оправу тоже можно отнести к тем же мастерским Трапезунда и Эрзрума, где такое оформление оружия было особенно популярно [Миллер 1958: 175]. Накладки из золоченого серебра/латуни (?) фестончатой формы, оформлены имитацией зерни (рис. 10е). Так же оформлена и обоймица, скрепляющая щечки рукояти у клинка. Все эти наблюдения позволяют говорить, что клинок и оправа были сделаны одновременно в одной мастерской. В процессе же дальнейшей службы накладки были сбиты у пяты, а сама пята деформирована и заглажена. Возможно, тогда же на обеих сторонах клинка появились выколотки в виде точек, собранных в группы по три или четыре, проставленные прямо по более ранней таушировке над завершением долов (рис. 10ж). Тогда же, видимо, были переделаны и ножны ятагана.

Ножны ятагана (рис. 10з) деревянные, обтянуты обычной кожей, сшитой первоначально на лицевой стороне медной проволокой (рис. 10и). Скреплены оформленными гравировкой стальными кольцом у устья (рис. 10к), оставляющим торец открытым, и довольно простым наконечником. Позже к оборотной стороне ножен весьма сложным узлом (рис. 10л) была прикреплена кожаная петля для вертикального подвеса ятагана по принципу сабли, а не традиционного ношения его за поясом. Сохранность хорошая.

11. Ятаган (рис. 11а–ж).

Османская империя, не позднее середины XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-6.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), рог; ковка, шлифовка, полировка, насечка; басма, чеканка.

Длина клинка 89 см, ширина клинка у пяты 3,1 см, ширина обуха 0,6 см, длина рукояти 14 см, ширина рукояти 3,2 см, ширина «ушей» 8,5 см.

Этот ятаган (рис. 11а) — еще один хороший пример холодного оружия Турции, оформленного очень искусным мастером. На откованном из простой стали

Рис. 11а

Рис. 11б

Рис. 11в

Рис. 11г

Рис. 11д

Рис. 11е

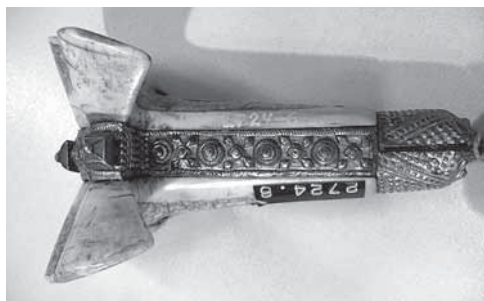

Рис. 11ж

хорошо отполированном клинке легкого двойного изгиба (рис. 11б), снабженном одним узким долом у обуха, с правой стороны почерком *nasx* каллиграфически выполнена арабская надпись: *عمل السيد محمد* 'amila as-said muhammad — «Работал ас-Сайид Мухаммад» (рис. 11в). Надпись, читающаяся в положении

«рукоятью к себе», заключена в деликатный растительно-геометрический орнамент, сделанный латуной/золотом (?) в технике насечки, причем аккуратные насечки предполагают достаточно надежное крепление декорирующего металла к стали (рис. 11г), о чем, очевидно, очень заботился мастер. Даты на клинке нет, но такая тщательная работа позволяет датировать оформление клинка, и, скорее всего, создание ятагана в целом серединой XIX в., а элементы орнамента, в которых усматриваются детали пальметты, наряду с характером оформления позволяют предполагать работу мастерских в западной части империи, близко к столице. Кроме того, насечка золотом (или металлом похожего цвета) и надписи тоже позволяют отнести оформление этого клинка также к работе мастерских Стамбула или европейской части Турции [Миллер 1958: 174]. С левой стороны клинок столь же искусно оформлен растительным орнаментом, в котором оставлены картуши для выполненной в той же технике и тем же, как того требует традиция, каллиграфическим почерком на основе почерка *nash* коранической цитаты (рис. 11д): «Истинно Мы помогли тебе победить верной победой, для того, чтобы Богу простить тебе прежние грехи твои...» (Коран: 48; 1–2)²⁰. Абсолютно точной аналогии клинку с таким оформлением пока найти не удалось. Деликатности и тщательности оформления клинка соответствуют накладки и рукоять, которые, как представляется, первоначальноны и сделаны одновременно в одном месте с клинком. Накладки выполнены басмой и чеканкой из латуны (?) и оформлены орнаментом в виде цветов и плоских заклепок, напоминающих закрепленные в каст жемчужины (рис. 11е). Накладки сделаны хоть и просто, но аккуратно. Рукоять тоже изысканна в простоте (рис. 11ж). Ее довольно большие, характерные для таких ятаганов «уши», изготовленные из хорошо отполированной кости, закреплены на хвостовике тремя гвоздями и соединены больстером и обоймицей. Больстер, продолжающийся на обухе, оформлен тем же не препятствующим хвату орнаментом, что и накладки, и на торце дополнен высокими заклепками — частым элементом оправы ятаганов. Рукоять фиксируется еще и пластиной с имитацией жемчужной обнести или зерни. Пластина немного разошлась, есть очаги ржавчины на клинке и скол на рукояти, но в целом сохранность ятагана весьма хорошая. Этот ятаган и по форме клинка, и по типу рукояти похож на ятаган № 2724-4 (кат. № 9).

12. Ятаган (рис. 12а–ж).

Османская империя, середина XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-7.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, бронза/латунь/золото (?), рог, цветной камень/стекло (?); ковка, шлифовка, полировка, насечка, басма, чеканка.

Длина клинка 50,5 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 13,5 см, ширина рукояти у клинка 2,7 см, ширина «ушей» 7,8 см.

Судя по размерам клинка (длина около 50 см) — это детский ятаган, выполненный на заказ (рис. 12а). Об этом говорят материалы и техники оформления

²⁰ Коранические тексты приведены в переводе И.Ю. Крачковского.

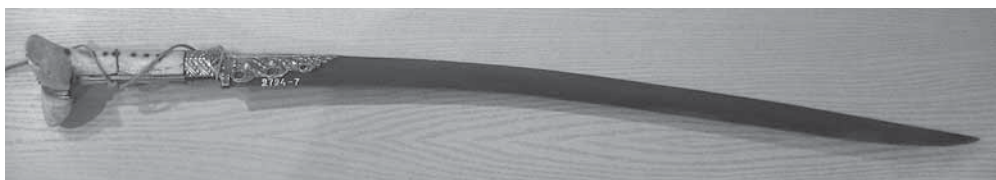

Рис. 12а

Рис. 12б

Рис. 12в

Рис. 12г

Рис. 12д

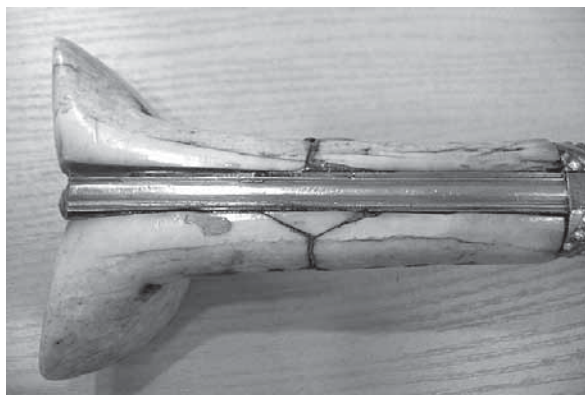

Рис. 12е

Рис. 12ж

оружия. Клинок двойного изгиба откован из редкого для ятаганов дамаска с довольно изысканным узором (рис. 12б) и помечен гравированным квадратным клеймом (рис. 12в), содержание которого пока не поддается однозначному прочтению и аналогий которому пока обнаружить не удалось, но можно предположить, что в нем заключено имя или знак мастера (что скорее всего) или обозначение качества стали. В последнем случае можно прочитать цифры «022». Аналогии этому клейму, как и ятагану в целом, пока неизвестны. Никакого другого оформления на клинке нет. Возле рукояти клинок дополнен аккуратно сделанными латунными (?) накладками (рис. 12г) с чеканным орнаментом из четырехлепестковых цветов и плоских заклепок, возможно, имитирующим драгоценные камни, которые встречаются на накладках ятаганов. В данном случае цветной камень/секло (?) тоже есть (рис. 12д), и он закреплен на затыльнике костяной, местами потрескавшейся рукояти (рис. 12е). Неширокие ее «уши», по форме похожие на № 2724-13а (кат. № 17) и № 2724-15 (кат. № 19), соединяются простым, никак не оформленным bolsterом, продолжающимся на помеченном насечками обухе (рис. 12ж). Столь же простой, но деликатно выполненный орнамент, имитирующий зернь, есть на обоймице у пяты клинка. Даты на клинке нет, но высокое качество работы как клинка, так и оправы, которые, как представляется, сделаны одновременно, позволяет датировать оружие не позднее, чем серединой XIX в., но не позволяет уточнить атрибуцию. Весь образ ятагана отражает одновременно и благосостояние, и тонкий вкус мастера. Сохранность ятагана хорошая, несмотря на сколы рукояти и царапины на клинке, покрытом защитным лаком.

13. Ятаган (рис. 13а–ж).

Османская империя, первая половина XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-8.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, латунь, рог дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, насечка, басма, чеканка, гравировка.

Длина клинка 59,5 см, ширина клинка у пяты 3,3 см, длина рукояти 15 см, ширина «ушей» 9 см.

Этот ятаган (рис. 13а) — еще один пример недатированного оружия, оформленного, как и многие другие, в ремесленной мастерской. Клинок двойного изгиба выкован из простой стали и снабжен расположенными у самого обуха двумя узкими долами (рис. 13б). С обеих сторон полоса дополнена растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в технике насечки серебром и латунью/золотом (?) (рис. 13в, 13г). Геометрические композиции включают

Рис. 13а

Рис. 13б

Рис. 13в

Рис. 13г

Рис. 13д

Рис. 13е

изображения сосудов и значительно стилизованный мотив арки, очень распространенный на оружии Турции в XVI–XIX вв. [Миллер 1958: 170]. В данном случае арка почти потеряла простейший вид и превратилась в систему картушей, что позволяет датировать, по крайней мере, оформление этого клинка не ранее первой половины XIX в. [Там же: 171]. Растительный орнамент содержит мотив трехлепестковых цветов, развившийся, очевидно, из очень распространенного на турецком холодном оружии XVI–XVIII в. мотива трех тюльпанов, который позже почти не встречается [Там же: 171–172]. Эти наблюдения также позволяют говорить о времени оформления, а возможно, и создания клинка —

Рис. 13ж

не ранее первой половины XIX в. Изображения, напоминающие детали пальметт, дают возможность локализовать клинок районами европейской части Турции. Надписи выполнены небрежным почерком на основе почерка *nash* латунию/золотом (?) на османском и прочитываются в положении клинка «лезвием к себе» (рис. 25д). Они пока не поддаются полной дешифровке, но содержат имя мастера и владельца: (?) *عمل عثمان صاحب ابراهيم (?)* *emel usman sahip ibrahim (?)* — «Сделал Усман, владелец Ибрахим (?)». У пяты клинок по традиции оформляют латунные (?) накладки (рис. 13е), сделанные в технике басмы и чеканки, с изображениями плоских заклепок в виде цветов и орнаментом в виде лепестков. Такая же орнаментика на больстере, соединяющем небольшие «уши» рукояти, сделанные из окрашенной в темно-коричневый цвет кости (рис. 13ж). На больстере есть и высокие заклепки, сегодня деформированные. В целом сохранность ятагана хорошая, несмотря на царапины на клинке.

14. Ятаган (а) с ножнами (б) (рис. 14а–м).

Османская империя, ятаган — не позднее 1869–1870 гг., ножны — конец XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-9 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, бронза/латунь, рог, дерево, кожа; ковка, шлифовка, насечка, басма, чеканка, литье.

Длина клинка 57 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 14 см, ширина рукояти у клинка 2,5 см, ширина «ушей» 9 см, длина ножен 64 см, ширина ножен у устья 5 см.

Владельцем этого ятагана (рис. 14а) с клинком двойного изгиба, откованного из обычной стали в 1286 г.х. — 1869/1870 г. (рис. 14б), был некто 'Аббас (вторая часть имени не прочитывается), о чем сообщает арабская надпись, читающаяся в положении клинка «лезвием к себе»: *صاحبه عباس بن؟ سنة ١٢٨٦* *sāhbuhu 'abbās bin? ...sina 1286* — «Владелец сего 'Аббас бен?.., 1869–1870 г.».

Рис. 14а

Рис. 14б

Рис. 14в

Рис. 14г

Рис. 14д

Рис. 14е

Рис. 14ж

Рис. 14з

Рис. 14и

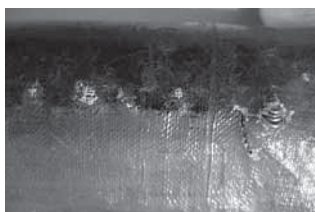

Рис. 14к

Рис. 14л

Рис. 14м

выполненная в технике насечки серебром на левой стороне клинка (рис. 26в). Текст, по традиции вписанный в прямоугольный картуш, выполнен очень небрежно почерком *nasx*, с пропусками букв, что приближает надпись к стилизованному растительно-геометрическому орнаменту, часть которого она и представляет (рис. 14г). Орнамент расположен вдоль дола, начинающегося полусферическим углублением, выбитым у обуха клинка. Отдельные элементы орнамента (те, что напоминают детали пальметт) и характер его исполнения схожи с орнаментом на клинке № 2724-8 (кат. № 13), что свидетельствует в пользу, по крайней мере, исполнения орнаментики клинка в западных частях Османской империи. На другой стороне клинок оформлен выполненной в той же технике геометрической композицией: в двойную окружность вписан восьмиугольник с вогнутыми сторонами (рис. 14д). На клинке множество царапин и есть очаги коррозии, что свидетельствует о не очень бережном обращении с оружием. Об этом же говорят и утраты на рукояти (потеряна одна из трех заклепок на больстере). Ее довольно большие «уши» (рис. 14е) сделаны из традиционного темного рога, закреплены на хвостовике тремя гвоздями. Щечки соединяются латунным (?) больстером с выполненным в технике басмы растительно-геометрическим орнаментом (рис. 14ж), который в целом очень распространен, а в частности напоминает орнамент на оправе ятагана № 2724-8 (кат. № 13). В той же технике (весьма невысокого качества) сделаны совершенно одинаковые накладки на клинок (правую, таким образом, пришлось закрепить оборотной стороной вверх — рис. 14з) и полоса, оформляющая снабженный ребром обух (рис. 14и). В целом вся работа по металлу выглядит довольно небрежной и свидетельствует о низком качестве и кузнечного, и особенно ювелирного дела. То же показывают и ножны.

Ножны ятагана (рис. 14а) отчетливо демонстрируют реставрацию, проведенную в другой по сравнению с местом создания ножен мастерской: сквозь кожу, обтягивающую традиционный деревянный каркас, отчетливо проступает проволока, закрепляющая прежнюю обтяжку с лицевой стороны (рис. 14к). Возможно, изменилась и манера ношения ятагана. Накладка наконечника ножен, закрывающая треть всей их длины, выполнена из металла, цвет которого отличается от цвета металла на рукояти, что тоже говорит о более позднем ее появлении. На ней в нескольких местах выбиты композиции из трех маленьких полусфер (рис. 14л), а завершается обкладка частым для ятаганов изображением фантастического зверя, в котором видят дельфина (рис. 14м) [Миллер 1958: 175]. Сохранность ятагана в целом хорошая, несмотря на потертость ножен, царапины на клинке, который сохранил заточку.

15. Ятаган (рис. 15а–ж).

Османская империя, не позднее 1871 г.

Турки.

Инв. № 2724-11.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), дерево; ковка, шлифовка, насечка, литье.

Длина клинка 67 см, ширина клинка у пяты 2,8 см, ширина обуха 1 см, длина рукояти 12,4 см.

Рис. 15а

Рис. 15б

Рис. 15в

Рис. 15г

Рис. 15д

Рис. 15е

Рис. 15ж

Ятаган (рис. 15а) откован в тот же год и в той же или расположенной поблизости мастерской, что и ятаган № 2724-3 (кат. № 8). Об этом говорит сам образ клинка с похожими ребрами (на этот раз симметричными) в виде стрел (рис. 15б). Мастером, выковавшим клинок этого ятагана, был все же другой человек — на клинке выбито фигурное клеймо (рис. 15г), при этом довольно грубое, в котором с трудом, но можно прочесть имя احمد *Ahmet* — «Ахмет». Широкий, с однократным изгибом и выраженным обухом клинок откован из простой светлой стали. Работа по его оформлению была выполнена в той же или расположенной поблизости мастерской, что и № 2724-3 (кат. № 8) в том же 1871 г. (рис. 15в), которое в данном случае еще более незамысловато. Столь же грубый геометрический орнамент, в котором стилизованные образы животных уже только угадываются (рис. 15д), здесь проще. Он не содержит никаких надписей, композиционно менее комплексный и выполнен в той же технике, но с использованием только латуни/золота (?). Накладки тоже имитированы металлом (рис. 27е). Для фиксации декорирующего металла здесь сделаны, правда, менее качественно, те же насечки-«заусенцы», которые, таким образом, служат признаком работы мастерской (или даже области) в период начала 70-х годов XIX в., где были оформлены оба ятагана. Место расположения этой мастерской на основании столь малого объема данных определить пока сложно, но, скорее, это районы, близкие к Кавказу. Оправа клинка тоже выполнена довольно грубо. Она состоит из деревянной рукояти с характерными для поздней традиции небольшими гладко обточенными «ушами», расположенными перпендикулярно клинку и закрепленными двумя гвоздями на хвостовике и стальной обоймицей у клинка (рис. 15ж). С тыльной стороны у bolstera щечки рукояти чуть срезаны в форме полукруга, видимо, для лучшего хвата ятагана, служившего, как любое холодное оружие, продолжением руки. Сохранность не очень хорошая — на клинке множество царапин, очагов коррозии, а на рукояти есть сколы.

16. Ятаган (рис. 16а–е).

Османская империя, клинок — не позднее 1789–1790 гг., рукоять — XIX в. Турки.

Инв. № 2724-12.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, кость; ковка, шлифовка, полировка, насечка, резьба.

Длина клинка 57,7 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 13,5 см.

Рассматриваемый ятаган (рис. 16а) — пример оружия, служившего долго. Клинок, откованный из простой стали с небольшим долом у обуха (рис. 16б), оформлен, судя по проставленной дате, в 1204 г.х., т.е. в 1789/1790 г. мастером Мустафой. Дата и имя мастера составляют часть орнаментальной схемы,

Рис. 16а

Рис. 16б

Рис. 16в

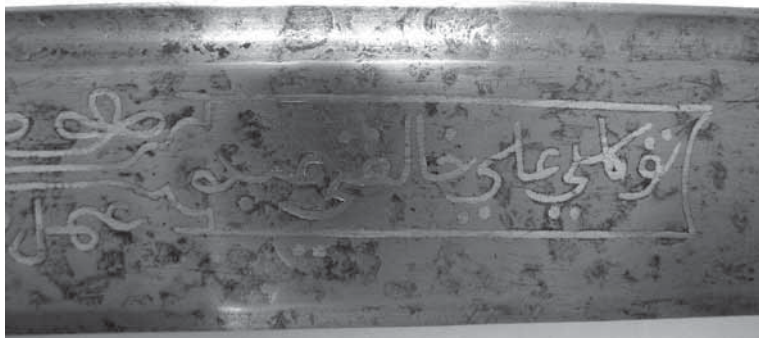

Рис. 16г

Рис. 16д

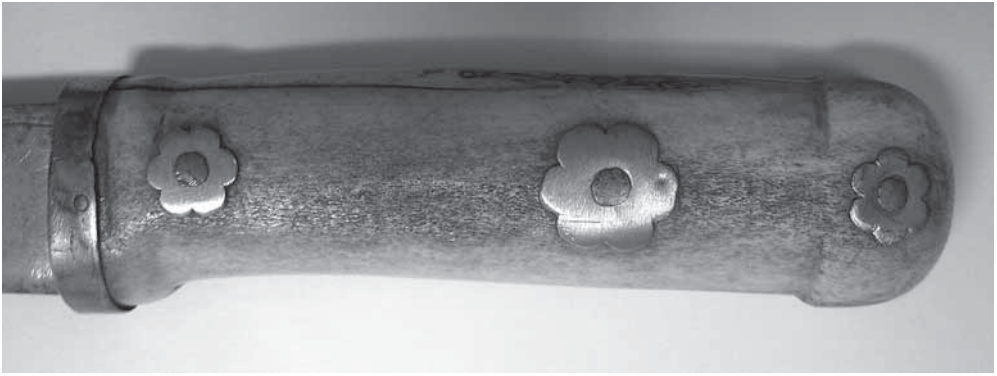

Рис. 16е

оформляющей обе стороны клинка (рис. 16б, 16в). Растительно-геометрический орнамент, содержащий картуши с надписями, выполнен в технике насечки серебром без какой-либо обработки фона. Надписи выполнены на левой стороне полосы почерком на основе *nasx* с применением приемов каллиграфии на арабском и османском. Арабская надпись (рис. 16г) следующего содержания: *توكلتني على خالفي عبد الحسن بي صاحبه* *tawakaltī 'ila khālifī 'abd (al)-hasan bei ṣāhibihi* — «Уповаем (надеемся) на халифа нашего Абд (ал)-Хасана бей, владельца сего». Далее вне картуша следуют османские надписи, содержащие имя мастера и год: *عمل مصطفى سنة ١٢٠٤* *emel mustafa, sina 1204* — «Работал Мустафа, 1789–1790 год» — и высказывание следующего содержания: *بجاق الده كرك دلده سجان* *bîçak elde gerek delde sübhan* — «Меч нужен в руке, в сердце — хвала [Всевышнему]» (рис. 16д). Имя владельца ятагана представляет собой тугру, которая рассматривается специалистами в качестве характерной особенности ятаганных клинков, выполненных на территории юга или запада Малой Азии [Миллер 1958: 175]. Орнамент довольно простой, что тоже уже отмечалось и объяснялось техническими трудностями, связанными с применением серебряной инкрустации [Миллер 1958: 175]. Позже ятаган был оправлен новой костяной рукоятью, напоминающей кинжальную, с шероховатой поверхностью (рис. 16е), способствующей удержанию оружия в руке. Гвозди оформлены декоративными заклепками. Сохранность ятагана хорошая, несмотря на царапины на клинке и загрязнения рукояти, оставшиеся от частого использования оружия.

17. Ятаган (а) с ножами (б) (рис. 17а–м).

Османская империя, ятаган — не позднее 1863–1864 гг., ножны — вторая половина — конец XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-13 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, латунь, серебро, рог, дерево, кожа; ковка, литье, резьба, насечка.

Длина клинка 56 см, ширина клинка у пяты 2,9 см, ширина обуха 0,7 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти у клинка 3 см, ширина «ушей» 8,8 см, длина ножен 8,5 см, ширина ножен у устья 3,5 см.

Рис. 17а

Рис. 17б

Рис. 17в

Рис. 17г

Рис. 17д

Рис. 17е

Рис. 17ж

Рис. 17з

Рис. 17и

Рис. 17к

Рис. 17л

Рис. 17м

Этот ятаган (рис. 17а) — пример одновременно довольно элегантного и не слишком дорогого оружия, сделанного не позднее 1280 г.х., т.е. 1863/1864 г. и оформленного мастером Йахйей, а владельцем его стал некий Мехмет — об этом говорят надписи на османском, выполненные в технике насечки серебром на почти прямом клинке из простой стали (рис. 17б): ۱۲۸۰ عمل يحيى صاحب محمد سنه emel yahya, sahip mehmet, sene 1280 — «Работал Йахйа, владелец Мехмет, 1863/1864 год». Арабская же надпись ما شاء الله mā šā'Allah — «то, что захочет Аллах» (рис. 17в) обеспечивала владельцу надежную защиту небес. Эти надписи, выполненные по грубо насеченному фону не очень аккуратным почерком на основе почерка *nasch*, вписаны в небольшие прямоугольные картуши, обрамляющие центральный прямоугольник с текстом тоже на османском языке, который не поддается пока точной дешифровке (рис. 17г). Тексты располагаются на левой стороне клинка, которая, таким образом, должна была быть лицевой. По традиции картуши с надписями составляют часть композиции на основе растительно-геометрического орнамента, который продолжается на другой стороне клинка (рис. 17д). Растительные композиции, напоминающие орнамент на клинках ятаганов № 2724-8 и 2724-9 (кат. № 13, 14), размещены вдоль одного из двух долов, начинающегося полусферическим углублением. Они позволяют отнести этот ятаган к работе мастеров западной части Османской империи. Довольно разложистый, снабженный

ребром обух клинка тоже оформлен геометрическими композициями (рис. 17е). Клинок ятагана откован, что примечательно, вместе с маленькими накладками. Оформление серебряным растительным орнаментом продолжается на состоящем из нескольких частей больстере (рис. 17ж). Щечки рукояти и расположенные почти перпендикулярно хвостовику небольшие «уши» также выполнены из нескольких частей темного рога, что встречается достаточно редко, не снабжены никакими дополнительными деталями оформления и удобны для хвата. Сохранность ятагана в целом хорошая, хотя на клинке имеются очаги коррозии и царапины.

Ножны ятагана представляют собой деревянный футляр (рис. 17з), оформленный по левой стороне резным орнаментом, читающимся по обтягивающей его черной коже (рис. 17и). Этот орнамент определяет лицевую сторону ножен, которая согласуется с левой же, лицевой, стороной клинка. Это примечательно, поскольку свидетельствует о том, что шов из латунной проволоки, соединяющий кожу, который традиционно оформлял лицевую сторону ножен (рис. 17к), в третьей четверти — конце XIX в. уже необязательно рассматривался как декоративный элемент, и подвес ятагана был сабельным, он крепился к поясу при помощи закрепленной на ножнах кожаной петли. Ножны у устья скреплены стальными, оформленными гравировкой кольцом (рис. 17л) и довольно простым наконечником в виде фантастического животного, в котором чаще всего видят дельфина (рис. 17м). Представляется, что ножны сделаны позже самого ятагана, но в той же области, что и ножны, например, ятагана № 2724-5 (кат. № 10). Кожа на ножнах разошлась, кольцо смещено.

18. Ятаган (а) с ножнами (б) (рис. 18а–з).

Османская империя, клинок — первая половина XIX в., оправа — конец XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-14 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, латунь (?), рог, дерево, льняная ткань; ковка, шлифовка, полировка, инкрустация, точение.

Длина клинка 61 см, ширина клинка у пяты 3,5 см, ширина обуха 0,7 см, длина рукояти 10 см, ширина рукояти у клинка 2,7 см, ширина «ушей» 4,5 см, длина ножен 67,8 см, ширина ножен у устья 5 см.

Этот ятаган (рис. 18а) — пример оружия, выполненного достаточно поздно. Широкий малоизогнутый клинок снабжен разложистым обухом (рис. 18б)

Рис. 18а.

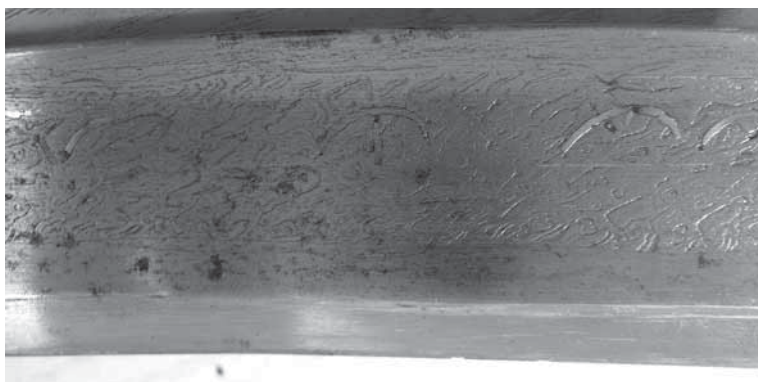

Рис. 18б

Рис. 18в

Рис. 18г

Рис. 18д

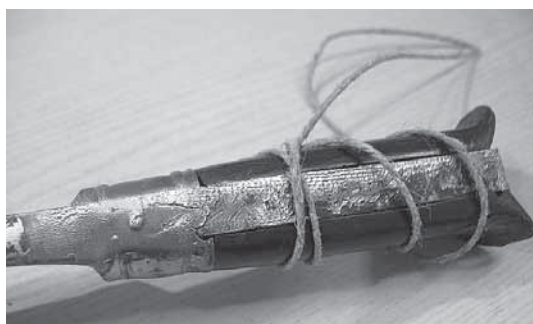

Рис. 18е

Рис. 18ж

Рис. 18з

и оформлен характерным для таких ятаганных клинков [Художественное оружие 2010: 106, № 209; Аствацатурян 2002: 147, 154] легкоузнаваемым орнаментом. Место создания таких ятаганов традиционно определяется исследователями на основе этих орнаментов как западная и южная (или центральная) Анатолия [Миллер 1958: 175; Аствацатурян 2002: 47], а тип назван малоазийским с выделяющимися в нем группами и подгруппами [Аствацатурян 2002: 47]. В данном случае клинок откован без долов и, что редко для ятаганов, но характерно для клинков этого типа, — из узорчатой стали. Вдоль обеих его сторон в технике инкрустации серебром нанесен орнамент: с левой стороны в виде мелких звездочек, завитков и розеток (рис. 18в), а справа — в виде очень стилизованной арабской надписи или ее имитации (рис. 18б). Ятаганы с оформленными таким образом клинками, составляющие отдельную подгруппу среди клинков этого типа, были откованы разными мастерами [Аствацатурян 2002: 147, 153, 154], которые работали, скорее всего, в одной области или даже мастерской. Ятаганы с таким клинком, как видно, нашли распространение в Египте XIX в. [Description de l’Egypte MDCCC XXIII: Pl. NN, No. 9]. В данном случае, несмотря на сколы на лезвии и небольшие царапины, клинок сохранился в целом хорошо (трещин вдоль слоев металла на стороне с проявленным узором нет, узор явственно виден на обеих сторонах, процент выппада инкрустации тоже сравнительно небольшой). Оформление этого клинка близко к оформлению клинка ятагана № 2724-15 (кат. № 19), промаркированного 1216 г.х., т.е. 1801 г., следовательно, рассматриваемый ятаган тоже можно датировать первой половиной XIX в. Рукоять (рис. 18г) очевидно более поздняя, и не очень хорошо сохранилась. «Уши» ее обломаны, но их форма легко восстанавливается по

аналогии с другими хорошо сохранившимися экземплярами таких ятаганов (примеры есть и в музеях, например в ГЭ и ГИМ [Художественное оружие 2010: 106, № 209; Аствацатурян 2002: 147, 154], и в частных собраниях) — это форма в виде буквы «Г», которая получила широкое распространение как раз не ранее второй половины XIX в. [Tigri 2003: 131]. Оправа выглядит грубо, что заставляет предполагать либо перемонтировку, либо ремонт. Следы этих возможных процессов заметны на обухе клинка, в месте его соединения с обоймицей (а это, как представляется, первоначально цельный блок) и на больстере (рис. 18д, 18е). Щечки рукояти из темного рога, лишённые какого-либо оформления, что обеспечило удобный хват — признак боевого оружия — тоже подвергались ремонту. Сейчас и клинок, и рукоять покрыты защитным лаком. Однако большей реставрации подверглись ножны.

Ножны (рис. 18ж) изначально не принадлежат этому ятагану, поскольку они довольно узкие и клинок плохо входит в них. Ножны обтянуты довольно узкими полосами черной льняной (?) ткани, по диагонали обернутыми вокруг состоящего из двух пластин деревянного каркаса. Наконечник и устье закрыты латунными/бронзовыми накладками (рис. 18з), сделанными на станке — они, очевидно, были выполнены уже тогда, когда вещь стала предметом коллекционирования. Несмотря на попытки ремонта, сохранность ножен плохая — ткань оборвана, каркас ножен разделен на две половины и удерживается только накладками.

19. Ятаган (рис. 19а–к).

Османская империя, не позднее 1801–1802 гг.

Турки.

Инв. № 2724-15 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, серебро, латунь (?), рог, дерево; ковка, шлифовка, полировка, инкрустация, басма, чеканка.

Длина клинка 60,5 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 1,1 см, длина рукояти 14 см, ширина рукояти у клинка 1,3 см, ширина «ушей» 9 см, длина ножен 67 см, ширина ножен у устья 4,8 см.

Рис. 19а

Рис. 19б

Рис. 19в

Рис. 19г

Рис. 19д

Рис. 19е

Рис. 19ж

Рис. 19з

Рис. 19и

Рис. 19к

Судя по оформлению, клинок этого ятагана (рис. 19а) — еще один пример работы малоазийских оружейных мастерских [Миллер 1958: 175; Аствацатурян 2002: 47]. Гладкий, без долов, но с разложистым обухом клинок Т-образного сечения с однократным изгибом выкован из простой стали и оформлен по обеим сторонам инкрустацией серебром. На одной стороне орнамент геометрический (рис. 19б), а на другой — каллиграфический, в котором возможно чтение высказывания *ما شا الله mā šā' llāh* — «то, что захочет Аллах» (рис. 19в). С этой же стороны мастером-ювелиром проставлена дата *سنه 1216 sina 1216 г.х.* — 1801/1802 г., определяющая верхнюю границу по крайней мере оформления клинка (рис. 19г). Дата вписана в каллиграфический орнамент, стилизованный в виде часто встречающихся на клинках арабских слов *صاحبه sāhibuhu* — «владелец сего...». Известны ятаганы этой группы с действительно читающейся похожей надписью, как, например, на ятаганном клинке № 2724-12 (кат. № 16) или ятаганах из коллекции ГИМ [Аствацатурян 2002: 47]. В данном же случае каллиграфия не точна и позволяет говорить о том, что надпись, очевидно, орнаментальна и выполнена мастером, либо не знавшим арабицы (что скорее всего), либо стилизовавшим арабское письмо под орнамент намеренно (что едва ли, поскольку такие случаи неизвестны). Клинок, сохранивший заточку и практически всю инкрустацию, обрамлен довольно искусно выполненной оправой из

серебряных накладок и bolstera, продолжающегося на обухе, а также «ушей» из темного рога (рис. 19д). Накладки и bolster сделаны из тонкого листа металла с выколотым и отчеканенным с лицевой стороны орнаментом в виде цветов и листьев, а также имитацией зерни (рис. 19е). Декоративные высокие заклепки на bolsterе (рис. 19ж) тоже оформлены растительным орнаментом и подчеркивают изысканность, но при этом скромность оправы и оттеняют простой абрис «ушей» рукояти, похожей на № 2724-13а (кат. № 17). Тем не менее общий образ рукояти показывает достаточно искусную работу ювелира середины — второй половины XIX в., что в сочетании с хорошей сохранностью клинка говорит о репрезентативных функциях этого ятагана, не сохранившего, правда, собственных ножен.

Ножны (рис. 19з) изначально не принадлежали этому ятагану, поскольку клинок в них входит с трудом, а оформление не вполне соотносится с оправой ятагана, и были подобраны позже. Выполненные из дерева ножны обтянуты обычной коричневого тона кожей, сшитой латунной проволокой на лицевой стороне традиционным швом, и оформлены литым наконечником из латуни (?) в виде фантастического животного или дельфина (рис. 19и). Ножны, как видно, подвергались ремонту и перетяжке, поскольку под кожей заметна довольно большая, очевидно позднего производства металлическая скоба, скрепляющая две их половины у наконечника (рис. 19к). Сохранность ножен плохая — деревянный каркас потрескался, кожа истерлась и порвалась.

20. Ятаган (рис. 20а–з).

Османская империя, не позднее 1844–1845 гг.

Турки.

Инв. № 2724-16.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, бронза/латунь (?), серебро, кость, кораллы, цветные камни; ковка, шлифовка, полировка, басма, чеканка, насечка.

Длина клинка 61,1 см, ширина клинка у пяты 3,5 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти у клинка 2,8 см, ширина «ушей» 9 см.

Рис. 20а

Рис. 20б

Рис. 20в

Рис. 20г

Рис. 20д

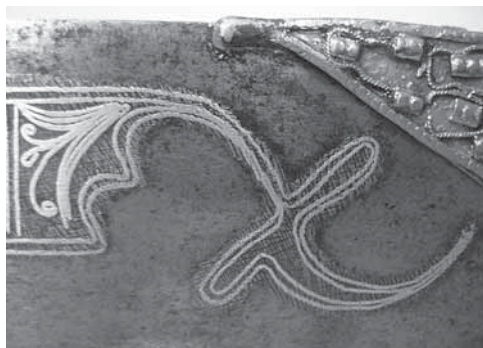

Рис. 20е

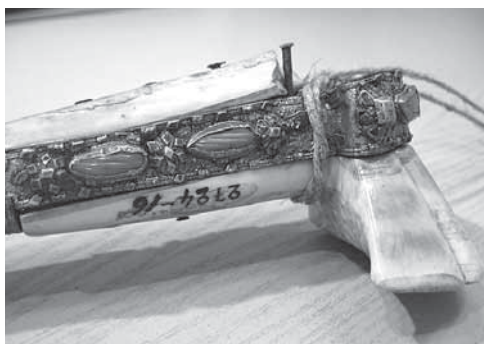

Рис. 20ж

Рис. 20з

Коллекцию больше представительского, чем боевого оружия Кунсткамеры представляет и этот ятаган (рис. 20а), оформленный мастером Усманом в 1261 г.х., т.е. в 1844/8145 г. Его владельцем стал Ахмет ибн Мехмет. Эта информация, оставленная на османском языке (рис. 20б и 20в): *عمل عثمان صاحب احمد ابن محمد سنة 1261 emel usmān sāhib ahmet ibn mehmet sene 1261* — «Работал Усман, владелец сего Ахмет ибн Мехмет, год 1261», — составляет часть каллиграфических надписей на основе почерка *наسخ*, которая читается в положении клинка «лезвием к себе» и включает еще одну фразу на османском *يا محمد قيل شفاعت امتكراحمدم* — *Ya Muhammed qil şefā'at ümmetindir* — «О Мухаммад, будь заступником твоего единоверца Ахмета» (букв. «из твоей уммы»). Надписи выполнены на левой, лицевой, стороне клинка в технике насечки серебром, для которой стальная основа была очень тщательно насечена. Надписи, по традиции включенные в завершающийся деликатным растительным орнаментом фигурный подпрямоугольный картуш, составляют один из элементов орнаментальной композиции, которая продолжается на правой стороне клинка вписанной в двойной круг шестилучевой звездой (рис. 20г), тоже сделанной в технике насечки серебром. Благодаря тщательной работе мастера выпадений практически нет. Продолжают орнаментуку оружия латунные/золоченого серебра (?) накладки с филигранным орнаментом в виде маленьких прямоугольников, розетки и красные цветные камни (рис. 20д) на каждой стороне (слева выпал). Столь же филигранно орнаментированы обух, обоймица рукояти и bolster (рис. 20е), включающий посаженные в довольно

глухие касты гравированные кораллы каплевидной формы. Камни и особенно кораллы позволяют отнести оправу ятагана к традициям мастерских Трапезунда и Эрзрума, тогда как уже знакомый характер орнамента на клинке (рис. 20ж) заставляет полагать, что мастер Усман, скорее всего, позже исполнивший оформление клинка, судя по несколько «зажато» расположению на клинке его имени, работал в районах, близких к столице Османской империи. И касты, и розетки на больстере (даже в торце выполненной из белой кости не слишком большой рукояти) довольно низкие, что позволяет достаточно удобно держать ятаган, сохраняя за ним боевые свойства, обеспеченные клинком. Клинок откован из простой стали (рис. 32з), довольно широк и слабо изогнут, снабжен двумя узкими долами у откованного с ребром обуха (рис. 20б), сделанными в том числе и для облегчения веса. Клинок довольно долгое время находится без ножен — на поверхности видны царапины и множественные очаги коррозии. Рукоять тоже пострадала — одно ее «ухо» обломано.

21. Ятаган (рис. 21а–д).

Османская империя, не позднее 40-х годов XIX в.

Турки.

Инв. № 2724-17.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, бронза/латунь (?), кость, кораллы, цветные камни; ковка, шлифовка, полировка, чеканка, филигрань.

Длина клинка 54 см, ширина клинка у пяты 2,8 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти у клинка 2,6 см, ширина «ушей» 6,5 см.

Это второй замечательный детский ятаган в собрании МАЭ (рис. 21а), и, несмотря на то что его клинок не подписан и не промаркирован, он вышел из той

Рис. 21а

Рис. 21б

Рис. 21в

Рис. 21г

Рис. 21д

же мастерской, что и взрослый ятаган № 2724-16 (кат. № 12): широкий и слабо-изогнутый клинок, тип рукояти — с довольно большими «ушами» из светлой кости (рис. 21б), оформление оправы филигранными деталями, кораллами и цветными камнями — все это соответствует ятагану № 2724-16 (кат. № 12). Можно, таким образом, датировать и этот ятаган временем не позднее 40-х годов XIX в. Есть и различия. Главное состоит в том, что клинок рассматриваемого ятагана откован из узорчатой стали (рис. 21в), хотя множественные царапины и очаги коррозии скрадывают проявленный узор. Клинок снабжен только одним узким долом вдоль обуха. Второе отличие — в оформлении оружия: незначительные вариации в филигранных деталях (обрамление накладок на клинок крученой проволокой (рис. 21г), а не ее имитацией), вместо кораллов bolster дополняют цветные камни (рис. 21д), скорее всего, сердолики²¹. Все это вместе делает рассматриваемый ятаган примером довольно дорогостоящего детского оружия, которое выглядит абсолютно законченным. Таким образом, оба ятагана либо составляли один заказ, либо какая-то мастерская поставляла такие довольно дорогостоящие ятаганы на рынок.

22. Ятаган (а) с ножнами (б) (рис. 22а–м).

Османская империя, первая половина XIX в.

Турки, албанцы (?)

Инв. № 3033-10 а, б.

Поступление: передача из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, латунь/золото (?), серебро, кость; ковка, шлифовка, полировка, насечка, филигрань.

Длина клинка 58,2 см, ширина клинка у пяты 3,2 см, ширина обуха 0,6 см, длина рукояти 16,1 см, ширина «ушей» 10,4 см, длина ножен 64,8 см, ширина ножен у устья 4,1 см.

Этот ятаган (рис. 22а) — один из самых ярких примеров представительского оружия в коллекции МАЭ. Клинок из простой стали (рис. 22б) с легким двойным изгибом показывает довольно сложную ковку долов: один, глубокий

²¹ Без специальной минералогической экспертизы подобного рода заключения не могут иметь вес, но предполагать пасты в оформлении рукояти ятагана с клинком из узорчатой стали едва ли возможно.

Рис. 22а

Рис. 22б

Рис. 22в

Рис. 22г

Рис. 22д

Рис. 22е

Рис. 22ж

Рис. 22з

Рис. 22и

Рис. 22к

Рис. 22л

Рис. 22м

и довольно широкий, расположен под обухом по всей длине клинка, а второй, тонкий, продолжается на три четверти длины прямо по боковой части обуха. Сам обух (рис. 22в) снабжен несколькими насечками, между группами которых размещен орнамент в виде стилизованных розеток-цветов, выполненный в технике насечки латунию/золотом (?) по аккуратной, но сильно насеченной поверхности основы. Этот орнамент продолжает и завершает орнаменту, выполненную в той же технике на сторонах клинка. На левой, лицевой (рис. 22г), расположен включенный в растительно-геометрический орнамент (в него входят такие же, как на обухе, пальметты-цветы, стилизованные изображения цветочного куста, с «растущими» из одной точки цветами и такого же стилизованного кипариса) прямоугольный картуш (рис. 22г), в верхнюю часть которого на османском языке в положении «лезвием к себе» вписаны имена мастера-оформителя и владельца: *صاحب يوسف اغا عمل الحاجي نوح emel al-hāci nukh sāhip yūsuf agā* — «Работал Хаджи Нух, владелец Йусуф Ага». В нижней части — высказывание следующего содержания, снова призывающее быть заступником в день Страшного Суда: *يا محمد قيل شفاعت امتكدر يوسف y ā muhammed qil şefā'at ümmetindir yūsuf* — *О Мухаммед, будь заступником твоего единоверца Юсуфа* (букв. «из твоей уммы»). Все надписи исполнены исключительно изысканным каллиграфическим почерком на основе *мухаккак*, говорящим о высокой квалификации мастера-ювелира. Аналогии такому почерку есть на клинке ятагана из собрания РЭМ, который по форме похож на клинок нашего ятагана [Холодное оружие 2006: 52]. Он датирован 1802 г., что дает возможность с некоторой долей осторожности определить время создания и рассматриваемого ятагана — по крайней мере первая половина XIX в. На правой стороне клинка (рис. 22д) — растительно-геометрический орнамент, включающий те же элементы, что и орнамент на лицевой стороне. Оправа клинка, состоящая из серебряных накладок на клинок (рис. 22е), обуха и оформляющего рукоять с большими «ушами» из светлой кости (рис. 22ж) больстера, включает другие растительно-геометриче-

ские мотивы, позволяя предполагать, что над ятаганом работали как минимум два ювелира. Накладки и особенно больстер с высокими, но не препятствующими хвату заклепками на торце рукояти (рис. 22з) в сложной технике чеканки и филигрании, детали которой имитируют жемчужины или драгоценные камни.

Ножны ятагана (рис. 22и) составляют комплект с оправой, поскольку их серебряные обкладки, полностью закрывающие традиционный деревянный каркас, выполнены в той же технике чеканки и филигрании, что и оправа клинка. Растительные мотивы напоминают орнаменты европейского барокко (рис. 22к), что подтверждает рубеж XVIII–XIX вв. в качестве времени создания ятагана. У устья ножны оформлены, как это часто бывает у ятаганов, поясами с «зернью», а в их центральной части вычеканен орнамент в виде чешуи. На конце ножны украшены композицией, напоминающей крест (рис. 22л), что в сочетании с характером растительного орнамента и большим количеством серебра, значительно увеличивающим вес оружия, может указывать на создание ятагана в западных частях Османской империи. А.А. Автономов считал, что это албанский ятаган начала XIX в. (Опись № 3033). На торце ножен есть фигурно исполненная петля (рис. 22м) либо для дополнительной фиксации ятагана за поясом при помощи шнура, либо для его подвеса к оружейной портупее.

23. Ятаган (рис. 23а–г).

Османская империя, ятаган — первая половина XIX в., ножны — вторая половина — конец XIX в. Турки.

Инв. № 3033-12.

Поступление: передача из Пушкинского дома (коллекция С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, серебро, дерево; ковка, шлифовка, полировка, таушировка.

Длина клинка 64 см, ширина клинка у пяты 3,5 см, длина рукояти 14 см, ширина «ушей» 5,8 см.

Этот ятаган (рис. 23а) сделан в той же области, если не в той же мастерской, что и ятаган № 2724-14 (кат. № 18), следовательно, место его создания следует определять как западные или южные территории Анатолии, а время — вторая половина XIX в. Как турецкий ятаган XIX в. определяет это оружие и А.А. Автономов (Опись № 3033). У ятаганов клинки похожи (но не идентичны) и по форме (в данном случае изгиб более выразительный, с расширением в верхней части и есть дол), и по размеру, и по металлу (рис. 23б) — узорчатая сталь, и по манере оформления. В данном случае тем не менее орнамент более простой (рис. 23в). Рукояти тоже, должно быть, сходны по форме (в данном случае «уши» сохранились полностью (рис. 23г). Следов ремонта или перемонтировок на ятагане нет. Сохранность в целом хорошая, покрыт лаком.

Рис. 23а

Рис. 23б

Рис. 23в

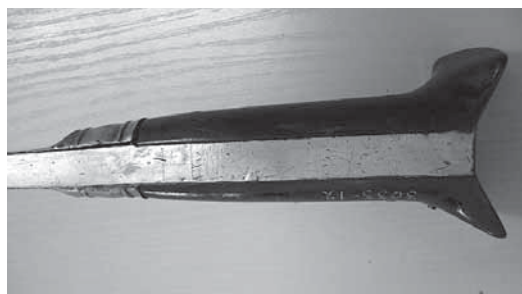

Рис. 23г

24. Ятаган (а) с ножнами (б) (рис. 24а–ж).

Османская империя, ятаган — конец XVIII — начало XIX в., ножны — XIX в. Турки (?)

Инв. № 5343-1 а, б.

Поступление: от Н.Н. Ермолаева, 1935 г.

Сталь, серебро, золото; ковка, шлифовка, полировка, гравировка, пайка, чернение, золочение.

Длина клинка 59 см, ширина клинка у пяты 3 см, ширина обуха 0,5 см, длина рукоятки 13,2 см, ширина «ушей» 4,3 см, длина ножен 64,1 см, ширина ножен у устья 4,2 см.

Ятаган (рис. 24а) составляет пару к ятагану № 2724-2 (кат. № 7). Они исключительно похожи и по клинку, и по оправе. В данном случае откованный из простой стали клинок (рис. 24б), правда, не орнаментирован, не подписан и не датирован, но его форма очень близка к форме клинка ятагана №2724-2 (кат. № 7), а также близки форма, орнаменты и техника исполнения их рукоятей.

Рис. 24а

Рис. 24б

Рис. 24в

Рис. 24г

Рис. 24д

Рис. 24е

Рис. 24ж

У рассматриваемого ятагана рукоять (рис. 24в) и накладки на клинок (рис. 24г) оформлены абсолютно таким же, как и у ятагана № 2724-2 (кат. № 7), растительно-геометрическим орнаментом, но надпись только одна — на обухе, тоже содержащая имена спящих отроков и их собаки *يمليخا*: (*Yemliha*, *Ямлиха*), *مكسالينا* (*Mekselina*, *Макшалиния*), *مئيلينا* (*Mislina*, *Маилиния*), *مرونوش* (*Mernuş*, *Марнуш*), *دبرنوش* (*Debernuş*, *Добернуш*), *شاذنوش* (*Şazenuş*, *Шадамуш*), *كفشطايوش* (*Kefeştatayuş*, *Кафаштатуш*), *قطمير* (*Kitmir*, *Кытмир*) (рис. 24д). Все это позволяет заключить, что оба ятагана сделаны по крайней мере в одной и той же области, но в данном случае можно уточнить, что скорее в одной мастерской и, соответственно, примерно в одно время. Рассматриваемый ятаган, кроме того, подтверждает высказанное предположение, что ятаганы с клинком такой формы и таким оформлением представляют одновременную работу мастера-клиночника и мастера-оформителя в восточных или северо-восточных районах империи, близких к Кавказу, на рубеже XVIII–XIX вв. Сохранность клинка не очень хорошая — есть обширная очаговая и поверхностная коррозия. У ятагана есть ножны.

Ножны деревянные, обтянуты кожей, сшитой традиционным турецким проволочным швом (рис. 24е). Благодаря припаянной к верхней накладке ножен петле (рис. 24ж) положение ятагана восстанавливается в варианте подвеса

к португее, либо закладывая его за пояс с фиксацией шнуром для большей надежности. Орнамент в виде цветов и листьев на серебряных накладках ножен выявляет отчетливые европейские традиции, но по стилю заметно отличается от оправы клинка, что позволяет говорить о том, что либо ножны целиком, либо накладки были сделаны позднее.

25. Ножны от ятагана (рис. 25а–г).

Османская империя, XIX в.

Турки.

Инв. № 2723-8.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Дерево, латунь (?); резьба, басма, чеканка.

Длина ножен 59,5 см, ширина у устья 5,5 см.

Ножны от ятагана (рис. 25а) сделаны из деревянного каркаса и обиты латунной (?) пластиной, скрепленной с оборотной, левой, стороны (рис. 25б). С лицевой стороны пластина оформлена геометрическими орнаментами у устья (рис. 25в), продолжающимися растительными композициями (рис. 25г), сде-

Рис. 25а

Рис. 25б

Рис. 25в

Рис. 25г

ланными в технике басмы и чеканки. На ножнах нет приспособлений для крепления, и, следовательно, они носились заложенными за пояс. Качество работы по металлу позволяет датировать их периодом не ранее второй половины XIX в. Сохранность не слишком хорошая — наконечник ножен утрачен, обнажен деревянный каркас.

III. Кинжалы

26. Кинжал (а) с ножнами (б) (рис. 26а–г).

Османская империя, конец XIX — начало XX в.

Турки (?).

Инв. № 2723-10 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1924 г.

Сталь, свинец (?), латунь, дерево, коленкор(?), пасты; ковка, шлифовка, литье, гравировка, инкрустация.

Длина клинка 14,3 см, ширина клинка у пяты 1,6 см, длина рукояти 11,5 см, ширина рукояти 2,1 см, ширина перекрестья 4,3 см, длина 19,4 см, ширина ножен у устья 3,2 см.

Форма рукояти этого небольшого кинжала (рис. 26а), завершающаяся характерной «каплей», позволяет отнести его к работе мастерских Османской Турции, тогда как небольшая крестовина (рис. 26б), свойственная европейскому оружию, свидетельствует в пользу западных частей государства. Собственно, весь образ этого кинжала, судя по размерам, детского или женского, с узким слегка изогнутым клинком, откованным из простой стали (рис. 26в), с очевидностью указывает на кустарную работу. Тем не менее неизвестный мастер стремился оформить и клинок с левой стороны геометрическим орнаментом, включающим изображения звезд, и рукоять с обеих сторон, украсив ее не толь-

Рис. 26а

Рис. 26б

Рис. 26в

Рис. 26г

ко геометрическими и растительными композициями, но и вставками в виде двух красных и одного зеленого круга в центре и двух маленьких зеленых кругов по концам крестовины. Рукоять была позже укреплена проволокой у крестовины.

Ножны (рис. 26г) представляют собой традиционный деревянный каркас, обложенный с левой, лицевой, стороны тонким, сегодня значительно порванным металлическим листом, оформленным геометрическими орнаментами, под который была положена подложка красного цвета, видная сквозь оставленные отверстия в металлическом листе. Таким образом, ножны соотнесены с оправой клинка, и вместе они составляют комплект. Ножны подверглись ремонту — их грубо стянули тремя латунными (?) полосами у устья, на конце и в середине. Сохранность очень плохая.

VI. Метательное оружие

27. Наконечник копья (рис. 27).

Османская империя, вторая половина XIX в. Курды Карсской области.
Инв. № 291-23.

Поступление: из коллекции П.И. Томича (покупка), 1895 г.

Сталь; литье, штамп.

Длина 42 см, ширина max 3,5 см.

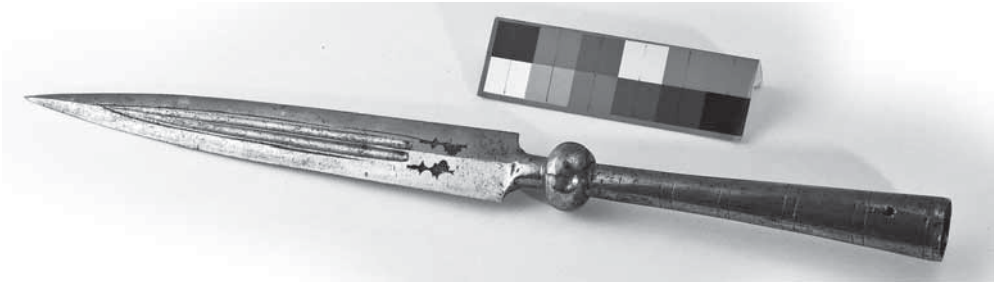

Рис. 27

Наконечник копья стальной, ромбического сечения. На плоскостях ближе к центру снабжен двумя долами, под которыми дважды выбито клеймо в виде геометрического орнамента. Муфта откована в виде шара. На древке наконечник закреплялся при помощи одного гвоздя. Трубка оформлена горизонтальными гравированными полосами.

28. Колчан с джеридами (рис. 28а–в).

Османская империя, начало XIX в. (?)

Турки.

Инв. № 3033-21 а, б, в, г.

Поступление: передача из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, серебро, дерево, бархат; ковка, шлифовка, полировка, литье, чеканка, окрашивание.

Длина колчана 91 см, ширина колчана 6,5 см, длина верхней накладки 18,5 см, длина нижней накладки 19,5 см, ширина обоймицы 5,2 см, длина джерида 99 см, длина древка 64 см, длина наконечника 21 см, длина трубки 14,5 см.

Рис. 28а

Рис. 28б

Рис. 28в

Колчан с тремя джеридами — самое яркое метательное оружие в коллекции Кунсткамеры (рис. 28а). Все три джерида снабжены традиционными четырехгранными наконечниками, продолжающимися оформленными спиралями трубками, насаженными на деревянные древки, которые, в свою очередь, завершаются на другом конце серебряными наконечниками. Наконечники оформлены тройками полусфер. Древка отполированы. Джерида вкладываются в деревянный, обтянутый малиновым бархатом футляр с серебряными устьем, наконечником и двумя обоймицами (рис. 28б, 28в). Все металлические детали колчана оформлены выполненным чеканкой растительным орнаментом и тонированы синим цветом. Наконечник завершается уступом-петлей. Две другие петли закреплены на обоймицах с одной стороны. Сохранность набора хорошая, но на бархате колчана есть потертости, свидетельствующие об его использовании. Аналогии, правда, не вполне точные, есть, например, в коллекции ГИМ [Аствацатурян 2002: 199–201].

V. Топоры

29. Топор-секира (без рукояти) (рис. 29а–в).

Османская империя, XIX в. (?)

Турки (?)

Инв. № 2723-14.

Поступление: передача из УТЧК, 1919 г.

Сталь, серебро; ковка, насечка.

Ширина клинка 15 см, ширина втулки 6 см.

Клинок небольшого топора (рис. 29а) выполнен из стали и декорирован орнаментом в виде спиральных завитков, исполненным в технике насечки

Рис. 29а

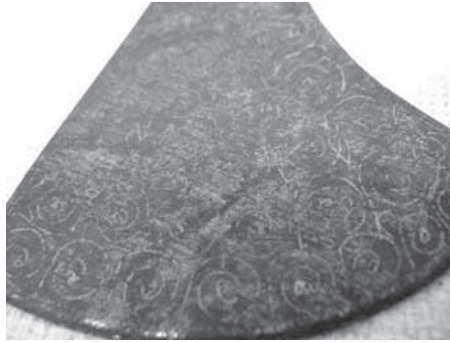

Рис. 29б

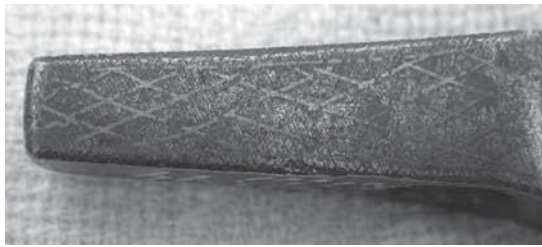

Рис. 29в

(рис. 29б). Обух вытянутой формы также декорирован выполненным серебряной таушировкой орнаментом в виде мелкой косой сетки (рис. 29в). Форма этого церемониального, судя по декору, топора напоминает форму топора из коллекции Музея декоративно-прикладного искусства в Париже, который А.С. Меликян-Ширвани атрибутировал как дервишеский и отнес к мастерским Турции последней трети XV в. [Melikian-Chirvani 1979ab: 115]. По технике исполнения и качеству декора этот топор можно датировать XIX в.

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Собрание холодного оружия, распространенного на территории Аравийского полуострова, в МАЭ очень невелико — всего 9 номеров и 14 ед. хр. Вещи происходят из коллекций 3033 (коллекция С.С. Абамелек-Лазарева, 1924 г.), 6878 (от М.А. Родионова, 1963 г.); 6927 (от М.А. Родионова, 1986, 1987 гг., собиратели М.Б. Пиотровский и П.А. Грязневич), 6986 (от М.А. Родионова и П.И. Погорельского, 1992 г.), 7018 (от Ф.И. Бахарова, 1988 г.) и 7074 (от М.А. Родионова, 1995 г.). В коллекциях два меча разных типов, один с ножнами (№ 3033-15, 6927-17 а, б), три кинжала (№ 6878-2 а, б, в, 7018-1 а, б, в, 7074-9 а, б), нож (№ 6927-32), два топора (№ 6986-10, 7074-13) и наконечник копья (№ 6986-20).

Первый поступивший в музей предмет коллекции — это оманский меч, появившийся в музее в 1924 г. в составе коллекции С.С. Абамелек-Лазарева, № 3033-15 (кат. № 30). Этот меч относится к типу *каттара* / упоминавшаяся *каддара* (перс. *qoddāra* — «широкий меч», «шашка», «сабля») и может быть датирован концом XIX в. Его выкованный из обычной стали клинок помечен знаками, аналогии которым найти не удалось, Впрочем, эта область оружейвед-

ческой науки изучена пока недостаточно, и до сих пор нет надежных публикаций, касающихся типов мечей, распространенных в Аравии [Elgood 1994: 15]. Известно тем не менее, что в Аравии *камтара* — это особый тип меча, который встречается не повсеместно. В 30-х годах XIX в. он был распространен на территории современных ОАЭ, которые тогда входили в состав Омана. *Камтару* использовали во время церемониальных военных танцев в племени Бени Абу-Али. Клинки мечей описывались как прямые, тонкие, с двойной заточкой и острые как бритва. Правильным маневром запястья их можно было заставить вибрировать [Ibid.: 15, 16]. Именно этот тип меча продолжает историю прямых мечей, которыми были вооружены арабы в домусульманский период и отряды пророка Мухаммада. Со временем на Аравийском полуострове был выработан еще один тип длинноклинкового оружия — так называемая *нимша*. Это сабля с небольшим, довольно узким клинком и особой формы рукоятью — две, а зачастую и три дужки ее крестовины резко загнуты вниз. С XVII в. в Аравии распространились сабли персидского образца, которые очень высоко ценились арабами, особенно в XIX в.

Нередко клинки арабских мечей были индийской работы. Именно их арабы предпочитали всем остальным. В Йемене и Хадрамауте для определения высококачественного меча использовался термин *muhannad* — *индийский*. Об этом упоминает еще арабский поэт X в. ал-Мутаннаби, чьи стихи пронизаны образами меча (есть даже отдельная касыда «О мече»), битвы, отважных арабских воинов. О присутствии индусов в Аравии говорят и источники более позднего времени, например, Карстен Нибур в 60-х годах XVIII в. [Аравия 1981: 104], а в начале XX в. в *Foreign Office Handbook on Arabia* (1919 г.) упоминаются мечи индийского производства [Elgood 1994: 14, 78]. У Хадрамаута были особенно тесные связи с Индией. Мужчины южноарабских племен служили наемниками в индийской армии, в Декане считаясь лучшей пехотой, и платили им больше, чем остальным [Ibid.: 83]. Арабские формы кинжалов были широко приняты в Индии, и арабские клинки или их индийские подражания оправлялись рукоятями индийской формы. Сами же арабы, столь высоко ценившие мечи индийского производства, кинжалы индийские никогда не использовали, поскольку кинжалы считались показателями племенной и социальной принадлежности.

Лучшие клинки для арабских мечей и сабель привозились из Хайдерабада и обозначались так же просто *хайдерабад* [Elgood 1994: 83, 86]. Клинок меча № 6927-17а (кат. № 31), привезенного членом Советско-Йеменской экспедиции М.А. Родионовым в 1980-х годах из Юго-Западного Хадрамаута, по словам бывшего владельца-дарителя, жителя деревни Либна Атыфа Ба Рушейди, тоже индийский, выполненный еще в XIX в. (Оп. колл. 6927). Однолезвийный клинок этого меча (с долом у обуха), который позволяет определить тип этого оружия как *сайф* (سيف — араб. *sayf* — «меч», «сабля»), оправлен рукоятью, напоминающей индийские формы, но оформленной по арабским традициям довольно скромно [Ibid.: 78]. Деревянные, обтянутые кожей ножны обернуты тканью тоже уже в соответствии с арабскими традициями. В Хадрамауте и Йемене мужчины вооружены до сих пор, но уже не мечами, а кинжалами.

Кинжалы разных форм и размеров стали самым популярным оружием арабов Аравийского полуострова. Причем на основании рассказов путешественни-

ков, фотографических изображений и данных свидетелей-арабов, становится понятно, что уже к концу XIX в. были распространены несколько разновидностей кинжалов, которыми пользовались разные племена и необязательно в той области, где кинжал был сделан. Отсюда следует, что один и тот же тип кинжала мог называться совершенно по-разному в разных районах Аравийского полуострова и у разных племенных групп [Elgood 1994: 70]. Различались только принципы оформления, которые и несли основную семантическую нагрузку. Например, в Эмиратах, Омане, Маскате и некоторых частях Хадрамаута, а также на территории Восточной Аравии используют термин *ханджар* (خنجر — араб. *khanjar* — «кинжал»), тогда как в Южной и Центральной Аравии кинжал обычно называют *джамбийя* (от араб. جنب *jamb* — «бок»). Есть районы (например, Салала), где используются оба термина [Ibid.: 70]. Кинжалы и сегодня остаются важной частью знаковой системы, принятой в арабской культуре, а не просто средством защиты или элементом, дополняющим мужской костюм. Стивен Грейси, автор вышедшей в свет в 2010 г. книги *Jambiya. Dagger from the Ancient Souqs of Yemen*, возводит появление в арабской культуре кинжала как часть костюма воина и аристократа к VI в. до н.э. [<http://babal-yemen.blogspot.ru/2011/06/stephen-gracie-2010-jambiya-daggers.html>].

Коллекцию короткоклинкового оружия МАЭ представляют три арабских кинжала и один нож. Все три кинжала — варианты традиционной южноаравийской *джамбийи*, у которой существует бесчисленное количество вариаций.

Наиболее яркий кинжал из собрания Кунсткамеры — *джамбийя* № 6878-2 (кат. № 3). Ее ножны сделаны из белой кожи и дополнены полосами коричневой кожи, т.н. *musayfal* [Heinze 2014: 45], служащие признаком *джамбийи* типа 'асиб ('aseeb) — наиболее распространенного типа этого кинжала на Аравийском полуострове. Такие ножны недороги, и их легко можно заменить, если они изотрутся. Но и они для тренированного глаза несут значительную информацию о владельце кинжала с точки зрения его принадлежности к племени или месту. Судя по градусу кривизны ножен [Ibid.], *джамбийя* № 6878-2 (кат. № 32) связана с племенной конфедерацией Хашид. К тому же типу относится *джамбийя* № 7074-9 (кат. № 35), правда, в данном случае ножны старше самого кинжала. Третья *джамбийя* № 7018-1 (кат. № 34), судя по небольшой кривизне ножен, представляет собой уже другой тип этого кинжала, распространенный в Сане. До революции 1960-х годов такой тип *джамбийи*, ножны которой завершаются маленьким шариком, обычно носили на правом боку представители религиозной элиты [Heinze 2014: 44; Elgood 1994: 88]. Однако в дальнейшем в Сане и других городских центрах ножны для *джамбийи* уже в большей степени стали выбирать не в соответствии с племенной, региональной или социальной принадлежностью, а согласно эстетическим предпочтениям [Heinze 2014: 44]. Качество пояса в совсем еще недавнем прошлом указывало на социальный статус владельца кинжала, а сегодня определяет уровень его благосостояния. Традиционно пояс йеменской *джамбийи* широкий [Elgood 1994: 88], что и демонстрируют два кинжала из собрания МАЭ (№ 6878-2 — кат. № 32, № 7018-1 — кат. № 34). Пояс должен быть гибким и легким, и этими качествами обладает пояс *джамбийи* № 6878-2 (кат. № 32). Его верхняя часть вышита разноцветными нитями, в числе которых красные и металлизированные. В сочетании

с характерным орнаментом нити этих цветов позволяют говорить о продолжении традиции поясов ал-Кибси, носящих название деревни и племени, члены которого жили и продолжают жить в Санае в течение нескольких поколений [Heinze 2014: 46]. Пояс *джамбийи* № 7018-1 сшит на швейной машине и представляет собой более массовый и, следовательно, менее дорогой вариант.

Самая важная часть арабского кинжала, особенно сегодня — это его рукоять (راس *-ra's* — араб. «голова») и в первую очередь материал, из которого она сделана. Во все времена особенно ценился рог носорога, который исторически сопоставлялся с рогом единорога и ему придавали свойство служить противоядием [Elgood 1994: 91]. Сегодня рог носорога используется только для дорогих, престижных, кинжалов [Heinze 2014: 48], чаще его заменяют другими материалами. Рукояти *джамбий* № 6878-2 (кат. № 32), 7018-1 (кат. № 34) выполнены, как представляется, из рога водяного буйвола (лат. *Bubalus bubalis*) — одной из самых распространенных замен рога носорога. Правда, *джамбийя* № 6878-2 (кат. № 32) появилась в музее в 1963 г., тогда как Р. Элгуд постулирует, что рог водяного или азиатского буйвола стали экспортировать из Хайдерабада только в 1970-х годах [Elgood 1994: 91]. Сегодня из этого материала делается около восьмидесяти процентов всех рукоятей кинжалов *джамбийя*. Этот материал ценится за свою долговечность, простоту в работе, дешевизну, а также за способность стареть так, как это делает рог носорога. По словам торговцев старого города в Санае, большая часть рога водяного буйвола сегодня импортируется из Хайдерабада через Мумбай. Рог поступает в Сану в разных цветах, предварительно обработанным для этого красителями и реактивами (подробнее см.: [Heinze 2014: 48]). Наиболее ценным считается белый рог, из которого, как представляется, изначально были сделаны рукояти кинжалов *джамбийя* № 6878-2 (кат. № 32) и 7018-1 (кат. № 34), поскольку выделять его может, как говорят, только одна семья Узари, что только добавляет престижа и, как следствие, стоимости. Рукоять, сделанная из выбеленного перекисью водорода рога водяного буйвола, приобретает такой оттенок коричневого, как у рукоятей этих *джамбийи*, через пару лет использования. Рог водяного буйвола сегодня очень распространен в высокогорьях центральных областей Йемена [Ibid.]. Рукоять *джамбийи* № 6878-2 (кат. № 32) дополнена заклепками, дополнительно фиксирующими клинок в рукояти. На лицевой стороне рукояти обе заклепки подражают, как представляется, венецианским дукатам. У *джамбийи* № 7018-1 (кат. № 34) верхняя заклепка — это подражание европейской монете или жетону, а нижняя — турецкой монете. Поскольку заклепки пробиты гвоздями и их форма искажена, то невозможно прочесть ни текст, написанный латиницей, ни определить тугру султана. Тем не менее можно предположить, что заклепка с арабской графикой относится к 70-м годам XIX в., когда Османская империя, теряя позиции в Северной Африке, обратила пристальное внимание на Аравийский полуостров, начав с оккупации Хасы в 1871 г. и нового завоевания Йемена в 1874 г. [Elgood 1994: 25]. Во главе турецкого государства тогда был Абд ал-'Азиз, и, следовательно, его тугру можно предполагать на заклепке *джамбийи* № 7018-1 (кат. № 34). Настоящие монеты и их реплики часто использовались для оформления рукоятей холодного оружия в Аравии. По древнеарабским представлениям, блестящие предметы, в том числе зеркало и монеты, противо-

стояли злomu умыслу. Особенно это распространено в Хадрамауте и других районах Йемена, где древние представления до сих пор оказывают большое влияние на людей [Ibid.: 15, 84, 86, 94], что и подтверждают кинжалы из коллекций Кунсткамеры.

Согласно широко распространенной традиции и принятому повсеместно правилу, хорошей рукоятки должен соответствовать хороший клинок, а если быть совсем точным, то наоборот. В старые времена этот закон соблюдался, и клинки в Аравии делали из стали либо местного производства, использовавшийся чаще для мечей, либо привозной в слитках или готовых полосах. Еще в конце XIX в. йеменцы очень внимательно относились к качеству клинка, выбирая сначала его, а потом уже рукоять и орнамент на ножнах. Традиционно клинок йеменской *джамбийи*, который шире, чем у остальных, ковали из мягкой стали в нескольких центрах Аравийского полуострова, держали очень острым, особенно по внутреннему краю, чего требует работа «обратным хватом». Правда, из-за качества стали клинок не держал заточку, особенно при контакте с твердым предметом [Elgood 1994: 89]. Сегодня это правило не соблюдается. Более того, как бы парадоксально это ни звучало в отношении клинкового оружия, клинок арабской *джамбийи* с течением времени стал наименее важной, с точки зрения статуса, его частью, поскольку сталь стала непопулярна — она быстро тускнеет и требует постоянной полировки, да и кинжал с течением времени превратился в почти исключительно статусный символ. Чаще всего клинки теперь делаются машинным способом (именно таковы клинки всех трех кинжалов *джамбийа* в собрании МАЭ), и они дешевы. Сегодня их часто импортируют из Японии [Ibid.]. Дорогие *джамбийи* чаще всего носятся во время особенно важных церемоний, тогда как в повседневной жизни из-за частого воровства арабы пользуются более дешевыми вариантами традиционного кинжала [Heinze 2014: 48].

Нередко вместе с кинжалом арабы носят небольшой хозяйственный нож или его миниатюрную копию. Пример такого маленького ножа очень плохой сохранности № 6927-32 (кат. № 33) есть в собрании Кунсткамеры. Клинок этого ножа довольно причудливой формы имеет одностороннюю заточку по вогнутой стороне, используется в оборонительных и хозяйственных целях. Маленький нож обычно носится на плечевой портупее или позади кинжала, чаще так, чтобы его не было видно [Elgood 1994: 78].

Ударное оружие в коллекции МАЭ представлено топорами № 6986-10 (кат. № 36) и 7074-13 (кат. № 37). Топор № 6986-10 (кат. № 36), согласно данным собирателей М.А. Родионова и П.И. Погорельского, был откован вручную мастерами племени Ба Ктийан, жившими в деревне Рауда Ба Ктийан плоскогорья Раййдат ад-Дайин марказад-Дам в Хадрамауте (Оп. колл. 6986). Топор, обычно называемый *фа'с*, довольно тонкий и маленький, однако, описывая топоры одного из аравийских племен полуострова Мусандам, Р. Элгуд отмечает, что, несмотря на небольшой размер, эти топоры использовались не только как сельскохозяйственное орудие, но и как оружие [Elgood 1994: 34]. Р. Элгуд еще замечает, что такие топоры можно обнаружить и в Сирии [Ibid.: 35]. Топор № 7074-13 (кат. № 37), привезенный М.А. Родионовым в 1995 г. из Хадрамаута, тоже небольшого размера и благодаря вытянутой форме, асимметричному

клинку, расположенному, что важно, под углом по отношению к проуху, а также прямоугольному обуху напоминает тип топора, распространенный в городе Хаббан Султаната Вахида в Западном Хадрамауте. Происхождение топоров из этого центра еще требует исследования, однако высказывается мнение (Р. Саргент/Serjeant), что он восходит к мамлюкским топорам XV–XVI вв. [Ibid.: 35].

Метательное оружие представлено наконечником копья *рамах* № 6986-20 (кат. № 38). Оформление орнаментом позволяет говорить о его ритуально-боевом назначении или высоком социальном статусе владельца. По сведениям собирателей, принадлежал Мансуру Ахмаду Ба Тайсу из деревни Сидда (Хадрамаут). Прежний владелец утверждал, что вещь индийской работы, находилась в роде около четырех столетий (Оп. колл. 6986), однако датировать его можно с некоторой долей осторожности временем не ранее начала XIX в. В XIX столетии копья были самым распространенным оружием у арабов, и еще в XX в. они использовались такими отдаленно живущими племенами, как племя *шикух* на полуострове Мусандам [Elgood 1994: 35, 66]. Копье принадлежит к самым старинным видам оружия арабов. Древки копий, обычно довольно длинные, делались из бамбука, пальмовых веток, привезенного из Индии тростника и украшались страусиными перьями. Перья разных цветов появлялись в качестве знаков как воинской доблести, так и малодушия, особенно на копьях молодых воинов. Зачастую формы наконечников копий подвергались значительному влиянию персидской традиции или даже копировали иранские образцы [Elgood 1994: 35, 66, 69].

В целом коллекция МАЭ показывает многие основные типы холодного оружия, использовавшиеся на территории Аравийского полуострова.

Каталог холодного оружия Аравийского полуострова

I. Мечи

30. Меч *каттара* (рис. 30а–в).

Аравийский полуостров, середина — вторая половина XIX в.

Инв. № 3033-15.

Арабы Омана.

Поступление: из Пушкинского дома (собрание С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, дерево, кожа; ковка, шлифовка, гравировка, литье, шитье.

Длина клинка 73,8 см, ширина клинка у пяты 3,7 см, длина рукояти 17 см, длина навершия 4 см.

Это пример меча (рис. 30а), который обычно относят к мастерским Омана [Tirri 2003: 101]. Атрибуция его А.А. Автономовым как меча туарегов XIX в. (Оп. колл. 3033) едва ли справедлива. Довольно широкий, выкованный из про-

Рис. 30а

Рис. 30б

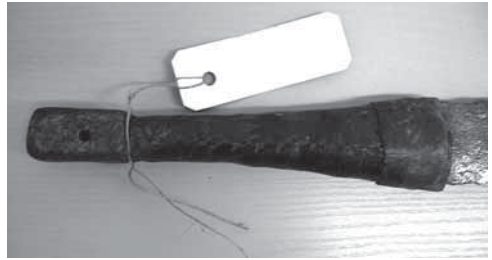

Рис. 30в

стой стали клинок с мягким неглубоким долом помечен знаком в виде двух S-образных линий. Возможно, это клеймо, аналогии которому найти пока не удалось (рис. 30б). Рукоять деревянная, обмотана коричневой кожей, сшитой довольно аккуратно (рис. 30в). Затыльник стальной, с отверстием для темляка. Сохранность в целом хорошая, несмотря на небольшие очаги коррозии на клинке.

31. Меч *сайф* (а) с ножами (б) (рис. 31а–в).

Клинок — Индия, XIX в., оправка — Аравия, XX в.

Инв. № 6927-17 а, б.

Арабы Йемена, населяющие Хадрамаут.

Поступление: от М.А. Родионова, 1986–1987 гг.

Сталь, дерево, кожа, ткань; ковка, шлифовка, полировка, литье, ткачество, шитье.

Длина клинка 76,1 см, ширина клинка у пяты 3,2 см, длина рукояти 19 см, длина ножен 75 см, ширина ножен у устья 5,5 см.

Рис. 31а

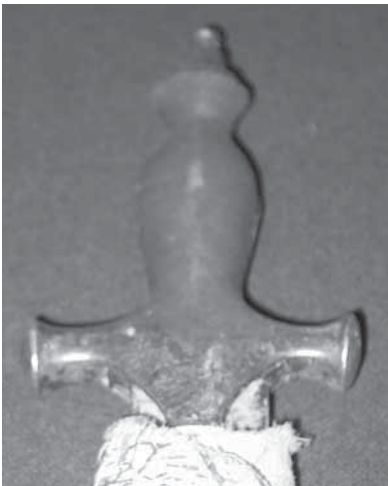

Рис. 31б

Рис. 31в

Этот меч/палаш (рис. 31а) — пример контактов Аравии и Индии. Согласно данным первичной регистрации (Оп. колл. 6927), клинок этого меча был откован в Индии XIX в., что согласуется с его односторонней заточкой, встречающейся на индийском прямом клинковом оружии. Однолезвийный характер заточки позволяет отнести это оружие к типу *сайф* (араб. «меч, сабля»). Оправлен клинок рукоятью, сделанной в подражание индийским традициям из стали, выкрашенной в данном случае в коричневый цвет (рис. 31б). Форма тоже в некоторой степени воспроизводит индийский тип, но при этом небухвально, что позволяет говорить об аравийской работе.

Ножны меча, сделанные из дерева и обтянутые кожей, тоже по аравийской традиции закрыты тканью оранжевого цвета (рис. 31в), сшитой на наконечнике и у устья. Сохранность удовлетворительная.

II. Кинжалы

32. Кинжал *джамбийа* (а) с ножнами (б) и поясом (в) (рис. 32а–е).

Аравийский полуостров, середина XX в.

Инв. № 6878-2 а, б, в.

Арабы Йемена.

Поступление: от М.А. Родионова, 1963 г.

Сталь, рог водяного буйвола (?), кожа, ткань; литье, чеканка, шитье.

Длина клинка 23,5 см, ширина у пяты 7,7 см, ширина затыльника 7,7 см, длина рукояти 11 см, длина ножен по прямой 24 см.

Рис. 32а

Рис. 32б

Рис. 32в

Рис. 32г

Рис. 32д

Рис. 32е

Этот кинжал (рис. 32а) — пример традиционного йеменского кинжала *джамбийа*. Его широкий клинок машинной выделки, сделанный из стали *та'из*, снабжен по всей длине высоким центральным ребром, что традиционно для арабских кинжалов, и лишен заточки (рис. 32б). Он соединяется с рукоятью также традиционным всадным способом и дополнительно фиксируется связующим составом [Ильясов 2010: 48]. Рукоять I-образной формы сделана из рога водяного или азиатского буйвола (?) (лат. *Bubalus bubalis*), приобретшего в ходе службы коричневый цвет (рис. 32в). В месте упора с обеих сторон ее опоясывает металлическая (латунная?) оковка, оформленная чеканными геометрическими орнаментами. Лицевая сторона (рис. 32г) сплошь покрыта множеством мелких металлических заклепок, а также сделанными из латуни двумя большими круглыми заклепками-гвоздями, напоминающими монеты с односторонней чеканкой (рис. 32д). В центре этих больших заклепок — грубое изображение человеческой фигуры в окружении звезд и точек, а по окружности нечитаемые надписи греческим письмом.

Ножны (рис. 32а) обладают значительным загибом, способствующим лучшей их фиксации в положении за поясом, что особенно необходимо при извлечении кинжала обратным хватом. В данном случае загиб очень выразительный, указывает на «9 часов», и, таким образом, позволяет определить тип этого кинжала как *'асиб*. Ножны сделаны из светлой кожи, с лицевой стороны они дополнены тонкими полосами коричневой кожи, пришитыми к основе. Ножны закреплены при помощи ремня на поясе.

Пояс (араб. *hizam*) (рис. 32а), как это традиционно бывает, состоит из двух частей: основы из ткани в несколько слоев, в данном случае белой, и пришитыми к ней полосами синего бархата у пряжки и вышитой накладкой (рис. 32е). Пояс широкий и довольно гибкий, по размеру вполне соответствует ножнам кинжала. Пояс расшит синими, красными, черными, зелеными и металлизированными нитями. Орнамент вышивки, состоящий из двух коям по краям и центрального поля, заполненного симметричными по горизонтальной оси орнаментами в виде цветов-пальметт с одним длинным «лепестком», в сочетании с красным и золотым цветами позволяет говорить о продолжении традиций пояса ал-Кибси. Сохранность кинжала, пояса и ножен хорошая.

33. Нож.

Аравийский полуостров, XX в.

Инв. № 6927-32.

Арабы Йемена, населяющие Хадрамаут.

Поступление: от М.А. Родионова, 1986–1987 гг.

Сталь; ковка.

Рис. 33

Очень плохо сохранившийся клинок ножа выполнен из стали, очевидно, местного производства. Тем не менее, несмотря на значительную коррозию, в форме клинка угадывается хозяйственный нож.

34. Кинжал *джамбийя* (а) с ножнами (б) и поясом (в) (рис. 34а–и).

Аравийский полуостров, середина — вторая половина XX в.

Инв. № 7018-1 а, б, в.

Арабы Йемена.

Поступление: от Ф.И. Бахарова, 1988 г.

Сталь, рог водяного буйвола (?), кожа, ткань; литье (?), чеканка, шитье.

Длина клинка 23,5 см, ширина у пяты 7,7 см, ширина затыльника 7,7 см, длина рукояти 11 см, длина ножен по прямой 24 см.

Этот кинжал (рис. 34а) представляет собой еще один пример *джамбийи*. Клинок широкий, с центральным ребром машинной выделки из стали *та'из*

Рис. 34а

Рис. 34б

Рис. 34в

Рис. 34г

Рис. 34д

Рис. 34е

Рис. 34ж

Рис. 34з

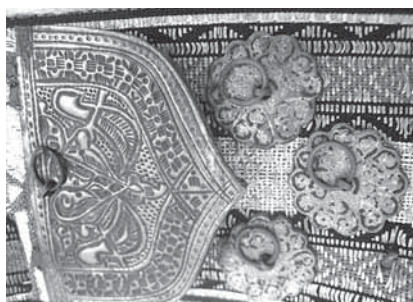

Рис. 34и

(рис. 34б) лишен заточки и соединяется с рукоятью всадным способом с дополнительной фиксацией связующим составом [Ильясов 2010: 48]. Качество клинка указывает на работу не ранее середины XX в. Рукоять I-образной формы сделана из рога водяного буйвола (?) (рис. 34в). В процессе службы она приобрела коричневый цвет. Как и рукоять *джамбийи* № 6878-2 (кат. № 32), в месте упора ее опоясывает металлическая (латунная?) оковка, оформленная геометрическими орнаментами в виде плетенки. Лицевая сторона покрыта множеством мелких металлических заклепок, а также двумя большими круглыми, сделанными из латуни. Верхняя оформлена вычеканенными арабскими цифрами и заглавными буквами латинского алфавита (рис. 34г), текст тем не менее прочесть не удастся, как не удастся прочесть и арабографичный текст на нижней заклепке (рис. 34д). В данном случае она пробита в центре гвоздем, фиксирующем ее и клинок на рукояти, что также затрудняет опознание тугры османского султана (халиф Абд ал-'Азиз?). Представляется, что обе заклепки — подражание монетам английского и турецкого чекана соответственно.

Ножны *джамбийи* (рис. 34е) слабо изогнуты и завершаются маленьким шариком. У устья они оформлены материей бело-голубого цвета с тканым орнаментом, а наконечник — накладкой из латуни/бронзы (?), также дополненной орнаментальными растительными композициями, в которые вписаны изображения двух перекрещенных сабель (рис. 34ж). Ножны с оборотной стороны затянуты плотной тканью белого цвета и при помощи ленты из того же материала, нашитой на оборотную часть пояса (рис. 34з), плотно зафиксированы на нем.

Пояс (*hizam*) шит на швейной машине из зеленого сукна с внутренней стороны и узорчатой ткани с металлизированными нитями на лицевой (рис. 34е). Он дополнен заклепками с кольцами и пряжкой (рис. 34и), оформленной такими же орнаментами с участием перекрещенных сабель, что и орнамент на ножнах, с которыми, таким образом, составляет комплект.

Сохранность кинжала, ножен и пояса хорошая.

35. Кинжал *джамбийа* (а) с ножнами (б) (рис. 35а–г).

Аравийский полуостров, вторая половина XX в.

Инв. № 7074-9 а, б.

Арабы Йемена, г. Сана.

Поступление: от М.А. Родионова, 1995 г.

Сталь, кость/дерево (?), медь, кожа; литье, штамп, шитье.

Длина клинка 19,9 см, ширина клинка 6,2 см, длина рукояти 10,7 см, ширина затыльника 6 см, длина ножен 22,5 см, ширина ножен у устья 7 см.

Этот кинжал (рис. 35а) — третий пример йеменского кинжала *джамбийа* в собрании МАЭ. Его традиционно широкий клинок с центральным ребром (рис. 35б) тоже сделан из стали *та'из* промышленным способом без заточки во второй половине XX в. Рукоять I-образной формы, которой оправлен клинок всадным способом [Ильясов 2010: 48], сделана из светлого цвета кости/дере-

Рис. 35а

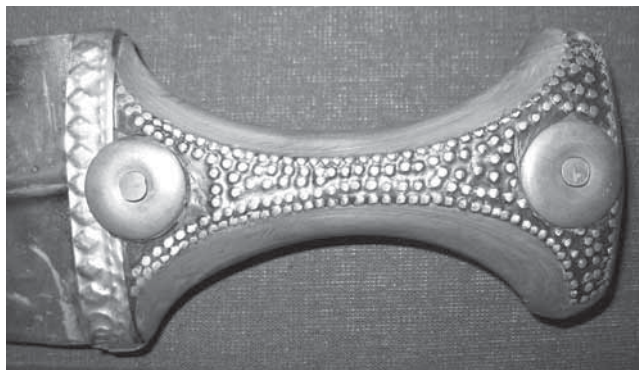

Рис. 35б

Рис. 35в

Рис. 35г

ва (?) (рис. 35в). С лицевой стороны в центральной части ее дополняет накладка из светлого металла с чеканным орнаментом, имитирующим традиционные для йеменской *джамбийи* мелкие заклепки. Большие заклепки-гвозди, дополнительно фиксирующие клинок, в данном случае представляют собой простые медные диски. Нижняя часть рукояти у клинка по традиции оформлена с обеих сторон лентой того же светлого металла довольно грубой работы с орнаментом в виде ромбов.

Ножны этого кинжала (рис. 34а) сделаны из дерева (рис. 34г), обтянуты кожей коричневого цвета с тисненым геометрическим орнаментом и дополнены тонкими лентами черной кожи на конце. Они обладают значительным загибом, указывающим на «9 часов», и, следовательно, определяют тип этого кинжала как *'асиб*, изначально связанный с конфедерацией Хашид [Heinze 2014: 45]. Очевидно, что ножны с потертостями на коже сделаны вручную и старше самого кинжала.

Сохранность кинжала и ножен сравнительно хорошая.

III. Ударное оружие

36. Топор *фа'с*.

Аравийский полуостров, XX в.

Инв. № 6986-10.

Арабы Йемена, населяющие Хадрамаут.

Поступление: от М.А. Родионова и П.И. Погорельского, 1992 г.

Сталь; ковка.

Рис. 36

Топор стальной кованый (рис. 36). Клинок треугольной формы с выступом по нижнему краю, проух круглый. Мог использоваться как хозяйственное и боевое оружие. Сохранность удовлетворительная.

37. Топор.

Аравийский полуостров. XX в.

Инв. № 7074-13.

Арабы Йемена, населяющие Хадрамаут.

Поступление: от М.А. Родионова, 1995 г.

Сталь, дерево; ковка.

Рис. 37

Топор стальной (рис. 37) с асимметричным, слегка вытянутым клинком треугольной формы, квадратным обухом, расположенным под углом по отношению к проуху, что позволяет проводить аналогии с топорами из города Хаббан [Elgood 1994: 35]. Древяно деревянное. Сохранность удовлетворительная.

IV. Метательное оружие

38. Наконечник копья *рамах*.

Индия (?), XIX в. (?)

Инв. № 6986-20.

Арабы Йемена, населяющие Хадрамаут.

Поступление: от М.А. Родионова и П.И. Погорельского, 1992 г.

Сталь; ковка.

Рис. 38

Наконечник стальной, четырехгранный, на длинной конической трубке (рис. 38). Грани оформлены растительно-геометрическим орнаментом. По сведениям собирателей, индийская работа (Оп. колл. 6986).

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ НАРОДОВ ИРАНА И АФГАНИСТАНА

Собрание иранского холодного оружия в МАЭ невелико — 21 номер и 28 ед. хр., афганского еще меньше — 12 номеров и 21 ед.хр. Среди них сабли и сабельные приборы, кинжалы, один пернат, копья, топоры и оружие дервишей. Вещи происходят из семнадцати коллекций — 145 (от В.А. Иванова, 1913 г.), 2436 (от А.А. Ромаскевича, 1914–1915 гг.), 2548 (от В.А. Иванова, февраль 1915 г.), 2704 (от В.А. Жуковского, 1919 г.), 2723 (из УТЧК, 1919 г.), 2724 (из УТЧК, 1919 г.), 3033 (из Пушкинского дома, коллекция С.С. Абамелек-Лазарева, 1924 г.), 3157 (от Е.Г. Черняковской, 1925 г.), 3341 (от С.М. и Ю.Н. Марров, регистрация 1950 г.), 3418 (от М.Г. Вечеслова, 1926 г.), 3466 (от Д.Д. Букинича, время поступления неизвестно), 3477 (от В.К. Клецинского, 1927 г.), 3502 (от Д.Д. Букинича, не позднее 1927 г.), 3922 (от Р.А. Галунова, июнь 1928 г.), 5113 (от М.Б. Кристьяна, июнь 1934 г.), 5323 (из Академии художеств, май 1943 г.), 6488 (от Датского национального музея, март 1962 г.); происхождение одной секиры остается неизвестным. Хронологические рамки коллекции охватывают очень небольшой временной промежуток: конец XVIII и XIX столетия.

Иранское длинноклинковое оружие представлено только двумя саблями (одна с ножнами) — № 2723-1 (кат. № 39) и 2723-2 а, б (кат. № 40). Обе происходят из одной коллекции 2723, переданной в 1919 г. из УТЧК, и, следовательно, беспаспортны. Клинки сабель относятся к разным типам, однако обе они, в конце концов, использовались по одному назначению.

Клинок сабли № 2723-2 (кат. № 40) более ранний, он относится к началу XIX в., тогда как собственно сабля в качестве нового типа оружия впервые появилась в Иране только в IX в.²² Именно этим веком датируется самый древний экземпляр сабли, найденный на территории Северо-Восточного Ирана, в городе Нишапуре [Khorasani 2006: 130, 132]. Его можно считать представительским, поскольку на рукояти сохранились следы позолоты. В этот период сабля в Иране была действительно новым типом оружия. Как представляется, с одной стороны, в аристократической среде ее использовали в качестве боевого и представительского оружия наравне с мечом. Первоначальное равноправие обоих типов оружия закреплено в персидском языке в виде одного термина *шамшир* (شمشير — *šamšīr*), употребляемого для обозначения обоих типов клинка, а также присутствием и меча, и сабли на поясе всадника со знаменитой росписи из Нишапура (прорисовку см., напр.: [Peerless images 2002: 29]). С другой стороны, судя по данным *Манакиб ат-тюрк*, написанного ал-Джахизом в IX в., кривой клинок в качестве боевого оружия использовался воинами армии Абу Муслима Хорасани, однако хорасанцы им хвастались [Khorasani 2006: 130, 132]. Таким образом, в IX в. сабля была еще редким типом оружия для армии халифата даже в тех районах страны, где тюркский элемент был наиболее выражен. Постепенно, однако, кривой клинок становится все более и более распространенным, а к XV–XVI вв. сабля становится доминирующим типом клинкового оружия на Ближнем и Среднем Востоке.

Клинок сабли № 2723-2 (кат. № 40) вполне пригоден для боя, снабжен небольшой елманью и долами. Совершенно точных аналогий ему найти пока не удалось, но есть целый ряд похожих, из которых наиболее близкий по кривизне, форме елмани и расположению долов (количественно их больше) — сабельный клинок из коллекции Музея Виктории и Альберта (№ М 293-1976). Р. Элгуд относит его создание к иранским мастерским XVIII в. [Elgood 1994: 21, 24]. Похожий по изгибу, также с небольшой елманью, но с другим рисунком долов клинок есть в коллекции Фонда искусств *Фурусийя*. Авторы каталога выставки вещей из собрания фонда считают его работой иранских мастеров XVII в. [The Arts 2008: 80]. Еще один сходный с рассматриваемым по кривизне, долам (их число тоже больше) и особенно присутствию инкрустации между короткими долами сабельный клинок находится в частной коллекции Сергея Кузнецова. Специалисты тоже атрибутируют его как иранский, но уже XIX в. [Восточное оружие 2013: 145]. Наконец, в собрании Государственного Эрмитажа есть клинок (№ ОР-1847), отличающийся от рассматриваемого по кривизне (это

²² Вопрос происхождения сабли широко обсуждается в литературе [Kobyliniski 2000; North 1998; Nicolle 1998; Jacob 1985]. Высказывалось мнение, что сабля появилась у кочевников евразийских степей благодаря возникновению жесткого седла и стремян, но стоит учитывать, что процесс конструктивных изменений рубяще-колющего оружия был довольно длительным и характеризовался сосуществованием различных его видов (подробнее см., напр.: [Худяков 1980: 39–50]). В мусульманском мире сабля, по мнению Д. Александра, начали распространяться через тюркских рабов-воинов с VIII в. [Alexander 1992: 13, 14]. А.С. Салиман при этом замечает, что сначала в VIII–IX вв. сабля появилась у арабов, а потом пришла к иранцам [Saliman 1971: 69].

классический иранский *шамшир*), но с небольшой елманью и похожим, не совсем, правда, идентичным рисунком долов [Земное искусство — небесная красота 2000: 312–313]. Есть и другие примеры.

На клинке из Эрмитажа инкрустирован картуш с надписью, содержащей имя мастера — *Сделал Султан-Али Мисри*. А.А. Иванов сомневается в правильности атрибуции этого клинка как иранского, поскольку его форма с елманью не соответствует иранскими клинкам, которые можно относить к XVII в. (вместе с именем мастера проставлены цифры 023, которые можно рассматривать как год 1023 по хиджре, т.е. 1614/1615 г.). Нисба мастера тоже вносит сомнения: *мисри* в переводе с персидского означает «египетский», и А.А. Иванов предполагает, что, возможно, клинок сделал мастер из сиро-египетского района, приехавший работать в Иран, или происходивший из семьи сиро-египетских мастеров [Земное искусство — небесная красота 2000: 312]. Тем не менее очевидно, что все названные выше клинки сделаны в разное время, но в очень близкой стилистике. Действительно, выковка клинка с долами нехарактерна для иранской оружейной культуры по крайней мере с XVI–XVII вв., когда вырабатывается классический вариант *шамшира* — сабли с не очень широким, но довольно толстым плавно изогнутым в первой трети клинком, суженным к острию. Именно за такой формой сабли в оружейведческой литературе закрепился термин *шамшир* в его узком значении²³.

Дольные клинки традиционны для мастерских Малой Азии или Кавказа, и, следовательно, все названные выше сабли демонстрируют принципыковки именно этой обширной области. Однако практически все они выполнены из стали хорошего качества, часто булата, как, например, клинки из ГЭ или коллекции С. Кузнецова, что в целом характерно для иранского оружейного дела. Сабля № 2723-2 (кат. № 40), самая поздняя из приведенных, тоже откована из узорчатой стали. В формах клинков тоже виден очень деликатный синкретизм: свойственная турецкому оружию елмань здесь довольно узкая, а сам клинок по изгибу больше тяготеет к иранскому типу, *шамширу* (клинки из ГЭ, Фонда *Фурсийи* и коллекции С. Кузнецова). Все это заставляет искать мастерские (а их, скорее всего, было несколько, поскольку даже почти одновременные клинки отличаются прежде всего по количеству и рисунку малых долов) где-то на границе иранского и малоазийско-средиземноморского мира, где и был разработан такой особенный тип клинка с гармоничным соединением иранских и турецких черт. Возможно, он существовал на территории Ирака или Кавказа, где были старые известные центры оружейного производства, о чем сообщают путешественники еще в первой половине XII в. [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971: 58–59]. Судя по нисбе мастера на клинке из ГЭ, можно предполагать, что в этих мастерских работали оружейники из Египта, который с начала XVI в. был под властью османских султанов. Однако в целом это должно было быть место большого влияния иранской культуры и потому, что нисба мастера на клинке из собрания Эрмитажа написана на иранский манер (без арабского арти-

²³ Примечательно, что *шамширы* в Европе назывались еще и *аббаси*, т.е. «Аббасовские», что указывает на распространение этого типа сабли и знакомство с ним европейцев в период правления шаха Аббаса I Великого (1587–1629 гг.).

кля) [Земное искусство — небесная красота 2000: 312], и потому, что форма клинков, как более ранних (собрание ГЭ и С. Кузнецова), так и более поздних (коллекции Музея Виктории и Альберта, Фонда *Фурусиййа* и № 2723-2 (кат. № 40) МАЭ), показывает устойчивое влияние иранского оружейного дела. Тем не менее имя мастера на клинке из ГЭ вписано не в характерный для Ирана фестончатый картуш *турундж*, а в круглый медальон [Художественное оружие 2010: 96], а инкрустация на клинке № 2723-2 (кат. № 40) и клинке из коллекции С. Кузнецова, выполненная с глубокими канавками-«заусенцами», не идентична, но похожа на инкрустацию турецких ятаганов, которые можно отнести к работе мастеров Кавказа (например, ятаганы № 2724-3 (кат. № 8) и 2724-11 (кат. № 15) МАЭ). В этих деталях оформления тоже проявляется сочетание разных традиций, ставшее столь характерным для клинков этого типа.

Оформление таких клинков очень различно и показывает широту их распространения. Клинок из Фонда *Фурусиййа* по всей длине оформлен исполненной золотом надписью, содержащей первые пятнадцать аятов сорок восьмой суры Корана. Такое расположение надписи, каллиграфия на основе почерка *наسخ* и сам текст были очень свойственны турецкому оружию. Судя по информативной части надписи на этом клинке, на рубеже XIX–XX в. он принадлежал ‘Абд ал-Мухсину, известному политику и премьер-министру Ирака [The Arts 2008: 80]. Формы рукоятей тоже свидетельствуют в пользу большого круга распространения этих клинков. Рукоять клинка из коллекции *Фурусиййа* соответствует рукоятям сабель бедуинов Сирии и Аравии, но дополнена добавленной позже иранской крестовиной XIX в. [The Arts 2008: 80], заканчивающейся характерными для этого времени образами индийского *макара*. Клинок из Музея Виктории и Альберта, оформленный у пяты орнаментом в виде волют и многолопастного картуша, тоже оправлен арабского типа рукоятью и принадлежал шейху Бахрейна Исе, а в 1928 г. стал подарком от него лорду Атлону [Elgood 1994: 21, 24].

Однако наиболее часто эти клинки отправлялись в Иран, поскольку характер оформления (как представляется, несколько более поздний по сравнению со временем производства) большинства клинков этого типа тяготеет к иранской традиции — это и нанесение персидских надписей другой по технике исполнения инкрустацией или насечкой с традиционным для Ирана текстом, упоминающим иранских шахов Аббаса [Земное искусство — небесная красота 2000: 312], Тахмаспа [Восточное оружие 2013: 145–147], персидские стихи, и дополнение клинка изображением змеи [Восточное оружие 2013: 145].

Рассматриваемый клинок № 2723-2 (кат. № 40) тоже попал в Иран, где был промаркирован двумя картушами с надписями. Сделаны они рукой одного и того же мастера и уже с другой по технике исполнения инкрустацией, выполненной заподлицо со стальной основой. В одном из них содержится имя Насир ад-Дин-шаха Каджара, в период правления которого, т.е. с 1848 по 1896 г., и были поставлены эти картуши. Насир ад-Дин-шах был одним из самых влиятельных иранских шахов второй половины XIX в. Он не только осознавал экономическую и политическую отсталость своего государства по сравнению с европейскими державами, но и прилагал усилия к тому, чтобы исправить сложившееся положение. В числе мер, предпринятых шахом, была

попытка реорганизовать армию с помощью европейских специалистов [Artisans 2010: 19].

В характере шаха интерес к Европе и ее достижениям (большой любитель путешествовать, шах совершил три поездки в Европу — в 1873, 1878 и 1889 гг.) сочетался с уважением к наследию иранской культуры и, как видно, желанием оправдать легитимность своего права на власть. По примеру предшественников (особенно Фатх-Али-шаха Каджара) шах Насир ад-Дин пытался соотнести свое правление с правлением царей древних иранских династий, что выразилось в том числе в титулах, сопровождавших его имя в надписях на оружии. Один из них — *khosrov*, собственное имя двух шахов из династии Сасанидов, ставшее нарицательным в значении «царь», а второй — *sāhib qirān* [Khorasani 2006: 555], т.е. «человек, рожденный под благоприятным сочетанием планет», связывавшийся начиная с правления эмира Тимура и вплоть до XIX в. с правителями [Иванов 1972: 25–29].

На рассматриваемом клинке в содержащем имя шаха картуше таких титулов нет, но есть другое свидетельство уважительного отношения к иранской истории, причем к истории оружейного дела, что более соответствует случаю. Во второй его картуш заключена примечательная надпись — *Сделал ибн Калб Али* — свидетельствующая, таким образом, что мастером этого клинка был сын (араб. *ابن* *ibn* — сын) человека по имени Калб Али. Имя *Калб Али* тоже встречается на иранских клинках, иногда с добавлениями *ибн Асад*, *ибн Асад Аллах* или *ибн Асад Аллах Исфাহани* (см., напр.: [Sztuka perska 1935: № 142; Сокровища 1979: № 17; Khorasani 2006: 163]), т.е. утверждается, что Калб Али был сыном Асад Аллаха Исфাহани, имя которого тоже исключительно часто встречается на иранских клинках, хранящихся во многих музейных и частных коллекциях (например, сабли № 1398, 1402, 1443 и др., мечи № 1400, 1990 из коллекции Уаллес [Lacking 1964]; сабли № ОР-171, ОР-22 собрания Эрмитажа [Иванов, Луконин, Смесо́ва 1984: 11] и др. (см.: [Mayer 1962: 27–29]).

Причем большинство клинков, маркированных этим словосочетанием, выполнены из булата высших сортов, которые делали до кризиса иранского оружейного дела XVIII в., тогда как сами надписи зачастую относятся уже к рубежу XVIII–XIX вв., как в случае, например, с саблями из Эрмитажа: они, судя по исполненному золотом имени на клинке, принадлежали в конце концов Фатх-Али-шаху Каджару (1797–1834 гг.) [Иванов, Луконин, Смесо́ва 1984: 11]. Достоверными эти надписи-клейма считать нельзя. Похожая ситуация складывается и с работами Калб Али. Кроме того, в XIX в. мастера часто намеренно ставили картуши с именами этих оружейников, особенно Асад Аллаха, и на поздних по времени изготовления и худших по качеству клинках (см., напр.: [Лихачев 1910: 2]), чтобы «украсить» оружие и одновременно придать ему «налет старины». В данном же случае ситуация иная: неизвестный ювелир заявляет, что клинок сделан внуком знаменитого оружейника Асад Аллаха. Имени этого позднего представителя овечьей легендами оружейной династии (если таковая вообще была) история до неизвестного ювелира не донесла, и выдумывать его он не стал — достаточно было того, что он выдумал самого внука, ведь никакой информации об этом третьем представителе династии пока нет! Используя этот прием, лукавый мастер не только по традиции «состарил»

(правда, деликатно, не слишком значительно) попавший к нему клинок, показал знание истории оружейного дела Ирана и самых известных его представителей, но и написал оформляемый им клинок в эту историю.

Однако, принимая во внимание качество надписей-клейм с именами легендарных мастеров, история эта достаточно туманна. Ряд авторов считает, что легендарный мастер-оружейник Асад Аллах работал при дворе шаха Аббаса Великого [Массон 1963: 92; Wilkinson 1967: 5]. Другие же само существование Асад Аллаха и Калб Али подвергают сомнению, а картуши с их именами склонны считать просто знаком качества, которого изначально удостоивались только клинки очень высокого и просто высокого класса соответственно (см. подробно: [Khorasani 2006: 163–164]). Один из аргументов в пользу этого предположения — то, что имена этих оружейников представляют собой значимые словосочетания, которые рассматриваются как титулы: *اسد الله* (*asad allah*) *лев Аллаха*, *كلب علي* (араб. *kalb 'ali* или перс. *kalb-e ali*) *собака Али* (см. об этом подробнее: [Khorasani 2006: 163]). Второе словосочетание могло передаваться и в более полной форме: *كلب آستان علي* (*kalb-e āstan-e ali*) *собака порога Али*, обозначая самоуничижение перед имамом Али, личность которого исключительно почитается в шиитском исламе, и которого шахи из династии Сефевидов считали основателем своей династии [Khorasani 2010: 201]. Шах Аббас Великий называл себя *kalb 'ali / kalb-e ali* и потомком *asad allah*, т.е. имама Али, чьим эпитетом было это словосочетание [Khorasani 2006: 163; Khorasani 2010: 83–85]. Тем не менее, возможно все же, что, по крайней мере, Асад Аллах, прежде чем стать легендарным и превратиться, в конце концов, в абстракцию-знак качества, все же был реальным мастером, первым из оружейных мастеров, получившим этот почетный титул, работая в одной из придворных мастерских Аббаса Великого.

Во время правления династии Сефевидов (1501–1722 гг.), блестящим представителем которой был Аббас I Великий, официальной государственной религией страны стал, как уже отмечалось, ислам шиитского толка, в котором особо почитаются первый имам Али и мученически погибший у города Кербелы (территория современного Ирака) его сын, третий шиитский имам Хусейн. В первые десять дней месяца *мухаррам*, т.н. *ашура*, на которые пришлось последние, трагические, события жизни имама Хусейна, в Кербелу отправлялись паломники, а в городах в это время устраивались церемонии его поминовения, представлявшие собой целый комплекс ритуалов, обрядов и театрализованных мистерий, которые принято называть *тазие* (араб. «траур», «оплакивание», «поминки»). В дальнейшем эти церемонии снова активизировались уже при правлении династии Каджаров (1795–1925 гг.).

В церемониях *тазие* участвовала в конце концов и рассматриваемая сабля № 2723-2 (кат. № 40). Поскольку имам Хусейн погиб, сражаясь с войском второго омейядского халифа Йезида I, оружие было необходимым атрибутом этих церемоний и часто упоминается в описаниях поминальных обрядов [Марр 1970: 313–366; Горький 1898: 2; Francklin 1790: 239]. Изначально боевой клинок рассматриваемой сабли в середине — второй половине XIX в. был оправлен новой рукоятью типа *карабела*, широко распространившейся в это и даже более раннее время на Ближнем Востоке, а в Иране изображавшейся на миниатюрах уже второй четверти XVII в. Как выглядела прежняя рукоять, позволяет

предполагать хоть плохо, но сохранившиеся ножны этой сабли. Они обтянуты синим бархатом и снабжены обоймицами с изображениями «сцен терзания» орлом утки, и, скорее всего, перекрестье прежней рукояти было оформлено таким же образом, чему есть примеры [Khorasani 2006: 427]. В дальнейшем клинок был оправлен новой, непрочно закрепленной рукоятью, не позволяющей использовать оружие в боевых целях. Кроме того, эта рукоять по сочетанию признаков — форма (*карабела*), материал (сталь), загнутые книзу дужки крестовины в виде индийских *макара* — соответствует рукоятям целой группы предметов длинноклинкового оружия, никогда не исполнявшего боевых функций, но использовавшегося в ритуалах *тазие*. Некоторые из них, правда, были весьма кровавыми и требовали использования острых клинков. Например, обряд сечения головы во время шествий, в процессе которого верующие истязали себя, в том числе и ударами оружия. Боевой клинок этой сабли позволял использовать ее и в таких ритуалах, однако рукоять дает возможность предполагать, что она участвовала в театрализованных мистериях, которые обычно устраивали в специально отведенных павильонах, соорудившихся почти в каждом городском квартале. Известно, что такие павильоны содержали даже первые лица государства, например Хаджи Мирза Агаси, занимавший пост премьер-министра (*sadr-e azam*) при иранском шахе Мухаммаде (1835–1847), чей павильон, по мнению некоторых очевидцев, считался лучшим в Тегеране [Березин 1952: 299]. Самым же известным таким павильоном Ирана был построенный в 1870-х годах в Тегеране «Придворный театр» шаха Насир ад-Дина. Возможно, поставленное на клинке рассматриваемой сабли имя шаха говорит о том, что саблю использовали в мистериях, проводившихся в шахском павильоне.

Вторая сабля № 2723-1 (кат. № 39), как, впрочем, большинство предметов иранского холодного оружия МАЭ, тоже использовалась в таких представлениях. Ее абсолютно небоевой клинок из мягкой стали раздвоен у острия. Это сделано в подражание легендарному мечу пророка Мухаммада, т.н. *зу-л-факару* (араб. «обладающий позвонками», «ребристый», название восходит к выражению *sayf al-mufakkkar* — «меч с желобками» [Беленицкий, Леммлейн 1963: 483]). По мнению Д. Александра, именно под влиянием образа легендарного меча Мухаммада у поздних мусульманских правителей возникла тенденция к коллекционированию ранних исламских мечей [Alexander 1992: 11]. *Зу-л-факар* стал самым знаменитым из всех восьми мечей, которыми, как гласит традиция, владел Мухаммад. Согласно легендам, этот меч был захвачен Мухаммадом во время сражения при Бадре (624 г.) у язычника-мекканца Мунаббиха ибн ал-Хадджаджа [Беленицкий, Леммлейн 1963: 483], а затем передан им своему двоюродному брату и зятю Али, который якобы с его помощью совершал свои подвиги. Далее, по одним сведениям, *зу-л-факар*, ставший символом мощи ислама не только для шиитов, но и для суннитов, попал во владение к аббасидским халифам и пропал во время захвата монголами Багдада в 1258 г. [Беленицкий, Леммлейн 1963: 483]. По другим — он перешел к шиитским имамам, став подарком Мухаммада своему внуку Хусейну, который взял его с собой на сражение с войсками Йезида I, позже его использовали в церемонии возведения на престол нового халифа. Судя по изображению этого меча

в руках Али на миниатюре из списка *Асар ал-бакийа* Абу-р-Райхана ал-Бируни, исполненного в северо-западном Иране в 1307/1308 г. (MS. Arab 161, f. 162r, Библиотека университета, Эдинбург), к началу XIV в. этот меч представляли как меч с раздвоенным у острия клинком, и в память о нем на клинках некоторых персидских мечей и сабель гравировались или инкрустировались очертания клинка с двумя остриями, а иногда клинки намеренно раздваивали в процессековки.

Участие *зу-л-факара* в сражении при Кербеле определило практику создания, правда, уже не мечей, а сабель в Иране XIX в. для использования в театрализованных ритуалах поминовения шаха Хусейна. К таким саблям относится сабля № 2723-1 (кат. № 39) из коллекции МАЭ. М. Хорасани отмечает, правда, и интерес туристов к такому оружию и связывает его производство вплоть до XX в. именно с ним. Возможно, это утверждение и справедливо в отношении предметов, оформленных псевдонадписями, к которым принадлежит и сабля из коллекции МАЭ, но такие «сувениры» делались с оглядкой на реально существовавшие вещи подобной формы и с похожими принципами оформления (подробнее см. [Малозёмова: в печати]). Такое оружие продолжают делать в Иране и сегодня, причем не только для туристов: развешенное по стенам помещений, оно служит в качестве знаков-напоминаний о событиях *ашуры*.

Собрание коротоклинкового оружия Ирана в Кунсткамере состоит только из двух кинжалов с ножнами. Кинжал № 3033-19 а, б (кат. № 46) из коллекции С.С. Абамелек-Лазарева представляет собой тип, появившийся, по-видимому, в Иране XVIII в., но значительно распространившийся в XIX в. Форма его довольно широкого, значительно изогнутого клинка с центральным ребром по всей длине похожа на формы клинков арабских кинжалов. Контакты Аравии и Ирана в Персидском заливе были достаточно интенсивными всегда, и иранское оружие, особенно наконечники копий и знаменитые сабли *шамширы*, сделанные из хорошего булата, были очень распространены на Аравийском полуострове вплоть до XX в. Бедуины рассматривали их в качестве лучших, хотя в XIX в. клинки иранского производства все более стали замещаться европейскими [Elgood 1994: 13]. Иранские кинжалы, напротив, нечасто ввозили в Аравию, поскольку, по замечанию Р. Элгуда, они отличались по форме от арабских [Ibid.]. Культура же арабского кинжала была настолько исключительно развитой и самодостаточной, что сама оказывала влияние на оружейную культуру соседних областей, в частности Ирана и Индии. Едва ли можно предполагать, что увлечение кинжалами арабского типа в Иране появилось благодаря контактам с Индией, где кинжалы арабского производства не только широко распространились, но и стали основой для подражания. Однако индийская *джамбийа* все же отличается от арабской, тогда как в Иране клинок, несмотря на возможную разную степень кривизны, был очень похож на арабский, только немного уже. Некоторые исследователи, рассматривая такой тип иранского кинжала, тоже называют его вслед за арабскими *джамбийа* [Titri 2003: 208–209], но мне представляется правильным использовать более общий арабский термин *ханджар* (ар. *خنجر* *khanjar*), который был распространен и в Аравии, и в Иране. К тому же иранский кинжал все же ближе

к той разновидности арабского кинжала, который распространен на территориях, близких к Персидскому заливу, и который даже в Аравии принято называть *ханджар*²⁴.

Клинок кинжала № 3033-19 (кат. № 42) оправлен рукоятью, сделанной, судя по ее желтоватому цвету, из моржовой кости. Эта кость в отличие от распространенной с древнейших времен в Иране слоновой твердая и, следовательно, не раскалывается [Elgood 1994: 93]. Моржовая кость стала особенно популярной в Иране в XVIII–XIX вв., хотя привозилась еще в XVII в. Рукояти из этого материала оформлялись резьбой в виде растительного орнамента, как в данном случае, или фигуративными изображениями: аристократического вида юноши, девушки, образ которых навеян европейской живописью, а также сцены с участием персонажей древней иранской истории, что было особенно характерно, как уже говорилось, в XIX в. (см., напр.: [Холодное оружие 2006: 181]). Ножны этого кинжала оформлены эмалью, положенной по медной пластине. Эта техника очень широко распространилась в Иране, в том числе и на оружейных приборах, в XVIII–XIX в. [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 29–32]. Качество эмали на ножах кинжала из МАЭ значительно уступает известным образцам, вышедшим из иранских придворных мастерских первой половины — середины и даже второй половины XIX в., но тем не менее эти ножны показывают увлечение этим слишком хрупким для оформления холодного оружия материалом (на кончике ножен есть сколы) даже в неаристократической городской среде.

Второй иранской кинжал с ножами в собрании МАЭ был приобретен за десять рублей у В.К. Клещинского в апреле 1927 г. и зарегистрирован в отдельную коллекцию — № 3477-1 а, б (кат. № 47). Клинок этого кинжала примечательно откован: в верхней трети он распадается на пять частей. Стоит отметить, что многоклинковое оружие было известно в ближневосточной среде и персидской в частности: кинжалом с двумя клинками перс-христианин Фируз Абу Лулу в ноябре 644 г. заколол халифа Омара и себя [Большаков 1993: 156]. По материальным памятникам многоклинковые кинжалы известны, например, в культуре Индии — знаменитые *джамадхары/куттары*.

В данном случае кинжал не заточен, а качество стали не предполагает даже возможности сколько-нибудь длительной заточки. Рукоять, как и у рассмотренных выше сабель, стальная, посажена на хвостовик довольно непрочно. Этот кинжал, как и другие подобные ему (см., напр.: [Холодное оружие 2006: 176–178]), тоже использовался в ритуалах *тазие*. В этом случае не исключено, что такой вариант выковки кинжала навеян образом уже упомянутого меча *зу-л-факар*. Использовать такой кинжал могли, например, во время процессий, устраивавшихся вечерами и ночами в период *ашура*, когда несколько кинжалов втыкались в седло или подушку, положенную на спину лошади, которая в такой процессии символизировала израненную лошадь имама Хусейна. На концы обращенных вверх кинжалов насаживались яблоки, напоминавшие о том волшебном яблоке, которое подарил маленьким Хасану и Хусейну архангел Джабраил

²⁴ Это единственный термин, который используется и в арабском, и в персидском языках для обозначения кинжала в целом.

и которое все еще находилось у Хусейна во время битвы при Кербеле²⁵. Кинжалы втыкались и в грудь тряпичной куклы, изображавшей раненого имама [Lassy 1916: 112] или его мученически погибшего сводного брата и сподвижника Аббаса. Такие куклы несли во время процессий на специально сделанных для этого носилках или повозках, которые тоже оформлялись оружием и, в частности, кинжалами. По словам майора П.М. Сайкса, в Йезде был сделан особенный катафалк Хусейна, представлявший собой огромную, напоминавшую башню конструкцию, «украшенную прекрасными кашмирским шальями и многочисленными знаменами, зеркалами, мечами и кинжалами» [Sykes 1910: 198]. Кукла, изображающая тело Аббаса, есть и в коллекции Кунсткамеры № 3922, появившейся в 1928 г. от Р.А. Галунова. В составе этой же коллекции есть и копье (кат. № 70), которое, по данным первичной регистрации, участвовало в ритуалах *мухаррама*. На такого рода копьях в процессиях носили изображения рук Аббаса (Оп. колл. 3922).

С ритуалами *мухаррама* в определенной степени связана и целая коллекция довольно больших по размеру топоров МАЭ — одна из лучших и интереснейших в оружейном собрании музея. Таких топоров одиннадцать. Большая их часть привезена из Ирана В.А. Ивановым, А.А. Ромаскевичем и В.А. Жуковским: кат. № 53–60. Топор № 3341–392 (кат. № 61) появился в музее от С.М. И Ю.Н. Марр, а № 5323–103 (кат. № 64) и № 5323–104 (кат. № 65) были переданы из Академии художеств. Такие топоры, с одним или двумя клинками и навершиями в виде копья или полусферы, были очень распространены в Иране на протяжении всего XIX и даже, как представляется, конца XVIII в., хотя предметы вооружения похожей формы можно увидеть на миниатюрах, относящихся к более раннему времени, начиная с конца XIV в.

Топоры, сохраняющие такую или похожую форму в XVIII–XIX в., как и прежде, были связаны с представителями суфийских сообществ, которых обычно называют *дервишами* (перс. درویش — «бедняк, странник»). Известный исследователь иранского оружия М.М. Хорасани пишет о таких топорах именно как об оружии *дервишей* [Khorasani 2006: 357–359].

Все сопровождавшие *дервиша* в жизни вещи — сумку, чашу для подаяния *кашкуль*, топор (илл. 13, 14) и др. — обеспечивал ему его орден. К XIX столетию эти изначально функциональные вещи стали почти исключительно символическими. Есть мнение, что стальной топор показывал непоколебимую веру *дервиша* и его готовность сражаться во имя божественной справедливости [Artisans 2010: 137]. По замечанию востоковеда-ираниста В.А. Иванова, топоры нужны им для «борьбы со страстями, которые представляются разгоряченному воображению *дервиша* в плотском образе, так как, придя в экстатическое состояние, *дервиш* размахивает топором, восклицая: “Теперь я поразил такой-то порок, такую-то страсть”» (Оп. колл. 2548).

Эта характеристика приведена В.А. Ивановым в музейной описи относительно самого простого по внешнему виду топора из трех, привезенных им в 1913 и 1915 гг. в музей. Этот небольшой топор № 2145–49 (кат. № 54) представляет собой вполне функциональное оружие и по форме очень похож на

²⁵ Подробнее об этой легенде и значении яблока см.: [Lassy 1916: 109–110].

Илл. 13. Дервиш. МАЭ. Колл. № 1788-2

топоры, которые известны по изображениям *дервишей* (самое раннее из которых относится к 1806 г.), представляющих членов активизировавшегося в Иране XVIII–XIX в. ордена *Ниматуллах* и часто одного из ярчайших представителей этого ордена шейха Нур Али-Шаха (1757–1798 гг.). Такое изображение есть, например, на каламдане, датированном 1909 г. [Sotheby's 2004: 89].

В описи этот топор назван приседельным. Как приседельные характеризуются и топоры № 2145-48 а, b, с (кат. № 53) и № 2148-1 (кат. № 58), тоже привезенные В.А. Ивановым. Они отличаются по размеру, стилистике (№ 2148-1 (кат. № 58) двухклинковый), декору, но в описях, составленных на основе краткой характеристики и описаний собирателя, к ним применяется термин *табарзин* (от перс. تبر زين — *tabar-e zin*, букв. «приседельный топор»). Этот термин обычно употребляется по отношению к топорам меньшего размера и чуть

Илл. 14. Дервиш. МАЭ. Колл. № 3194-15

отличной формы (в коллекции МАЭ есть один похожий топор № 3466-11 — кат. № 63).

Среди топоров такого типа особенно примечательны сделанные мастером Лотф Али, работавшим в Иране в 1730-х годах, т.е. во время правления шаха Надира. Работы этого мастера очень узнаваемы: они примерно одного размера и оформлены с обеих сторон растительным орнаментом в технике оброна, в который вплетаются либо фигуративные изображения, либо надписи, продолжающиеся и вокруг основного поля. Подпись мастера и год создания обычно помещаются в фигурном картуше на обухе или на плоскости около него. На схожесть оружия, сделанного руками этого мастера, указывает известный исследователь А.С. Меликян-Ширвани, проанализировавший два топора работы Лотф Али [Melikian-Shirvani 1979a: 240–241]. Он еще замечает, что мастер

работал над программой оформления своих топоров сам, а не по заказу, поскольку не обозначено имя патрона, ориентируясь, таким образом, на возможно разных владельцев-покупателей, т.е. работал на рынок. Это вписывается в традицию иранских мастеров, которые сами создавали свои вещи, руководствуясь собственными представлениями, а не указаниями правящих или неправящих заказчиков [Ibid.: 240]. Еще один топор этого мастера находится в частной коллекции С. Кузнецова [Восточное оружие 2013: 208–209]. На одном топоре Лотф Али исполнены известные бейты иранского поэта XVI в. Абд-Аллаха Хатефи, в котором присутствует слово *табарзин*, что лишь подтверждает правильность определения таких топоров как приседельных. А.С. Меликян-Ширвани полагает, что традиция нанесения этих стихов началась еще при Сефевидах [Melikian-Shirvani 1979a: 240] и продолжалась вплоть до XIX в., поскольку эти же стихи есть и на топорах из коллекции МАЭ (кат. № 59, 67), исполненных в XVIII–XIX в. Этот факт свидетельствует в пользу того, что по крайней мере с рубежа XVIII–XIX столетий и в последующий период термин *табарзин* употреблялся и для обозначения довольно больших топоров, что, в свою очередь, согласуется с данными В.А. Иванова.

Топор № 2145-48 а, b, с (кат. № 53) в описи назван очень старинным (Оп. колл. 2145). На нем изображены два обернувшихся назад льва (символ имама Али) [Khorasani 2006: 357–359], хотя есть мнение, что образ льва был и символом бестрашия [Artisans 2010: 131]. Воспоминания об имаме ‘Али присутствуют на обухе топора из коллекции МАЭ (кат. № 65), где написано воззвание «О, ‘Али!» Возможно, об Али напоминают и изображения волков или собак на топоре (кат. № 58), если вспомнить словосочетание *kalb-e ‘ali* и его смысл.

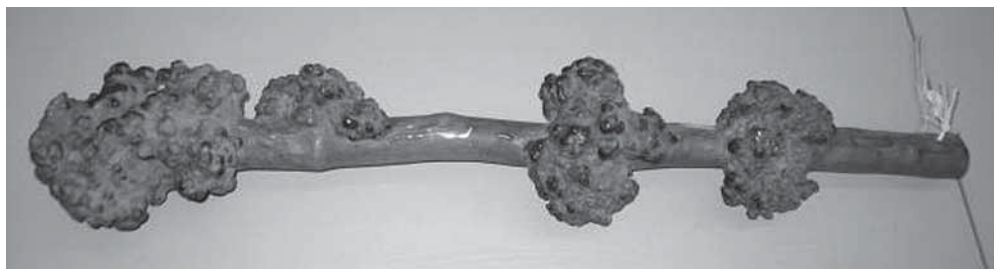
Топоры (кат. № 53, 59, 61, 67) входят в группу из восьми топоров (кат. № 55, 56, 57, 60), объединенных почти одинаковой формой (кат. № 55 двухклинковый, но в Иране каджарского времени большие двухклинковые топоры тоже встречались часто), размером, сходной стилистикой оформления. К этой же группе можно добавить и два двухклинковых топора (кат. № 64, 65), которые, правда, чуть меньше остальных и по размерам соответствуют топору № 2548-1 (кат. № 58). Использование в описи колл. 2145 термина *табарзин* по отношению к одному топору из этой группы (кат. № 53) позволяет распространить его и на остальные. У топора (кат. № 59) имеется вычурной формы, напоминающей голову драконовидного существа, как представляется, индийского *макара*, обух. Этот образ стал популярным в Иране XIX в., хотя изображения таких персонажей в похожей стилистике известны и для топоров этого типа, относимых исследователями еще к XVII в. [Żygulski 1979: 229–130]. Аналоги этому топору есть и в индийском фонде МАЭ, и в коллекциях других музеев [Artisans 2010: 172]. М.М. Хорасани замечает, что по свидетельству путешественников, посетивших Иран в XIX в., оружие, в частности топоры затейливых форм, одинарные или двойные, иногда декорированные золотом и серебром, находились в числе предметов, которые были у *дервишей*. М.М. Хорасани полагает, что в данном случае речь идет об историческом оружии, которое любили использовать *дервиши* [Khorasani 2006: 357–358].

Е.Э. Бертельс [Бертельс 1988: 487–488], И. Березин [Березин 1952: 337] и другие очевидцы упоминают о том, что *дервиши* участвовали в некоторых

постановках *т'азие*. Примечательно при этом, что термин *taqie*, которым обозначались упомянутые уже павильоны для таких представлений, иногда используется для обозначения построек, соотносимых с *дервишескими ханака* [Стародуб 1989: 276–277]. Дервиши участвовали в таких постановках со своим оружием, в частности с топорами, но эта практика, как представляется, вызвала необходимость делать их специально как реквизит, что и объясняет большое их количество, зачастую не самого хорошего качества, в музеях и частных коллекциях.

В арсенале *дервишей*, видимо, были и мечи, изготавливавшиеся из рострума рыбы-пилы. По крайней мере, в описи коллекции 2436, вещи из которой привезены А.А. Ромаскевичем из Ирана и к которой приложен список собирателя, меч из рострума рыбы-пилы № 2436-132 (кат. № 68) обозначен как меч дервиша. В МАЭ есть и просто рострум № 3157-3 (кат. № 69), аналогии которому в большом количестве есть, например, в Дарвиновском музее в Москве (см.: [Милосердов 2014а: 188–195]). Мечи из рострумов были известны не только в Иране и Индии, но и в Европе, где они оправлялись в металлические рукояти [Введенский 2005: 94] и использовались как церемониальные. В Иране такие «зубчатые мечи» могли рассматриваться как символ уже упоминавшегося меча пророка Мухаммада *зу-л-факара*. Есть даже миниатюры, на которых изображены воины и демоны, сражающиеся такими мечами [Милосердов 2014а: 193].

В коллекции МАЭ еще есть две дубины № 2704-10 и 2436-133, которые относятся к культуре *дервишей* (илл. 15, 16).

Илл. 15. Дубина дервиша. МАЭ. Колл. № 2704-10

Илл. 16. Дубина дервиша. МАЭ. Колл. № 2436-133

Такие дубины часто можно увидеть в руках дервишей уже на фотографических снимках (илл. 17, 18). Дубина № 2436-133 усилена еще металлическими заклепками.

Завершают коллекцию иранского холодного оружия МАЭ пернат № 51513 (кат. № 52), использовавшийся как знак воинского статуса, но чаще всего он

Илл. 17. Дервиш с дубиной. МАЭ. Колл. № 3194-7

Илл. 18. Дервиш с дубиной. МАЭ. Колл. № 3194-24

был просто оружием [Żygulski 1979: 216], а также сабельные ножны № 3033-16 (кат. № 41), сделанные в Иране в середине XIX в. и позже попавшие на Кавказ.

Афганское оружие в МАЭ представлено хоть и не очень большим количеством предметов, но разными их типами. Холодное оружие было основным в арсенале афганской кавалерии еще в 30-х годах XIX в., когда она не была регулярной. Конные воины были вооружены «преимущественно холодным оружием: мечами (возможно, саблями? — *Е.М.*), кинжалами и пиками, хотя огнестрельное оружие тоже встречалось» [Ганковский, Полищук 1985: 13]. В 70-х годах XIX столетия в Афганистане появилась уже регулярная кавалерия, которая тем не менее не находилась на полном обеспечении государства. Кроме того, существовала и иррегулярная конница, в это время уже вооруженная огнестрельным оружием, хотя оно было плохого качества. В кавалерии служили лишь люди состоятельные, которые могли позволить себе содержать коня и купить необходимую экипировку. Сбрую, например, покупали в Индии, правда, за казенный счет. Некоторые источники, характеризую афганскую кавалерию, говорят, что она была «подражанием индийской легкой кавалерии, от которой были заимствованы даже седла и стремяна» (цит. по: [Ганковский, Полищук 1985: 13–14]).

Одна из двух афганских сабель Кунсткамеры — № 3502-55 а, б (кат. № 42), которые происходят из одной коллекции вещей, приобретенных у известного ботаника Д.Д. Букинина не позднее 1927 г., подтверждает это утверждение в оружейной сфере. Она представляет собой вариацию классической индийской сабли *тальвар*²⁶, оправленной рукоятью, тяготеющей к северо-индийской традиции, но неидентичной рукоятям индийского оружия, что и дает возможность отнести ее именно к афганской оружейной культуре. Скорее всего, родиной этой сабли можно считать районы, близкие к Пенджабу. К ножнам этой сабли подвешена половина разъемной металлической перфорированной сферы, назначение которой пока однозначно не определяется. Ножны этой сабли почти идентичны ножнам второй сабли, которая в описи, составленной на основе этикеток собирателя, описывается как один из самых распространенных типов сабли у южных кочевников Афганистана (Оп. колл. 3502).

Вторая и третья сабли, соответственно, № 3502-56 а, б (кат. № 43) и 6488-42а, б (кат. № 44), в коллекции афганского холодного оружия МАЭ — это уже примеры классической афганской сабли, которая в оружейно-литературе обозначается термином *пулуар*²⁷. В ее образе сочетаются индийские (рукоять) и иранские (прежде всего форма клинка) оружейные традиции. Использо-

²⁶ В языке хинди этим термином означает и сабля, и меч. В языке урду — кинжал и меч, а для сабли используется термин *хамдār талвār* (خام دار تلوار) букв. «меч, имеющий изгиб»).

²⁷ В афганском языке (пашто/пушту) нет слова, точно по фонетике соответствующего этому определению. В этом языке есть термин *тура* (توره — *тура* (ж.р.), обозначающий и меч, и саблю, а также термин *тиг* (تیغ — *тиг* (м.р.), обозначающий только меч. Возможно, *пулуар* — это вариант термина *тальвар* — в написании арабицей два слова отличаются только первой буквой «п» и «т» (پلوار و تلوار) соответственно, которые определяются только количеством и положением точек над зубцом.

вание и иранского типа оружия, и индийских образцов в среде разных афганских племен уже отмечалось исследователями [Tirgi 2003: 235].

Сабля № 6488-42 а, б (кат. № 44) сделана уже достаточно грубо, ярко демонстрируя уровень кузнечного дела в Афганистане XIX в. По данным первичной регистрации, она была приобретена в районах Восточного Гиндукуша, в Читртале — населенном пункте в бассейне реки Чиртал (верхнее течение реки Кунар) (Оп. колл. 6488). Эта область на западе граничит с Нуристаном — одной из наименее исследованных областей Афганистана, расположенной в верховьях и отчасти в среднем течении двух правых притоков реки Кунар, рек Башгуль и Пич и реки Алингар, впадающей в реку Кабул выше устья реки Кунар [Грюнберг 1971: 264]. До 1895–1896 гг. — времени завоевательной кампании афганского эмира Абд ар-Рахмана — эта область сохраняла свою обособленность, жители ее оставались язычниками, т.н. *кафирами* (араб. *كافر* *kāfir* — «неверный»), а вся область называлась Кафиристан (перс./афг. «Страна неверных»), и только в 1922 г. афганский эмир насильственно обратил *кафиров* в ислам, после чего эта область стала называться Нуристан (перс./афг. «Страна света»), а ее жители — *нуристанцами*. Оба эти термина не определяют ни языковую (в области говорят на языках по крайней мере четырех разных групп, родственных дардским языкам), ни этническую принадлежность, обозначить которую значительно труднее, чем языковую [Грюнберг 1971: 264] и обычно используются в литературе для обозначения культуры, старых обычаев и домусульманского прошлого в целом жителей этой области. Культуру холодного оружия *нуристанцев/кафиров* представляют предметы клинкового оружия, зарегистрированные в коллекции 6488 МАЭ.

Эту коллекцию предметов материальной культуры *кафиров* музей получил в 1962 г. из Национального музея в Копенгагене в обмен на коллекцию по корякам, собранную по просьбе Национального музея Дании. До этого времени в ленинградском музее не было ни одного предмета, связанного с культурой *кафиров/нуристанцев* [Кисляков 1963: 120]. В 1948–1949 и 1953–1954 гг. датским музеем были предприняты две этнографические экспедиции в Афганистан, в частности в Нуристан. Они стали третьей и четвертой экспедициями в эту область после ее завоевания афганцами, с момента которого в течение длительного времени она оставалась закрытой для европейцев. Первым европейским путешественником, проникшим в Кафиристан в 1885 г., был Локарт [Народы Передней Азии 1957: 137], а в 1890–1891 гг. там побывал английский врач Д.С. Робертсон, написавший книгу *The Kafirs of the Hindoo-kush* [Robertson 1896]. В конце XIX — начале XX в. въезд в Афганистан европейцам был запрещен, исключение составляли только немногие, приезжавшие по приглашению эмира или работавшие на эмирской службе [Ромодин 1971: 249]. Первыми европейцами, побывавшими уже собственно в Нуристане, в 1924 г. были Н.И. Вавилов и Д.Д. Букинич, а в 1935 г. в Гиндукуш отправилась немецкая экспедиция.

Датские экспедиции сыграли значительную роль в исследовании исторической этнографии Нуристана [Грюнберг 1971: 267–269]. Эти и последующие экспедиции оставили большой корпус текстов, посвященных разным сторонам культуры *кафиров* (библиографию см.: [Грюнберг 1971: 286–287]). Члены

экспедиций, организованных Датским национальным музеем, собрали в Нуристане коллекцию вещей, характеризующих культуру повседневности *нуристанцев*, среди которых были и предметы холодного оружия. Кроме упомянутой выше сабли, в их числе были кинжалы № 6488-39 а, б (кат. № 49) и 6488-40 а, б (кат. № 50), наконечник копья № 6488-37 а, б (кат. № 71), топор № 6488-47 (кат. № 66) и большой т.н. *хайберский* нож № 6488-41 а, б, в (кат. № 51). Отмечалось, что оружие служило *нуристанцам* не только при столкновениях с соседями, но и во время охоты, правда, не на хищников. Известно, что, по крайней мере, в 1930-х годах, систематической охоты у *нуристанцев* не было, но они любили это занятие [Кисляков 1963: 125].

Наиболее ярко культуру холодного оружия этого народа показывают наконечник копья и особенно топор и два кинжала. Стальной наконечник копья на длинном деревянном древке № 6488-37 а, б (кат. № 71), судя по данным первичной регистрации, составленной на основании записей Национального музея в Копенгагене, происходит из деревни Куштеги в долине протекающей по Нуристану реки Парун (Оп. колл. 6488), где живут наиболее самобытные племена [Кисляков 1963: 121]. Точных аналогий форме этого наконечника найти не удалось, однако она с очевидностью напоминает форму иранских боевых вил, пример которых есть в коллекции ВИМАИВиВС [Анисимова 2013: 174–175]. Судя по оформлению насечкой, эти вилы, по крайней мере, в XIX в. служили, скорее, в качестве ритуального оружия. То же, полагаю, можно сказать и о нуристанском наконечнике. Значительная коррозия не позволяет с уверенностью говорить об оформлении его каким-то другим металлом, но отверстия на боковых зубцах предполагают подвесы каких-то элементов оформления, что сразу переводит оружие в ранг церемониального. Такие же отверстия есть на наконечнике копья из среднеазиатской коллекции МАЭ № 2567-5, у которого сохранилось деревянное, расписанное красками древко. Нуристанское копье могло фигурировать во время ритуальных церемоний, посвященных богу войны Гишу, одному из наиболее почитаемых богов Кафиристана. В честь богов и для обеспечения милости демона Юши *кафиры* жгли костры, приносили в жертву быков и козлов, хлеб и т.д. Праздниками с жертвоприношениями отмечались аграрный и годичный циклы. Было распространено гадание, при котором ответ божества угадывался по движению подвешенного на пальце лука [Народы Передней Азии 1957: 147–148].

О военной культуре жителей Западного Нуристана оставляет сведения А.Л. Грюнберг, который в течение двух полевых сезонов 1963 и 1964 гг. работал в составе геологической партии в Центральном и Западном Нуристане и на южной границе Центрального Нуристана. Он замечает, что у *лемоча*, т.е. человека, убившего семь мужчин, всегда было изукрашенное копье, а также лук и колчан, стрелы в котором были смазаны ядом, и если они поражали человека, тот уже не мог остаться в живых. Лук был основным оружием *кафиров* (в коллекции МАЭ есть два лука, колчан и четыре стрелы). «У кого не было лука, отправлялся на войну с кинжалом, и им убивал врагов» [Грюнберг 1971: 275].

В коллекции МАЭ есть два почти одинаковых кинжала *кафиров* — № 6488-39 а, б (кат. № 49) и 6488-40 а, б (кат. № 50). Первый происходит еще из одного селения в долине реки Парун, Пашки, а второй, очень похожий на первый, при-

обретен уже на южной границе Нуристана в селе Гусалахе на нижнем Пече (Оп. колл. 3502). В образе этих кинжалов тоже соединяются иранские и индийские черты: в форме маленького и узкого почти прямого клинка просматриваются реминисценции иранского кинжального клинка, распространенного в XVI в., а в оформлении рукояти отчетливо видны традиции оправ индийских кинжалов. Однако именно это сочетание делает рассматриваемые кинжалы *кафиров* непохожими ни на один из известных иранских или индийских типов, хотя и высказывалось мнение, что все имеющееся в коллекции холодное оружие *нуристанцев* не местного происхождения, а изготовлено в ремесленных центрах где-либо в соседних регионах [Кисляков 1963: 125]. Аналогии этим кинжалам в других собраниях найти пока не удалось, поскольку оружие нуристанцев до сих пор практически не фигурировало в специальной литературе, и этот вопрос требует отдельного исследования.

Единственный топор из коллекции оружия *кафиров* № 6488-47 (кат. № 66) очень примечателен, поскольку представляет собой вариант, столь же особенный, как и рассмотренные выше кинжалы. Его клинок сделан в традиции клинков топоров, распространенных на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Индии, однако абсолютно точная аналогия форме мне неизвестна.

В коллекции Кунсткамеры из Нуристана происходит и, пожалуй, самый распространенный и хорошо известный вид клинкового оружия афганцев — *хайберский* нож (кат. № 51), названный так европейцами, потому что он был очень распространен в районе Хайберского перевала. В публикациях, касающихся афганского оружия, этим хорошо узнаваемым ножам-тесакам с широким и прямым клинком Т-образного сечения и небольшой рукоятью удобного хвата уделяется наибольшее внимание. Поскольку ни на ножнах, ни на рукояти нет возможности крепления, то можно сделать вывод о том, что их носили заложенными за пояс, что видно и по изобразительному материалу. *Хайберским* ножом были вооружены пешие воины [Анисимова 2013: 289] — основные военные силы афганской армии XIX в., правда, он не был в числе оружия регулярной пехоты, которая с 30-х годов этого столетия начала занимать все большее место в войсках Афганистана и к 70-м годам XIX в. была вооружена не только шашками, но уже и огнестрельным оружием, правда устаревшим [Ганковский, Полищук 1985:13]. *Хайберским* ножом пользовались различные афганские племена, и он был распространен на всей территории страны. *Хайбер* из Кунсткамеры довольно долго служил владельцам, скорее всего, разным, и подвергался ремонту.

Кроме оружия, распространенного в среде *кафиров*, в коллекции холодного оружия Афганистана МАЭ есть еще топоры и ножи. Топор № 3466-11 (кат. № 63), сохранившийся без древка — вариант очень распространенного в Иране (в XVIII в.) и в Средней Азии топора, который принято называть *табарзин*, о котором уже шла речь. Такие топоры есть в коллекциях многих музеев и частных собраний. Среди топоров из Средней Азии очень важен экземпляр, находящийся в коллекции ВИМАИВиВС [Анисимова 2013: 274–275], поскольку создавший его неизвестный мастер не только датировал свою работу 1329 г.х., т.е. 1911 г., но и указал, где топор был сделан (Хорезм), что встречается очень редко. Топор МАЭ, согласно данным первичной регистрации, «обычный горный

топор салонгских таджиков» (Оп. колл. 3466), т.е. таджиков, живущих в районе Салонгского перевала в горах Гиндукуша. Тем не менее, судя по оформлению, топор использовался не только как хозяйственное орудие, но и как оружие.

Топор № 3418-2 (кат. № 62) представляет собой тип, очень напоминающий уже упоминавшиеся топоры, известные по изображениям ордена *Ниматуллах*. Он дополнен сделанным в технике насечки латунию/золотом (?) изображением, похожим на щит или щиток герба, а также добавленными, очевидно, в ходе службы грубо гравированными образами птиц, расположенными друг против друга по аналогии с уже известными композициями на топорах № 2145-48 а, б, с (кат. № 53) и 2148-1 (кат. № 58), и небрежно выполненными надписями, в которых можно усматривать воззвания к имамам Али и Хусейну.

Ножей в коллекции афганского оружия МАЭ тоже два. Один из них, № 3520-53 а, б (кат. № 48) — обычный нож, который из-за своего короткого клинка использовался скорее как хозяйственный, чем боевой, и по данным описи, составленной со слов собирателя, представляет собой самый распространенный тип ножа у южных кочевников (Оп. колл. 3502).

Второй нож, № 2724-10 (кат. № 45), представляет уже культуру скорее городской, чем кочевническую. Этот нож по форме очень похож на иранский *кард* (کارد *kārd* — «нож»), только клинок у него длиннее, что свойственно в регионах, расположенных восточнее Ирана, таким как Средняя Азия и Афганистан, хотя и в Иране были ножи с длинным клинком, что видно и по изображениям на миниатюрах XVII в., и по материальным памятникам конца XVIII — начала XIX в. [Ювелирное искусство Востока 1985: 29]. Но у рукояти этого ножа выраженный затыльник, характерный для рукоятей и другого типа афганских и среднеазиатских ножей, — с небольшими «ушами», напоминающими ятаганные. Ятаган, судя по всему, был известен афганцам — свои *хайберские* ножи они называли *салавар ятаганами* [Анисимова 2013: 289]. В совокупности оба этих признака, а также клеймо на клинке в виде латинских букв, выдающих активное присутствие европейцев в культуре, позволяют рассматривать этот нож как афганский или среднеазиатский²⁸. Этот вариант ножа сохранил более архаичную форму рукояти, которая, судя по его изображениям на миниатюрах, была и у иранского *карда*, но упростилась до прямого среза в XVIII в. Как раз к началу этого столетия относится активное движение в Иран

²⁸ В литературе, касающейся вопросов иранского, среднеазиатского и афганского оружия, есть термин *karud*, которым обозначается и такой нож, но чаще нож другого типа — тоже с длинным клинком, массивным Т-образным обухом и выраженной пятой, служащей упором для руки при колющем ударе (см., напр.: [Tirri 2003: 211 и др.]). В персидском, афганском (пашто/пушту), узбекском, таджикском языках, равно как и в урду нет слова с такой нормативной фонетикой, и представляется, что это может быть либо искаженное от *kārd* (перс. «нож», пехл. *kart*, зенд *kareta*) с устраняющим зияние неустойчивым гласным «о» или «и» (тогда этот термин правомерно использовать при обозначении ножа любой формы), либо вариантом, пришедшим из хинди, где есть фонетически близкий термин *karauta* — «пила». Слово *kārd* в значении «нож» кроме персидского языка используется еще в афганском (пашто/пушту) языке. В таджикском языке это слово произносится как *корд*. В любом случае проблема терминологии, ее происхождения и использования требует отдельного историко-лингвистического исследования.

афганских войск, захвативших в 1722 г. большую его часть. В дальнейшем воинственные племена преимущественно афганцев продолжали составлять большую долю в иранской армии [Васильев 1994: 303, 305]. В этот же период *кард*, простой и одновременно элегантный в своей лаконичности, становится очень распространенным в среде иранцев, что видно и по изображениям, и по материальным памятникам.

Кард использовался и как предмет вооружения, и как обычный нож, носившийся подвешенным к поясу на ремешке, продетым через кольцо на ножнах, чаще всего слева. Самый ранний вариант рукояти *карда* исламского времени, хранящийся в сокровищнице Сан-Марко в Венеции, относится, как предполагают, к XII в., но большинство сохранившихся экземпляров — ко времени поздних Сефевидов [Alexander 1992: 142]. *Кард* занимал особое место в оружейной культуре иранцев. В самом конце XV столетия иранский автор Кашефи Сабзевари в своем сочинении *Футувват-наме-е султани* говорит, что *кард* был дан Джабраилом Адаму, чтобы использовать его при жертвоприношениях. Отсюда следует, что человек должен совершить омовение перед тем, как взять *кард*. Далее автор раскладывает название оружия по буквам, которые символизируют доброту (*каф*), добрые дела (*алиф*), чистый взгляд (*ро*), сочувствие (*даль*) [Khorasani 2006: 236]. В XVI в. *кард* не только был статусным символом аристократов, но и стал распространенным типом оружия среди нетитулованных особ, могущих позволить себе оружие. Во времена иранского шаха Исмаила (пр. 1501-1524) *карды* носили и *дервиши* [Khorasani 2006: 357].

В целом коллекция холодного оружия Ирана и Афганистана в МАЭ демонстрирует многие типы предметов вооружения, использовавшиеся разными народами как для боя, так и для церемониала.

Каталог холодного оружия народов Ирана и Афганистана

I. Сабли и сабельные приборы

39. Сабля (рис. 39а–г).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2723-1.

Поступление: передача из УТЧК, 1919 г.

Сталь, серебро; ковка, шлифовка, травление, насечка.

Длина клинка 78 см, ширина клинка у пяты 3,5 см, длина рукояти 16 см, длина крестовины 14,5 см.

Сабля со стальным, раздвоенным у острия клинком (рис. 39а). Значительный изгиб клинка позволяет отнести его к типу *шамшир*. Поверхность клинка с обеих сторон оформлена сплошным декором, основным элементом которого являются двенадцать сомкнутых картушей: шесть с погрудными изображениями мужчин и юношей в головных уборах разных видов (рис. 39б), и шесть — с имитирующими арабскую вязь надписями (рис. 39в). Картуши окружены растительным орнаментом с вплетенными в него изображениями птиц. Вдоль кромок расположена узкая полоса орнамента в виде двойной спирали. Декор выполнен в технике травления и дополнен серебряной насечкой.

Рис. 39а

Рис. 39б

Рис. 39в

Рис. 39г

Сплошное оформление поверхности клинка не было характерно для раннего иранского клинкового оружия, однако изображения заключенных в картуши персонажей встречаются на ножнах длинного иранского кинжала конца XVIII — начала XIX в. [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 29]. На основании этого можно предполагать, что использованная композиция демонстрирует попытку мастера создать подражание более ранним образцам. Об этом же говорит и выбор персонажей, в которых можно видеть либо изображения иранских аристократов, либо фантазийные портреты персонажей древней иранской истории, увлечение которой было характерно для каджарского Ирана в целом. Все это в совокупности позволяет датировать саблю временем около середины XIX в.

Стремление мастера к архаизации предмета подчеркнуто и его формой, а именно раздвоенностью клинка, что говорит о попытке подражания легендарному *зу-л-факару*, память о котором, равно как о его владельцах, пророке Мухаммаде и имаме Али, жива в шиитском Иране. Вместе с тем манера изображения персонажей европеизированная, что говорит о влиянии искусства Западной Европы. Кроме того, клинок еще оформлен технически довольно хорошо выполненной травлением имитацией надписи при известных читабельных надписях, содержащих возвания типа *as-sultān* и *as-sultān va as-sultan va al-qagān va al-qagān* (араб. «султан» и «султан и султан, хан и хан») на подобных саблях и прямых мечах похожего типа. Судя по коллекциям других музеев, на таких мечах встречается тот же декорирующий стиль и набор сюжетов [Khorasani 2006: 554, 558; Холодное оружие 2006: 186]. Форма рукояти рассматриваемой сабли тоже вторит рукоятям мечей: широкий черен с упрощенным трехчастным затыльником (рис. 39г). С обеих сторон она оформлена выполненным серебром геометрическим и растительным орнаментом и характерными для периода Каджаров стилизованными изображениями драконовидных существ, в которых узнается индийский *макара*, на завершениях загнутых к клинку дужках крестовины.

В целом качество и форма рассмотренного клинка, а также тип декора указывают на церемониальный характер сабли. Сохранность хорошая.

40. Сабля (а) с ножнами (б) (рис. 40а–з).

Иран, клинок — начало XIX в., рукоять — середина — вторая половина XIX в., ножны — начало XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2723-2 а, б.

Поступление: передача из УТЧК, 1919 г.

Сталь, бронза, латунь/золото (?), дерево, бархат; ковка, шлифовка, гравировка, оброн, инкрустация, насечка.

Длина клинка 76 см, ширина клинка у пяты 3,4 см, длина рукояти 13,5 см, длина крестовины 14, 3 см, длина ножен (предполагаемая) 80 см, ширина ножен у устья 6 см.

Сабля со слегка изогнутым клинком из светлой узорчатой стали (рис. 40а). Клинок снабжен елманью и долами. Рисунок долов довольно сложный — один длинный в центре клинка и три коротких у самого обуха. Между короткими долами в технике инкрустации латунью/золотом(?) нанесен геометрический

Рис. 40а

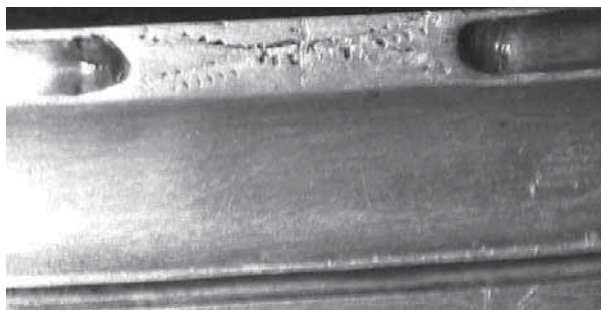

Рис. 40б

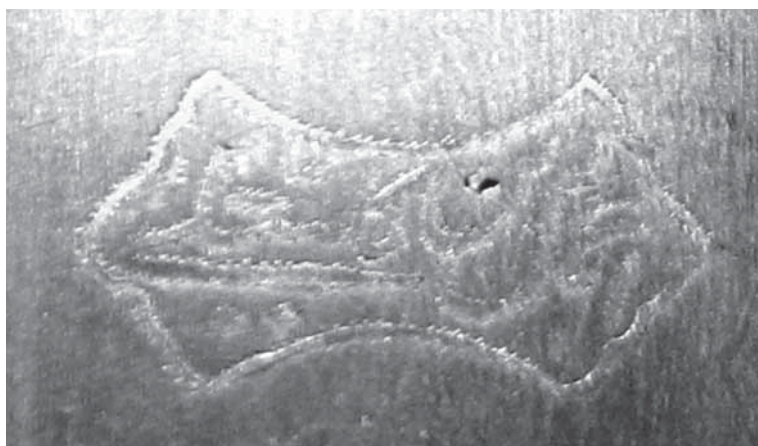

Рис. 40в

Рис. 40г

Рис. 40д

Рис. 40е

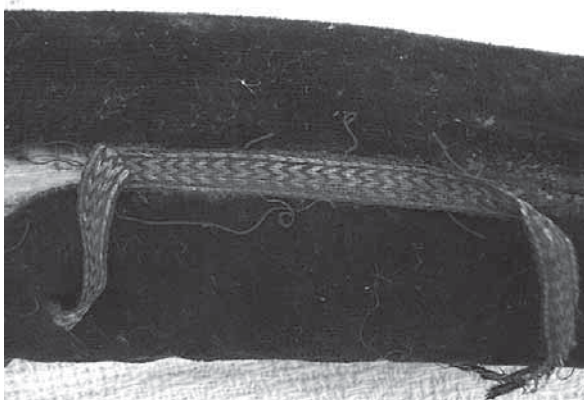

Рис. 40ж

Рис. 40з

крестовидный орнамент (рис. 40б). Абсолютно точной аналогии этому клинку найти пока не удалось, но в разных коллекциях мира есть похожие: сабельный клинок в коллекции Музея Виктории и Альберта (№ М 293-1976) [Elgood 1994: 21, 24], клинок в коллекции Фонда искусств *Фурусийа* [The Arts 2008: 53], клинок сабли из собрания Государственного Эрмитажа [Земное искусство — небесная красота 2000: 312–313], клинок сабли из частной коллекции [Восточное оружие 2013: 145].

В нижней части на лицевой стороне клинок оформлен выполненными в технике инкрустации двумя картушами разных форм со вписанными в них надписями арабской графикой. В удлиненном картуше, т.н. *турундж* написано по-арабски: عمل ابن كلبعلی *'amila ibn Kalb 'Ali* — «Сделал ибн Калб Али», т.е. сын известного оружейника XVII в. Калб-Али, который, в свою очередь, был сыном еще более известного и даже легендарного оружейника того же времени Асад-Аллаха Исфাহани (рис. 40в). Вторая надпись в округлом фестончатом картуше, форма которого (*bādāmi*) считалась шахской атрибутикой [Массон 1963: 92], содержит имя Насир ад-Дина-шаха Каджара: السلطان ناصر الدين شاه قاجار *As-sultān Nāṣir ad-Din-šāh Qājār*, что говорит о том, что этот медальон, а также первый (одна и та же техника, почерк и, следовательно, рука мастера) появились на клинке в период правления шаха Наср ад-Дина (рис. 40г). Возможно, тогда же он был и переоправлен, поскольку существующая сегодня рукоять, судя по технике исполнения, никак не могла принадлежать изначально боевому клинку — одному из лучших образцов ближневосточных сабельных клинков в собрании МАЭ.

Рукоять того же типа, что и у сабли № 2723-1 (кат. № 39). Состоит из двух стальных пластин, скрепленных очень ненадежно клейким составом белого цвета. Фигурный затыльник рукояти (рис. 40д) представляет собой упрощенную форму затыльника сабли типа *карабела*. Образцы таких сабель этого времени есть в музейных коллекциях [Khorasani 2006: 444]. Концы загнутых к клинку дужек крестовины, составляющей с рукоятью единое целое, оформлены в виде стилизованных голов драконовидного существа, как представляется, индийского *макара*, что стало широко распространенным явлением в иранской оружейной культуре времени правления династии Каджаров. Во времена Надир-шаха и правителей из династии Зендов такие рукояти тоже, кажется, существовали, если соглашаться с датировками сабель [Khorasani 2006: 484, 488–490, 496, 500], хранящихся в других коллекциях. Рукоять оформлена геометрическим орнаментом в виде ромбовидной сетки, зафиксированной на оправе холодного оружия еще в XVII в. (кинжал ГЭ № V3-737 [Иванов, Лукоцин, Смесова 1984: 28]), и вписанным в нее растительным орнаментом.

Тип рукояти, ее оформление сходны с рукоятью сабли № 2723-1 (кат. № 39) и свидетельствуют о том, что рассматриваемая сабля, как и сабля № 2723-1 (кат. № 39) использовалась в конце концов в качестве церемониальной.

Ножны сабли, судя по всему, оригинальные, но сохранились плохо. Они деревянные, обтянуты синим бархатом (рис. 40е); с оборотной стороны шов закрыт декоративной тесьмой (рис. 40ж). Обоймицы, выполненные из бронзы/латуни/золоченой стали (?), с обеих сторон декорированы заключенной в фигурный картуш «сценой терзания» орлом утки (рис. 40з), исполненной в технике оброна и гравировки. Скорее всего, первоначальная оправка сабли была исполнена в той же манере, и примеры этому есть в других коллекциях [Khorasani 2006: 427]. Этот мотив в очень похожей стилистике, в окружении растительного орнамента, встречается на обоймицах и гардах сабель времени правления династии Сефевидов, искусство которой стремились возродить Каджары.

Сохранность сабли хорошая, хотя рукоять треснула по продольному шву, а ножен — плохая: наконечник обломан, ткань разорвана.

41. Ножны (рис. 41а–г).

Иран, Кавказ. Середина XIX в.

Иранцы, черкесы.

Инв. № 3033-16.

Поступление: передача из Пушкинского дома (коллекция С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Дерево, кожа, сталь, латунь/золото (?); резьба, ковка, насечка, травление (?), тиснение.

Длина ножен 87,3 см, ширина у устья 5,5 см.

Ножны деревянные (рис. 41а), обтянуты черной шагреновой кожей с тисненым геометрически-растительным орнаментом (рис. 41б). Ножны снабжены стальными обоймицами и фигурным стальным наконечником. Форма ножен, характерная для иранских сабель типа *шамшир*, обоймиц и орнамент на них говорят об иранской работе (по атрибуции А.А. Автономова, ножны персидские (Оп. колл. 3033). В форме наконечника, равно как и в трактовке раститель-

Рис. 41а

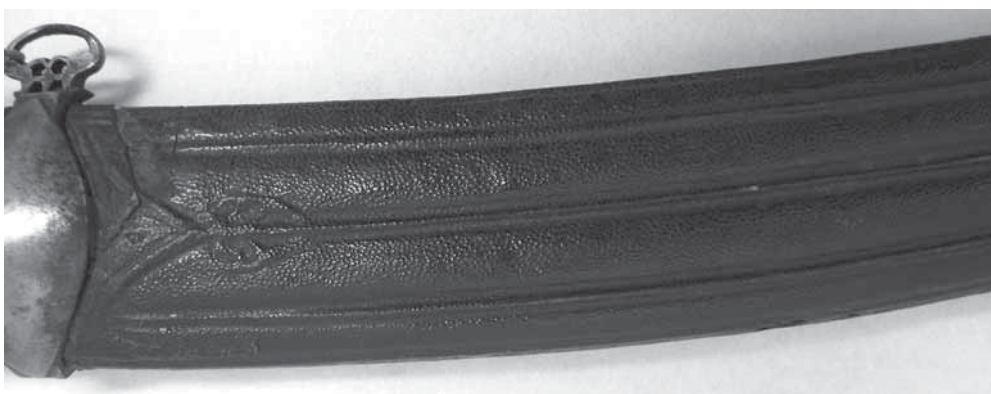

Рис. 41б

Рис. 41в

Рис. 41г

ного орнамента, просматривается кавказское (черкесское) влияние (рис. 41в). В орнаменте присутствует один из наиболее древних элементов черкесской орнаментики — стилизованное изображение бараньего рога. В изделиях XIX в. он представляет собой закрученные в разные стороны спирали с утолщением в виде точки на конце [Аствацатурян 2004: 38]. По технике исполнения оформление обоймиц и наконечника тоже отличается. Декор наконечника выполнен в технике травления (?) и дополнен латуњью/золотом (?) в технике насечки. Обоймицы с обеих сторон декорированы только в технике насечки латуњью/золотом (?). Декор представляет собой растительный орнамент, расположенный по периметру и в центральном картуше (картуш сохранился только на обратной стороне одной обоймицы) (рис. 41г). Таким образом, ножны были выполнены в Иране, скорее, около середины XIX в., а потом попали на Кавказ, где для них был сделан новый наконечник. Сохранность в целом хорошая, хотя орнамент на обоймицах почти полностью стерт.

42. Сабля *тальвар* (а) с ножами (б) (рис. 42а–д).

Афганистан, XIX в.

Афганцы.

Инв. № 3502-55 а, б.

Поступление: из коллекции Д.Д. Букинича (покупка), не позднее 1927 г.

Сталь, дерево, кожа, шерсть; ковка, шлифовка, полировка, гравировка, резьба.

Длина клинка 70 см, ширина клинка у пяты 3 см, длина рукояти 17 см, длина перекрестья 10 см, длина ножен 77 см, ширина ножен у устья 5 см.

Рис. 42а

Рис. 42б

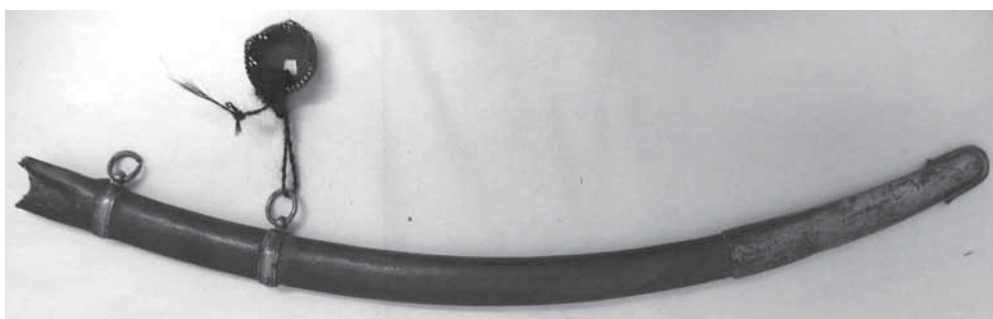

Рис. 42в

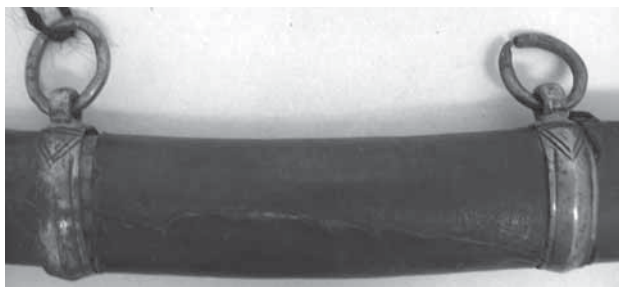

Рис. 42г

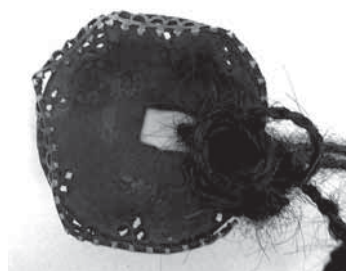

Рис. 42д

Сабля с клинком из светлой полированной стали с двумя ребрами жесткости (рис. 42а). Форма и размеры клинка определяют тип сабли — *тальвар*, который был очень распространен на территории Индии и сопредельных стран. Рукоять выполнена из металла, тоже в подражание индийским традициям, но по форме дужек крестовины она отличается даже от северо-индийских сабель, что и дает возможность локализовать эту саблю территорией Афганистана, откуда она и попала в коллекцию Д.Д. Букинича (Оп. колл. 3502). Рукоять (кроме затыльника и навершия) сделана из цельного стального бруска (рис. 42б). Дужки перекрестья фигурные, заклепка для крепления рукояти к клинку обрамлена фестончатой розеткой. Затыльник в виде диска и конусовидное навершие рукояти (с отверстием для крепления темляка или декоративной подвески) тоже свидетельствуют об индийском влиянии.

Ножны (рис. 42в) деревянные, обтянуты коричневой кожей, со стальным наконечником, снабжены башмаком — признак европейского влияния. На устье сделана выемка для нижнего конца перекрестья. Узкие обоймицы декорированы простым геометрическим гравированным орнаментом (рис. 42г). К нижней обоймице на шерстяном крученом шнурке подвешена половина составной стальной шаровидной емкости с многочисленными фигурными отверстиями (рис. 42д). Вторая половина утрачена.

Сохранность сабли и ножен в целом хорошая, несмотря на утраты и смещение обоймиц на ножах, а также коррозию на клинке.

43. Сабля *пулуар* (а) с ножнами (б) (рис. 43а–д).

Афганистан, XIX в. Афганцы.

Инв. № 3502-56 а, б.

Поступление: из коллекции Д.Д. Букинича (покупка), не позднее 1927 г.

Сталь, латунь/золото (?), дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, насечка, гравировка.

Длина клинка 87 см, ширина клинка у пяты 3 см, длина рукояти 19 см, длина ножен 94,5 см, ширина ножен у устья 5 см.

Эта сабля — пример традиционной афганской сабли, т.н. *пулуар*, которая определяется в первую очередь формой рукояти с загнутыми к клинку дужками креста. Аналогии для рукояти известны (см., напр.: [Tirfi 2003: 248]). Клинок незначительной кривизны сделан из светлой полированной стали (рис. 43а),

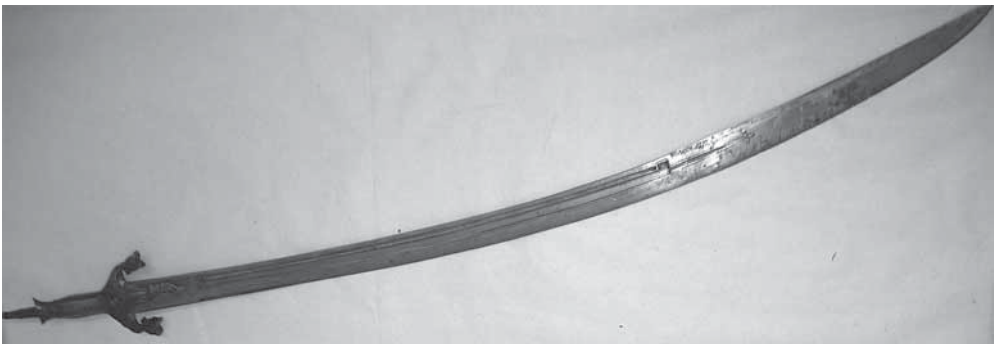

Рис. 43а

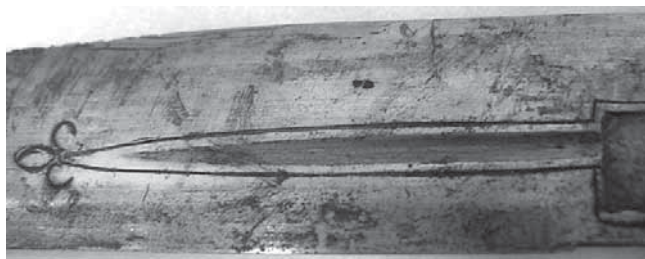

Рис. 436

Рис. 43в

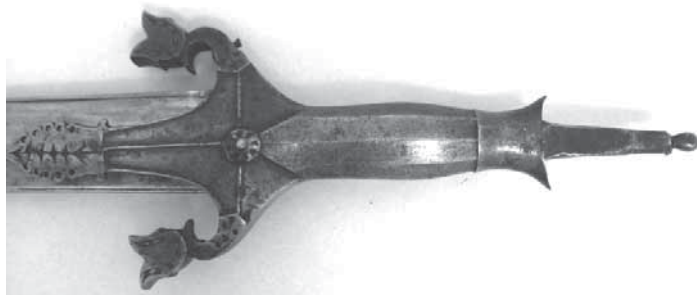

Рис. 43г

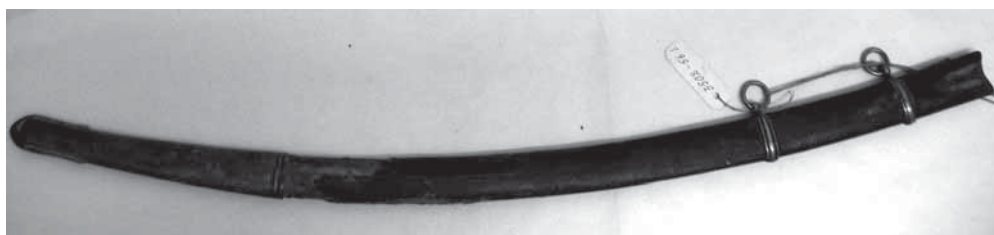

Рис. 43д

снабжен долами (широким и узким) и небольшим расширением в верхней трети, напоминающим елмань. Завершение довольно сложных по рисунку долов акцентировано линейным гравированным орнаментом, завершающимся розеткой (рис. 436). Полную аналогию клинку с таким рисунком долов найти не удалось, но в частной коллекции С. Кузнецова есть сабли, клинки которых в верхней трети тоже откованы с долами, причем одна из них со сложным их сочетанием, а вторая оправлена в рукоять *пулуара* [Восточное оружие 2013: 234–235, 159]. Рукоять рассматриваемой сабли выполнена из стального бруска, верхняя часть утрачена. Сохранившаяся часть оформлена фигурной гардой и розеткой вокруг заклепки, закрепляющей рукоять на хвостовике клинка (рис. 43в). Нижняя часть перекрестья исполнена в форме полумедальона, дополненного гравированными орнаментальными мотивами. Завершения декорированных гравировкой дужек крестовины оформлены в форме «ласточкиного хвоста», в котором с трудом угадывается широко распространенная в XIX в. в орнаментике иранского оружия стилизованная голова драконовидного существа, как представляется, индийского *макара*, что и позволяет датировать рас-

смаатриваемую саблю этим периодом (рис. 43г). Навершие рукояти каплевидной формы, сфера утрачена (аналогия см.: [Анисимова 2013: 290–291]).

Ножны деревянные, обтянуты коричневой кожей, снабжены стальной накладкой на конце и узкими обоймицами (рис. 43д). Сходны с ножнами № 3502-556 (кат. № 42).

Сохранность и сабли, и ножен в целом хорошая, несмотря на утраты на рукояти и царапины на клинке.

44. Сабля *пулуар* (а) с ножнами (б) (рис. 44а–ж).

Афганистан, область Читрал, XIX в.

Кафиры.

Инв. № 6488-42 а, б.

Поступление: из Датского национального музея, март 1962 г.

Сталь, латунь(?), дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, гравировка.

Длина клинка 67 см, ширина клинка у пяты 2,8 см, длина рукояти 18 см, длина ножен 67 см, ширина ножен около 5 см²⁹.

Рис. 44а

Рис. 44б

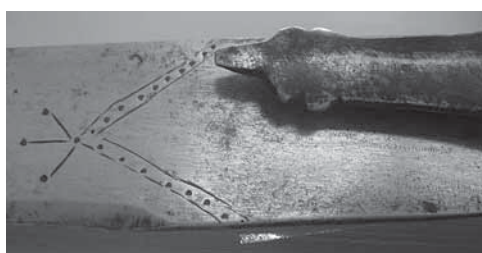

Рис. 44в

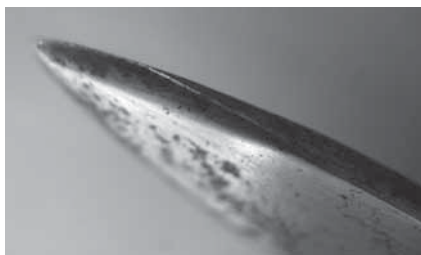

Рис. 44г

Рис. 44д

²⁹ Точно ширину ножен измерить невозможно из-за их ветхости.

Рис. 44е

Рис. 44ж

Это второй пример классической афганской сабли типа *пулуар* (рис. 44а). Ее выкованный из простой стали клинок с обеих сторон у пяты оформлен гравированными растительно-геометрическими орнаментами (рис. 44б, 44в). Острие сабли заточено в виде штыка (рис. 44г). Рукоять стальная (рис. 44д), с навершием в виде корзины и стержня. В завершениях дужек креста (рис. 44е) образы *макара* узнаются с большим трудом. Еще один элемент оформления рукояти — сделанная из латуни (?) фигурная заклепка в виде цветочной розетки, при помощи которой клинок удерживается в полый рукояти, сделанной в целом кустарно и очень небрежно. Латунное оформление есть и на черене рукояти.

Ножны (рис. 44ж) сабли выполнены из дерева и обтянуты кожей разного качества, что позволяет говорить о ремонте.

Сохранность сабли хорошая, хотя есть следы либо ремонта, либо попытки устранить брак на рукояти, а ножен — очень плохая: каркас обломан у устья и наконечника, кожа разорвана.

II. Кинжалы и ножи

45. Нож *кард* (рис. 45а–д).

Афганистан, Средняя Азия (?), вторая половина XIX в.

Афганцы, народы Средней Азии (?).

Инв. № 2724-10.

Поступление: передача из УТЧК, 1919 г.

Сталь, кость (слоновая/моржовая?); ковка, шлифовка, полировка, штамп.

Длина клинка 48 см, ширина клинка у пяты 3,4 см, длина рукояти 14,3 см, длина «ушей» 3 см.

Рис. 45а

Рис. 45б

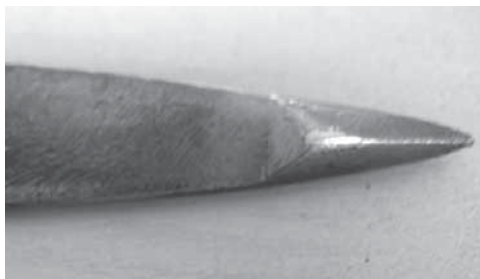

Рис. 45в

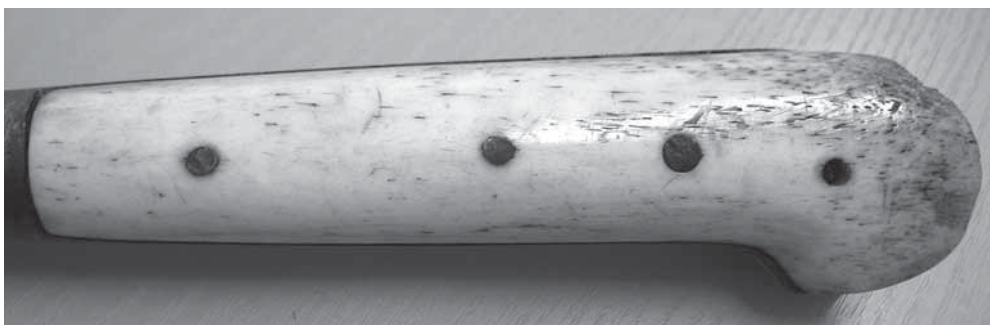

Рис. 45г

Рис. 45д

Нож такого типа с узким клинком и небольшой рукоятью (рис. 45а) обычно определяется как *kārd* (кард). Клинок этого ножа довольно длинный, что заставляет считать местом его создания районы Средней Азии или Афганистана, где клинковое оружие ковалось чаще с длинным клинком. Он сделан из простой стали серого цвета и промаркирован клеймом (рис. 45б) в виде латинских букв (войсковое клеймо (?), аналогии неизвестны), свидетельствующим в пользу создания этого клинка в середине — второй половине XIX в., времени активной

деятельности европейских, в частности британских, войск в регионе. Наконечник клинка усилен (рис. 45в), что традиционно для ножей такой формы, тогда как заточка не сохранилась. Рукоять сделана из кости (слоновой/моржовой?) (рис. 45г) с небольшими «ушами», напоминающими ятаганные (рис. 45д). Сохранность не очень хорошая: многочисленные царапины и легкая коррозия на клинке, на рукояти один гвоздь утрачен и еще один выпадает.

46. Кинжал (а) с ножами (б) (рис. 46а–в).

Иран, кинжал — первая половина — середина XIX в., ножи — вторая половина — конец XIX в.

Иранцы.

Инв. № 3033-19 а, б.

Поступление: передача из Пушкинского дома (коллекция С.С. Абамелек-Лазарева), 1924 г.

Сталь, кость, дерево, медь, эмали; ковка, шлифовка, полировка, эмалирование, резьба.

Общая длина кинжала 34 см, длина клинка 23 см, ширина клинка у пяты 4 см, длина рукояти 11 см, длина ножен 26,5 см, ширина ножен у устья 5 см.

Рис. 46а

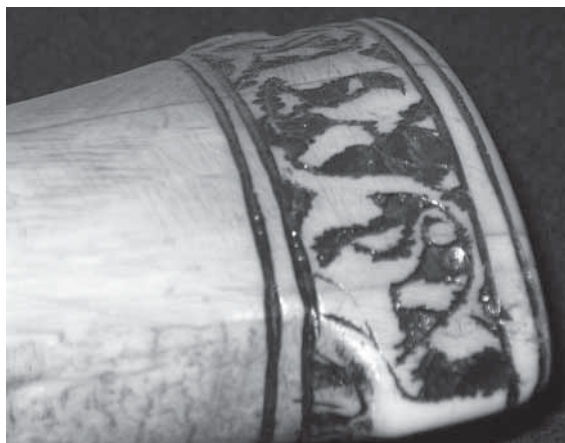

Рис. 46б

Рис. 46в

Кинжал иранский, с клинком, развившимся под влиянием клинка арабского типа, определяемый как *ханджар* (*khanjar*) (рис. 46а). Обоюдоострый клинок, откованный из обычной стали, снабжен ребром жесткости, которое расположено по центру и вдоль всей длины клинка. Рукоять из желтоватой (моржовой?) кости, орнаментирована резьбой, фон которой окрашен черной краской (рис. 46б). Орнамент растительный, с характерными удлиненными лепестками, похожими на завершения дужек крестов сабель и мечей XIX в. Материал рукояти и довольно сложная по технике исполнения резьба (особенно в случае твердой моржовой кости) позволяют связывать его с городской культурой, тогда как характер орнамента, качество его исполнения дают возможность датировать кинжал первой половиной — серединой XIX в. Аналогии многочисленны (см., напр.: [Tirgi 2003: 208–209 и др.]).

Более поздние по времени создания ножны (рис. 46в) тоже тяготеют к церемониальной сфере городской культуры. Они выполнены из дерева и обложены медной пластиной, орнаментированной в технике выемчатой и расписной эмали разных цветов. Не слишком высокое качество работы заставляет относить создание ножен ко второй половине — концу XIX в.

Сохранность кинжала и ножен в целом хорошая, хотя рукоять кинжала обломана, а на конце ножен есть сколы эмали.

47. Кинжал (а) с ножнами (б) (рис. 47а–е).

Иран, XIX в.

Иранцы.

Инв. № 3477-1 а, б.

Поступление: покупка у В.К. Клещинского, 1927 г.

Сталь, латунь/золото(?), серебро; ковка, шлифовка, полировка, насечка.

Длина клинка 42,5 см, ширина клинка у пяты 5 см, длина ножен 33,2 см, ширина ножен у устья 6 см.

Рис. 47а

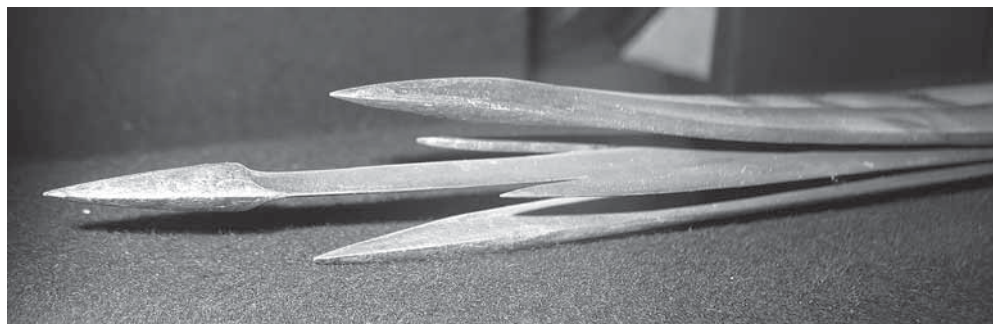

Рис. 47б

Рис. 47в

Рис. 47г

Рис. 47д

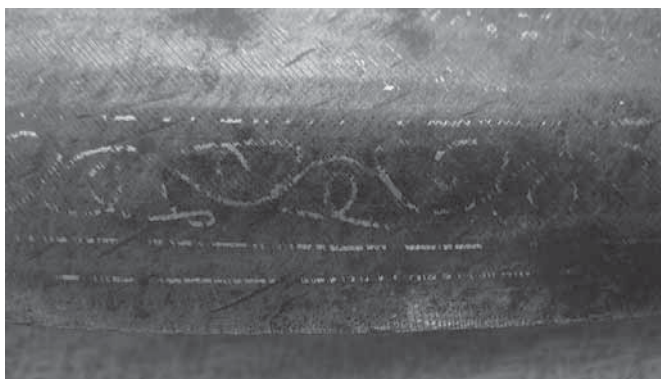

Рис. 47е

Кинжал со стальным, слабо изогнутым клинком (рис. 47а), ширина и центральное ребро которого позволяют отнести его тоже к типу *ханджар* (*khanjar*). В верхней трети клинок, снабженный двумя широкими ребрами жесткости в центре, распадается на пять частей (рис. 47б). Острия трех клинков усилены. Кинжал не заточен, но оформлен у пяты стилизованным растительным орнаментом, исполненным серебром и латуной/золотом (?) в технике насечки (рис. 47в). Стальная рукоять I-образной формы (рис. 47г) с довольно массивным затыльником, в которой клинок закреплен всадным способом при помощи связующего состава, тоже дополнена сделанным в технике насечки латуной/золотом (?) растительно-геометрическим орнаментом. Аналогии многочисленны (см., напр.: [Холодное оружие 2006: 174–178]).

Ножны металлические (рис. 47д), также были орнаментированы серебряной насечкой, сегодня почти полностью стертой (рис. 47е).

Сохранность кинжала в целом хорошая.

48. Нож (а) с ножнами (б) (рис. 48 а, б).

Афганистан, XIX в.

Афганцы.

Инв. № 3502-53 а, б.

Поступление: из коллекции Д.Д. Букинича (покупка), не позже 1927 г.

Сталь, рог (?), дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, шитье.

Длина клинка 19 см, ширина клинка у пяты 4,1 см, длина ножен 19,5 см, ширина ножен у устья 5 см, длина петли 12,5 см.

Рис. 48а

Рис. 48б

Нож со стальным скошенным у острия клинком (рис. 48а). Рукоять роговая (?), темно-коричневого цвета.

Ножны из черной кожи, декорированные тремя черными полосами, с ремненной петлей сверху (рис. 48б).

49. Кинжал (а) с ножнами (б) (рис. 49а–е).

Афганистан, Нуристан, XIX в.

Кафиры.

Инв. № 6488-39 а, б.

Поступление: из Датского национального музея, март 1962 г.

Сталь, бронза/латунь (?), дерево, кожа; ковка, шлифовка, полировка, литье, плетение.

Общая длина 30,1 см, длина клинка 19,6 см, ширина клинка у пяты 2,5 см, длина рукояти 10,2 см, длина верхней дужки 8,8 см, длина нижней дужки 8,7 см, длина ножен 23,2 см, ширина ножен у устья 3,7 см.

Кинжал (рис. 49а) представляет собой тип, свойственный, как представляется, жителям областей Восточного Гиндукуша, т.н. *кафирам*. Клинок кинжала (рис. 49б) узкий и короткий, почти прямой, выкован из простой стали и снабжен центральным неглубоким долом на лицевой стороне, двумя более глубокими на оборотной и одним небольшим у обуха (рис. 49в). Пята клинка обложена двумя откованными отдельно стальными пластинами (рис. 49г), к которым клинок

Рис. 49а

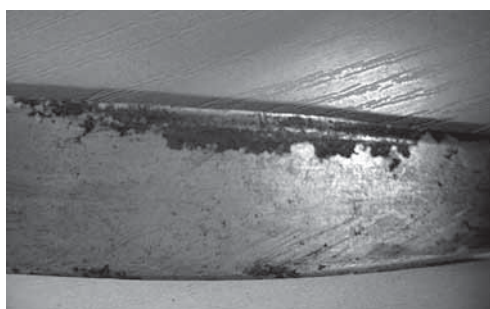

Рис. 49б

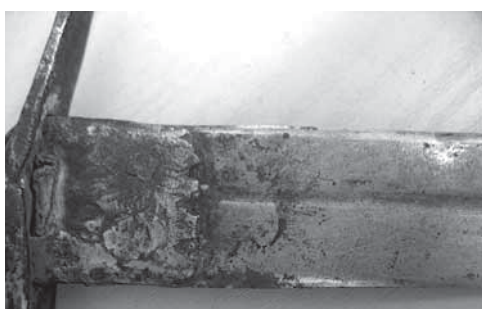

Рис. 49в

Рис. 49г

Рис. 49д

Рис. 49е

прикреплен заклепками. Края пластин оформлены зубцами. Клинок укреплен в рукояти всадным способом. Литая рукоять (рис. 49д) очень узкая, черен ее оформлен в центре утолщением в виде ромба, сверху и снизу окруженным уплощенными сферами. Навершие исполнено в форме треугольника, нижняя сторона которого по длине соответствует дужкам крестовины. На рукояти видны следы оформления другим металлом (латунью?). Аналогия — кинжал с ножами № 6488-40 а, б (кат. № 50).

Ножны кинжала (рис. 49а) состоят из двух деревянных пластин, закрепленных в стальном каркасе, оставляющем открытой оборотную пластину (рис. 49е). У устья с лицевой стороны ножны обложены бронзовой/латунной (?) полосой с вычеканенным грубым ромбическим орнаментом (рис. 49а). Конец ножен оформлен бутеролью в виде небольшого шара. С оборотной стороны к ножнам прикреплен ремень из плетеной кожи, продетый через две скобы, расположенные у устья. К верхней скобе прицеплен еще один тонкий кожаный ремешок.

Сохранность кинжала и ножен не очень хорошая. На клинке многочисленные очаги коррозии, он неплотно держится в рукояти, равно как и пластины ножен в стальном каркасе.

50. Кинжал (а) с ножами (б) (рис. 50а–г).

Афганистан, Нуристан, XIX в.

Кафиры.

Инв. № 6488-40 а, б.

Поступление: из Датского национального музея, март 1962 г.

Сталь, бронза/латунь (?), дерево, нити; ковка, шлифовка, полировка, литье, вязание.

Общая длина 29 см, длина клинка 16,8 см, ширина клинка у пяты 3 см, длина дужки нижней 11,5 см, длина дужки верхней 11 см, длина рукояти 11,5 см, длина ножен 20 см, ширина ножен у устья 3,3 см.

Рис. 50а

Рис. 50б

Рис. 50в

Рис. 50г

Кинжал (рис. 50а) аналогичен № 6488-39 а, б (кат. № 49). У этого кинжала, правда, чуть более короткий клинок, более простой формы черен рукояти, но при этом более яркое оформление. Оформление коснулось только рукояти, центральная часть навершия которой дополнена симметричным геометрическим орнаментом (рис. 50б), а концы дужек креста — бронзовыми/латунными (?) заклепками в виде розеток (рис. 50в). Заклепка на черене рукояти тоже обведена этим же металлом (рис. 50б).

Ножны (рис. 50а) такие же, как у № 6488-39 а, б (кат. № 49), только вместо ремня с оборотной стороны закреплена петля из связанных в тесемку нитей синего цвета (рис. 50г).

Сохранность этого кинжала так же плоха, как и у предыдущего, — клинок закреплен непрочно, ножны распадаются на детали.

51. Нож *хайбер* (а) с ножнами (б) и заглушкой (в) (рис. 51а–ж).

Афганистан, XIX в.

Афганцы, в том числе *кафиры*.

Инв. № 6488-41 а, б, в.

Поступление: из Датского национального музея, март 1962 г.

Сталь, бронза/латунь (?), кость, дерево, кожа, ткань, нити; ковка, шлифовка, полировка, литье, ткачество, вязание.

Длина меча 61,5 см, длина клинка 49 см, длина рукояти 12 см, ширина рукояти 3 см, наибольшая ширина клинка 4,6 см, длина ножен 59 см, ширина ножен у устья 6 см, длина заглушки 4,6 см, длина накладки 19,5 см, наибольшая ширина заглушки 2,5 см.

Рис. 51а

Рис. 51б

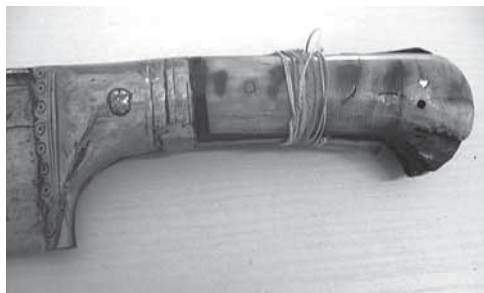

Рис. 51в

Рис. 51г

Рис. 51д

Рис. 51е

Рис. 51ж

Этот нож (рис. 51а) — пример т.н. *хайберского* ножа в коллекции МАЭ. Его широкий массивный прямой клинок (рис. 51б) откован из обычной стали и снабжен широким обухом, который позволяет уменьшить толщину клинка и, следовательно, его вес. Клинок оправлен рукоятью (рис. 51в, 51г), закрепленной на хвостовике четырьмя гвоздями. Рукоять состоит из разных по цвету материала щечек: одна — из светлой кости (рис. 51в), другая — из темной (рис. 51г), что выдает ремонт, видимо, уже в среде *кафиров/нуристанцев*, равно как в их среде на клинке появилась довольно грубая гравировка. Между щечками рукояти, посаженными на связующий состав, проложен традиционный латунный/бронзовый (?) больстер, а у основания их скрепляет обоймица, закрывающая и пятую клинка. У пяты обоймица оформлена гравированным орнаментом в виде кругов с точкой по центру (рис. 51в), который характерен для Хорасана. Такой же орнамент есть и на больстере (рис. 51д). Аналогии многочисленны (см., напр.: [Анисимова 2013: 290–293; Tirri 2003: 242–244 и др.]).

Ножны (рис. 51е) сделаны из деревянных пластин, обтянуты кожей коричневого цвета и усилены на конце металлической накладкой. Над накладкой они дополнительно обтянуты тканью белого цвета. На ножнах закреплена тесьма, сплетенная из нитей коричневого и белого цветов. Клинок входит в ножны не очень глубоко, оставляя рукоять открытой (рис. 51ж), что нетрадиционно для ножей такого типа, а следовательно, можно предположить, что ножны сделаны уже в среде *кафиров/нуристанцев*. Этот вывод подтверждает и заглушка, фиксирующая клинок в ножнах, которая нетипична для таких ножей.

Сохранность ножен и, особенно, ножа плохая. У ножа многочисленные очаги коррозии и царапины на клинке, одна из щечек рукояти обломана, связующий состав разошелся, больстер выпадает.

III. Ударное оружие

52. Пернат (рис. 52).

Иран, XIX в.

Иранцы.

Инв. № 5113-6.

Поступление: из коллекции М.Б. Крицьяна, 1934 г.

Сталь, серебро; ковка, насечка.

Общая длина 45 см, длина перьев 10 см.

Рис. 52

Пернат стальной, с витым древком (рис. 52). Древко декорировано геометрическим орнаментом в технике насечки серебром. На расстоянии 8 см от конца древка — отверстие, в которое продет тонкий шнурок.

IV. Топоры, оружие дервишей

53. Топор (рис. 53а–д).

Иран, первая половина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2145-48 а, б, с.

Поступление: из коллекции В.А. Иванова (покупка), сентябрь 1913 г.

Сталь; ковка, оброн.

Длина рукояти с навершием 64,5 см, ширина клинка 11,2 см, длина навершия 7 см.

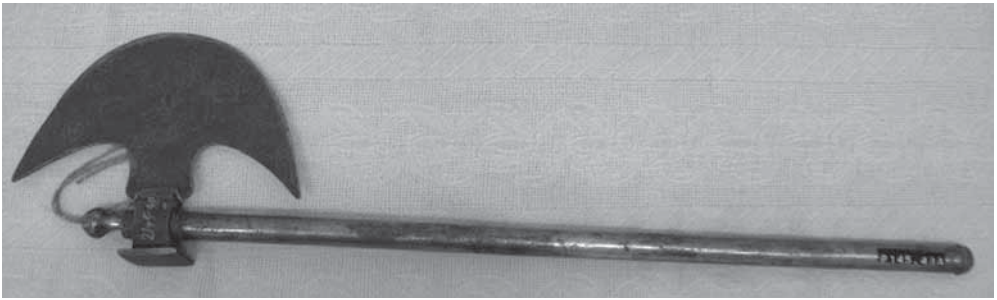

Рис. 53а

Рис. 53б

Рис. 53в

Рис. 53г

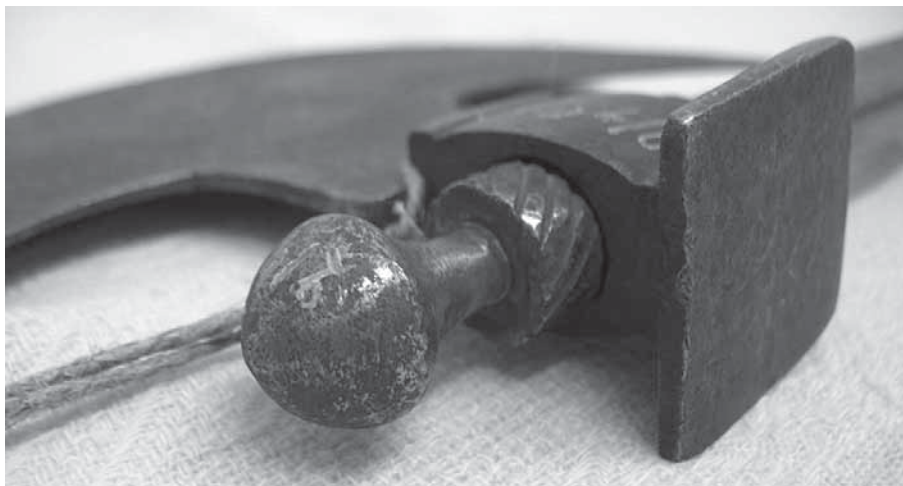

Рис. 71д

Стальной топор состоит из клинка, навершия и рукояти (рис. 53а). Клинок в форме полумесяца декорирован с обеих сторон по всей плоскости (рис. 53б). Аналогии топорам такой формы многочисленны (см., напр.: [Khorasani 2006: 332, 662, Artisans 2010: 171–172]). Оформление, выполненное в технике оброна, состоит из изображений двух львов, стоящих друг напротив друга с развернутыми назад головами. В передней лапе, поднятой вверх, они держат пальметту, от которой расходятся побеги стилизованного растительного орнамента, служащего фоном для всей композиции. Над головами львов изображена корона с тремя джиками (на другой стороне джика отсутствуют) (рис. 53в), абрис которой напоминает короны каджарских шахов. На одной стороне клинка в одном из углов есть изображение птицы, отсутствующее на другой стороне (рис. 53г), что, равно как и различия в форме короны, позволяет говорить о том, что у топора есть лицевая и обратная стороны.

Рукоять топора полая, навершие сферической формы, обух в форме почти правильного квадрата (рис. 53д). Трактовка растительного орнамента, сходная с орнаментом на других предметах прикладного искусства XIX в. (например, изразцах или металлических предметах [Иран в Эрмитаже 2004: 128, 156]), изображения львов, ставшие очень распространенными в период правления Каджаров, а также форма короны, позволяют датировать топор первой половиной XIX в. В описи топор обозначен как *табарзин* — перс. «приседельный топор» (Оп. колл. 2145), причем оформление указывает на его церемониальный характер. Сохранность хорошая, но есть поверхностная коррозия.

54. Топор (без рукояти) (рис. 54 а, б).

Иран, вторая половина — конец XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2145-49.

Поступление: из коллекции В.А. Иванова (покупка), 1927 г.

Сталь; ковка.

Ширина топора 10 см.

Рис. 54а

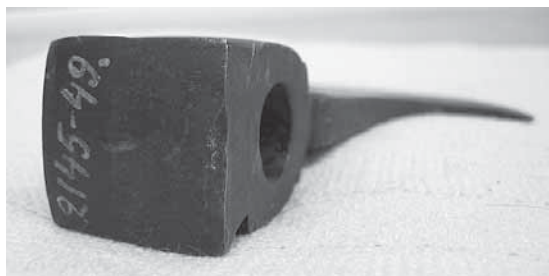

Рис. 54б

Небольшой стальной топор без рукояти (рис. 54а). Обух почти правильной квадратной формы (рис. 54б). Оформление отсутствует. В описи сказано, что «он надевается на палку в полтора аршина» (Оп. колл. 2145).

Сохранность в целом хорошая, хотя есть поверхностная и очаговая коррозия.

55. Топор (рис. 55а–в).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2436-128.

Поступление: из коллекции А.А. Ромаскевича, 1914–1915 гг.

Сталь, серебро; ковка, оброн, насечка.

Ширина клинка 10 см, длина рукояти с навершием 70 см.

Стальной двухклинковый топор состоит из двух клинков, навершия и рукояти (рис. 55а). Клинки оформлены одинаковым растительно-геометрическим орнаментом с фигурным картушем в центре, дополненным насечкой серебром (рис. 55б). Навершие в форме узкой четырехгранной пирамиды, напоминающей наконечник копья, также оформлено серебром в технике насечки, образующим спиралевидный орнамент (рис. 55в).

Рукоять полая, без оформления. По форме топор напоминает № 2145-48 а, б, с (кат. № 53) и, следовательно, тоже может называться *табарзин*. Судя же по вполне деликатному исполнению и трактовке орнамента, топор выполнен

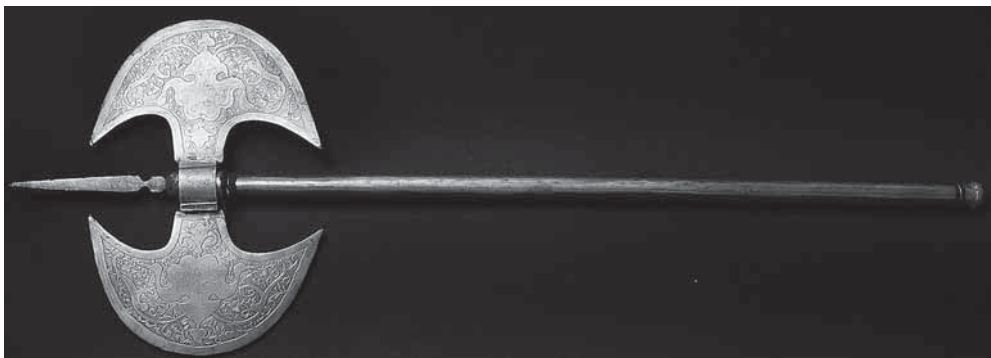

Рис. 55а

Рис. 55б

Рис. 55в

в период около середины XIX в. Этот экземпляр, как и № 2145-48 а, б, с (кат. № 53), представляет собой церемониальное оружие.

Сохранность хорошая, но насечка местами стерлась.

56. Топор (рис. 56а-г).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2436-129.

Поступление: из коллекции А.А. Ромаскевича, 1914–1915 гг.

Сталь, серебро; ковка, оброн, насечка.

Общая длина с навершием 71,3 см, ширина клинка 11 см.

Стальной топор, состоит из клинка, рукояти и навершия (рис. 56а). Клинок с обеих сторон оформлен исполненным в технике оброна растительно-цветочным орнаментом с центральной розеткой и дополнен серебром в технике насечки (рис. 56б). Навершие топора отковано в виде четырехгранной пирамиды, на каждую из граней которой нанесен спиралевидный орнамент, тоже выпол-

Рис. 56а

Рис. 56б

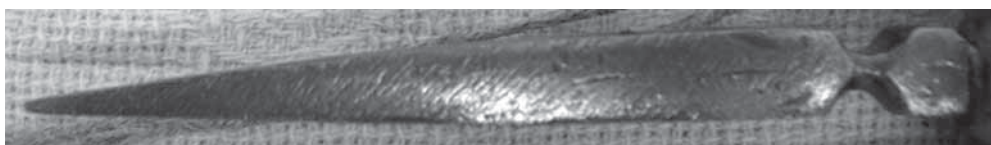

Рис. 56в

Рис. 56г

ненный из серебра в технике насечки (рис. 56в). Рукоять топора полая, обух в форме правильного квадрата также оформлен геометрическим орнаментом в технике насечки серебром (рис. 56г). Этот топор по форме и по оформлению очень похож на № 2436-128 (кат. № 55), что позволяет считать их работой одной мастерской или даже одного мастера, работавшего примерно в середине XIX в. Сохранность хорошая, но насечка местами стерлась.

57. Топор (рис. 57а–е).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2436-130.

Поступление: из коллекции А.А. Ромаскевича, 1914–1915 гг.

Сталь, серебро, латунь/золото(?); ковка, оброн, насечка.

Общая длина с навершием 73,4 см, ширина клинка 11,2 см.

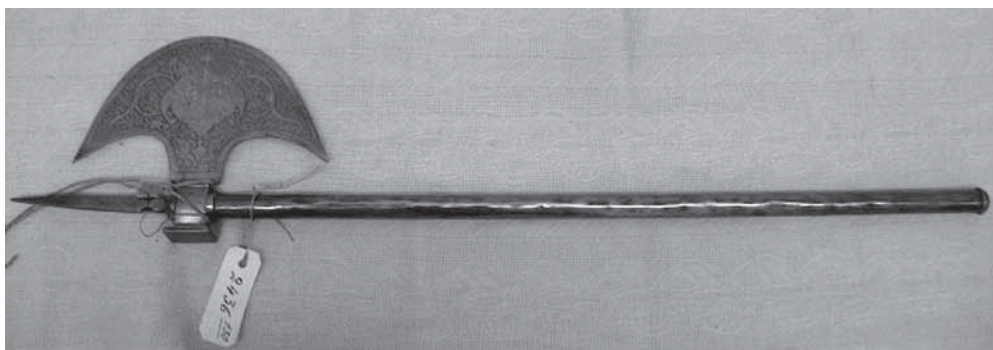

Рис. 57а

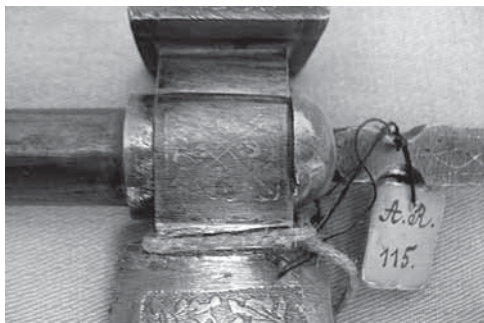

Рис. 57б

Рис. 57в

Рис. 57г

Рис. 57д

Рис. 57е

Стальной топор состоит из клинка, рукояти и навершия (рис. 57а). На нем сохранился ярлычок с надписью — А.Р.115 (рис. 57б). Латинские буквы — это начальные буквы имени и фамилии собирателя, число же, видимо, определяет номер топора в коллекции вещей, собранных А.А. Ромаскевичем в разных городах Ирана. Клинок топора с обеих сторон оформлен одинаковым растительным орнаментом с центральной розеткой, исполненным в технике оброна и дополненным насечкой (видны следы насечения) серебром (рис. 57в). По стилистике и композиции орнамент похож на декор топоров № 2436-128, 2436-129 (кат. № 55, 56), за исключением изображений двух птиц у обуха, отсутствующих на этих двух топорах (рис. 57г). Кроме этого в оформлении рассматриваемого топора использована еще и инкрустация латуњью/золотом (?), следы которой видны у самого основания обуха (рис. 57б) и на рукояти (рис. 57д). Обух описываемого топора тоже дополнен растительно-геометрическим орнаментом (рис. 57е), но более выразительным, чем обух предыдущего. Несмотря на эти незначительные отличия, можно предположить, что этот *табарзин* и № 2436-128, 2436-129 (кат. № 55, 56), были выполнены в одной мастерской. Сохранность хорошая.

58. Топор (без рукояти) (рис. 58 а, б).

Иран, первая половина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2548-1.

Поступление: из коллекции В.А. Иванова (в дар), февраль 1915 г.

Сталь, серебро; ковка, оброн, насечка.

Ширина клинка 13, 7 см.

Стальной двуклинковый топор без рукояти (рис. 58а). Поверхность обоих клинков с обеих сторон оформлена изображением пары животных, напоминающих волков или собак, стоящих друг напротив друга с повернутыми назад голо-

Рис. 58а

Рис. 58б

вами, на фоне растительного орнамента (рис. 58б). Весь орнамент выполнен в технике оброна, туловища животных инкрустированы серебром в технике насечки. В описи, составленной на основе кратких записей В.А. Иванова, значится, что этот топор был приобретен в г. Исфахане, и назван он *табарзин* (Оп. колл. 2548), хотя по форме и размерам он отличается от вышеописанных топоров (этот топор меньше), что может свидетельствовать о том, что в Иране XIX в. под одним термином фигурировали топоры, несколько отличающиеся по типу. По расположению композиции этот топор не идентичен, но близок топору № 2145-48 а, б, с (кат. № 53), и тогда можно полагать, что он относится к первой половине XIX в.

Сохранность хорошая, но есть поверхностная коррозия.

59. Топор (рис. 59а–д).

Иран, первая половина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2704-13.

Поступление: из коллекции В.А. Жуковского, 1919 г.

Сталь, латунь/золото (?), серебро; ковка, шлифовка, полировка, оброн, гравировка, насечка.

Общая длина вместе с навершием 77 см, ширина клинка 11,9 см.

Рис. 59а

Рис. 59б

Рис. 59в

Рис. 59г

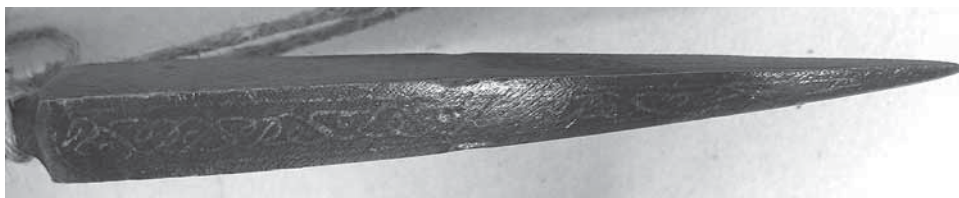

Рис. 59д

Стальной топор, состоящий из клинка, рукояти и навершия (рис. 59а). Поверхность клинка хорошо отполирована. Клинок с обеих сторон у втулки декорирован растительным и цветочным орнаментом, заключенным в полукартуш, внутри которого исполнен еще один картуш (рис. 59б). От центрального полукартуша к лезвию клинка отходят два растительных побега, абрис которых напоминает две крылатые фигуры, а по центру, через виньетку — еще один картуш. Весь орнамент выполнен в технике оброна и гравировки. Внутренний картуш, а также абрисы всех элементов оформления дополнены латунью/золотом (?) в технике насечки. Втулка топора с обеих сторон также дополнена изображениями повернутых в разные стороны птиц (рис. 59в). Обух выполнен в виде фантастического животного с раскрытой пастью, в котором можно узнать индийского *макара* (рис. 59г). Обе поверхности обушка, т.е. протомы зверя, оформлены орнаментом, напоминающим чешую и глаза, исполненным в технике насечки.

Навершие с выделенным латунной/золотой (?) насеченным основанием тоже отковано в виде четырехгранной пирамиды, напоминающей наконечник копья. Все ее грани оформлены спиралевидным орнаментом в технике насечки серебром (рис. 59д).

Рукоять полая. В описи этот топор определяется как топор-секира дервиша (Оп. колл. 2704). По форме он сходен с большими топорами, обозначенными в описях МАЭ как *табарзин*, следовательно, этот термин применим и к данному экземпляру, который, судя по технике исполнения, принципам декорирования, стилистике орнаментальных мотивов и приемам их исполнения, относится к первой половине XIX в. Этот топор представляет собой один из самых изысканных предметов вооружения в коллекции МАЭ.

Сохранность хорошая.

60. Топор (рис. 60а–д).

Иран, конец XVIII — начало XIX в.

Иранцы.

Инв. № 2704-14.

Поступление: из коллекции В.А. Жуковского, 1919 г.

Сталь, золото/латунь(?); ковка, шлифовка, полировка, оброн, гравировка, насечка.

Длина рукояти 67 см, ширина клинка 17 см.

Топор из узорчатой стали (узор металла проявлен) состоит из клинка, рукояти и навершия (рис. 60а). Клинок с одной стороны у втулки оформлен заключенной в полукартуш надписью арабицей почерком *наста'лик* по фону расти-

Рис. 60а

Рис. 60б

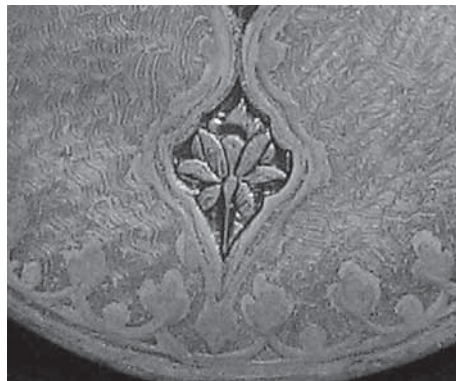

Рис. 60в

Рис. 60г

Рис. 60д

тельно-цветочного орнамента (рис. 60б). От центрального полукартуша отходит еще один картуш меньшего размера, также заполненный цветочным орнаментом (рис. 60в). Все описанные выше элементы декора выполнены в технике оброна, гравировки и дополнены золотой/латунной (?) насечкой. Растительным орнаментом, выполненным в технике насечки золотом/латунью (?), обведен и центральный полукартуш, а также акцентировано лезвие клинка. Втулка топора, равно как и почти правильной квадратной формы обух, тоже декорированы растительно-цветочным орнаментом (рис. 60г), а также золотой/латунной (?) насечкой. Навершие топора сферической формы, а рукоять представляет собой полую трубку, состоящую из шестигранных и витых сегментов, также декорированных насечкой золотом/латунью (?). Обух квадратной формы, оформлен растительным орнаментом (рис. 60д).

Надпись представляет собой второе мисра из бейта иранского поэта XVI в. Абд-Аллаха Хатефи следующего содержания: *چو تاج خروسان جنکی بفرق* — *ču tāj-e khorusān-e jangi be farq*, т.е. «подобно тому, как гребни боевых петухов [опускаются] на темя». Это продолжение первого мисра этого бейта: *تبرزين بخون جلان گشته غرق* — *tabarzin be khun-e jalān gašte gharq*, т.е. «*табарзин погружается в кровь героев*». Топоры такой формы с этими стихами известны (см., напр.: [Zeka, Semsar 1965: 29; Żygulski 1979: 229–230; Анисимова 2013: 176, 178–179]). Этот бейт, помещенный на топоре, позволяет распространить на топоры такой формы термин *табарзин* (в описи он, как и предыдущий, назван топором *дервиша* (Оп. колл. 2704). Это один из лучших топоров такого типа в коллекции МАЭ. По технике исполнения, а также по качеству работы с металлом его можно отнести к самому концу XVIII — началу XIX в. Этой датировке не противоречит и почерк, которым написаны хорошо читающиеся стихи — с утолщениями отдельных частей букв (особенно росчерков). Он характерен для надписей уже XVII в. [Иран в Эрмитаже 2004: 123] и закрепился на металлических предметах с начала XVIII столетия и по крайней мере до середины XIX в. (В конце столетия почерк чуть-чуть меняется.) В собрании Галереи Фрир есть кинжал, который может быть отнесен к типу *ханджар* (*khanjar*), с надписью,

исполненной таким почерком, в которой есть имя Лотф-Али-хана (Lotf ‘Alī khān), последнего правителя из династии Зендов, правивший в Ширазе в 1789–1796 гг. (перевод надписи, исследования А.А. Иванова).

Сохранность топора хорошая.

61. Топор (рис. 61 а, б).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 3341-392.

Поступление: из коллекции С.М. и Ю.Н. Марров, регистрация 1950 г.

Сталь, серебро; ковка, оброн, насечка.

Ширина клинка 10,6 см, длина рукояти с навершием 71 см.

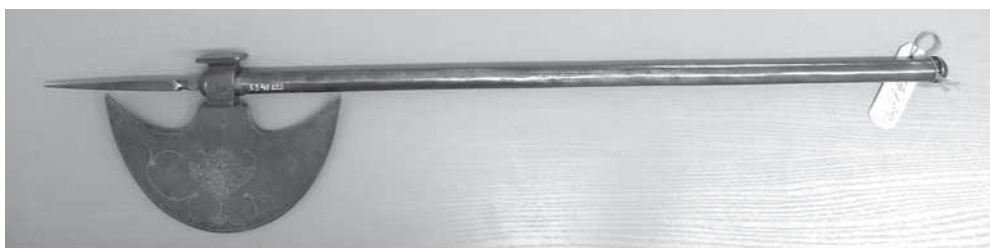

Рис. 61а

Рис. 61б

Топор (рис. 60а) по типу, форме, размерам и техникам исполнения соответствует топорам из коллекции А.А. Ромаскевича (кат. № 55, 56 и 57), несколько отличаясь только орнаментальной схемой, одинаковой на обеих сторонах клинка: в данном случае растительный орнамент сочетается с изображением зайцев, расположенных симметрично относительно центрального картуша (рис. 60б). Таким образом, этот ритуальный топор *табарзин* можно тоже датировать серединой XIX в.

Сохранность в целом хорошая.

62. Топор (рис. 62а–ж).

Афганистан, конец XIX — начало XX в.

Афганцы.

Инв. № 3418-2.

Происхождение: из коллекции М.Г. Вечеслова (в дар), 1926 г.

Сталь, латунь/золото (?); ковка, шлифовка, полировка, гравировка, насечка.

Ширина клинка со втулкой 12,5 см.

Клинок стального топора (рис. 62а), по форме напоминающий клинок № 2145-49 (кат. № 54), с одной стороны орнаментирован грубо гравированным изображением двух расположенных друг напротив друга птиц (рис. 62б), а с другой — абстрактным орнаментом из стилизованных деревьев (*буте*) и линий (рис. 62в). Ближе к втулке с обеих сторон над гравированной чертой, отделяющий основной декор клинка, расположены столь же грубо гравированные надписи, почти не поддающиеся прочтению (рис. 62г, 62д). Однако на одной

Рис. 62а

Рис. 62б

Рис. 62в

Рис. 62г

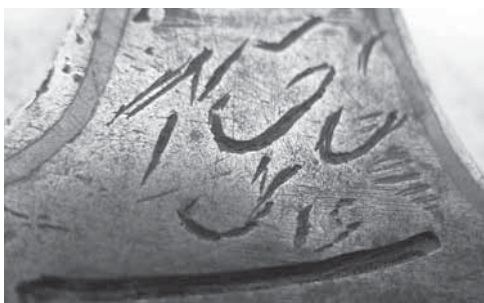

Рис. 62д

Рис. 62е

Рис. 62ж

стороне все же возможно чтение имени *علي 'ali* — *Али*, подразумевающее с очевидностью имама Али, и с большой долей сомнения — словосочетание *شاه حسين* *šāh husein* — «шах Хусейн», т.е. воззвание к имаму Хусейну (рис. 62г). Самая верхняя часть клинка и втулка оформлены соответственно квадратом и изображением, напоминающим щит, выполненными латунной/золотой (?) насечкой (рис. 62е). Обе фигуры окружены латунной/золотой (?) рамкой, равно как и края топора, за исключением лезвия. На обухе — квадрат в двойной квадратной раме, тоже исполнен латунью/золотом (?) (рис. 62ж).

Сохранность хорошая, но имеются царапины и коррозия.

63. Топор (рис. 63а–в).

Афганистан (Бамиан, Панджшир, Салонг, Бадахшан), XIX в.

Афганские (салонгские) таджики.

Инв. № 3466-11.

Поступление: покупка у собирателя Д.Д. Букинича, время неизвестно.

Сталь; ковка, шлифовка, полировка, гравировка.

Длина клинка 12 см, ширина клинка 8,5 см, ширина обуха 3 см.

Рис. 63а

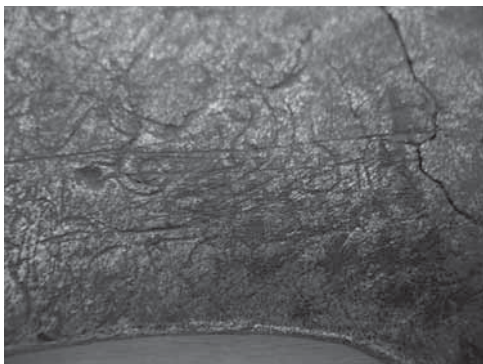

Рис. 63б

Рис. 63в

Этот топор (рис. 63а) с небольшим по форме, но довольно толстым и, следовательно, тяжелым стальным клинком с прямым верхним краем и значительно загнутым к древку нижним концом соответствует топорам, распространенным в XVIII в. в Иране. Аналогии известны, особенно в Средней Азии в XIX — начале XX в. (см., напр.: [Анисимова 2013: 175, 178, 179, 274–275; Холодное оружие 2010: 212–216]). С обеих сторон по верхней плоскости топор оформлен уже еле различимым гравированным геометрическим и растительным орнаментом, в котором возможно различить даже антопоморфные и зооморфные образы (рис. 63б, 63в). Обух квадратной формы.

Сохранность топора не очень хорошая: есть трещины, поверхностная и очаговая коррозия, гравировка почти не видна.

64. Топор (рис. 64а–г).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 5323-103.

Поступление: передача из Академии художеств, май 1943 г.

Сталь, серебро; ковка, шлифовка, полировка, насечка.

Общая длина 73 см, длина клинка 15,5 см, ширина с обоими клинками 16,5 см.

Это еще один топор в собрании ритуальных топоров МАЭ (рис. 64а). По форме и размеру он почти точно соответствует топору № 2548-1 (кат. № 58), привезенному В.А. Ивановым из Ирана, по оформлению же в технике насечки серебром (рис. 64б), выполненной по хорошо насеченной поверхности, он

Рис. 64а

Рис. 64б

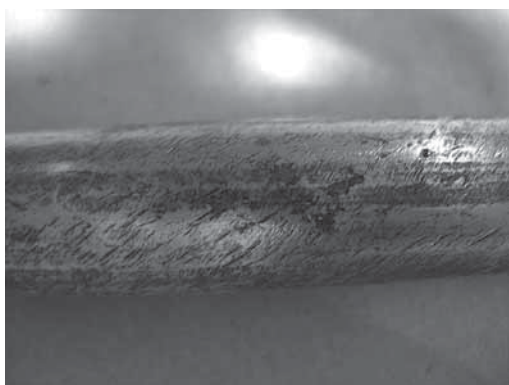

Рис. 64г

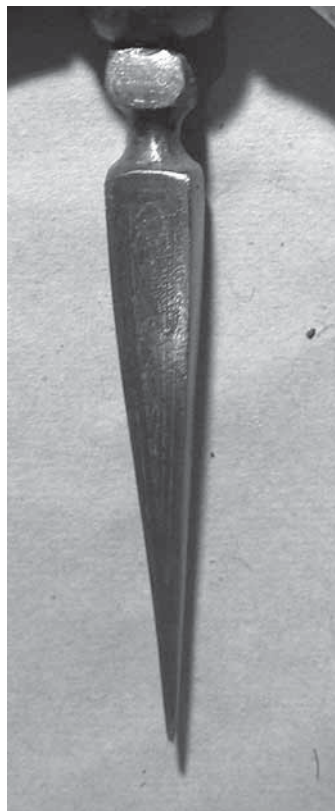

Рис. 64в

похож на № 2436-128–130 (кат. № 55-57) из коллекции А.А. Ромаскевича. Растительно-геометрический орнамент не идентичен, но все же сходен с орнаментом в технике насечки этих топоров, следовательно, и его можно отнести к работе иранских мастерских около середины XIX в. Важная отличительная черта этого топора — отсутствие орнамента, сделанного в технике оброна: вся поверхность оформлена только серебряной насечкой, показывающей, что он откован и оформлен в другой мастерской или даже области. Серебряный орнамент оформляет дополнение и четырехгранное навершие в виде наконечника копья (рис. 64в). Древко полое, никак не оформленное (рис. 64г).

Сохранность хорошая, хотя орнамент местами стерт.

65. Топор (рис. 65а–в).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № 5323-104.

Поступление: передача из Академии художеств, май 1943 г.

Сталь, серебро; ковка, шлифовка, полировка, насечка.

Общая длина 73 см, длина клинка 15,5 см, ширина с обоими клинками 16,5 см.

Этот топор (рис. 65а) практически идентичен предыдущему. Отличие только в деталях орнаментальной схемы (рис. 65б). В остальном топоры одинаковы,

Рис. 65а

Рис. 65б

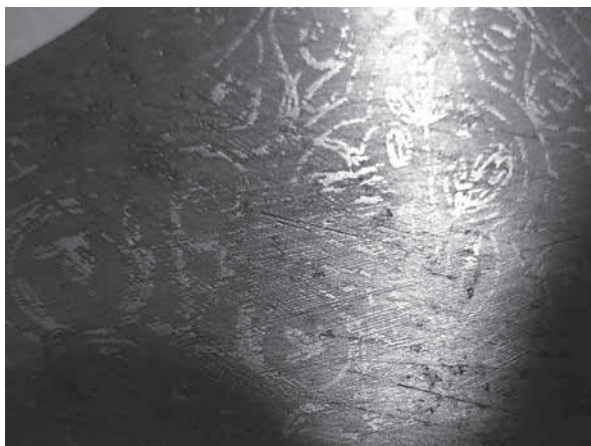

Рис. 65в

что позволяет говорить, что они сделаны в одной мастерской, возможно, даже одним мастером в середине XIX в.

Сохранность в целом хорошая, хотя на одном из клинков орнамент очень значительно истерт (рис. 65в), а сам клинок поцарапан.

66. Топор (рис. 66а–г).

Афганистан, Нуристан, XIX в.

Афганцы, *кафиры*.

Инв. № 6488-47.

Поступление: из Датского национального музея, 30 марта 1962 г.

Сталь, медь/латунь (?), дерево; ковка, шлифовка, полировка, чеканка.

Длина общая 71,5 см, длина клинка 14,5 см, длина обуха 10,7 см, длина намотки 32 см.

Рис. 66а

Рис. 66б

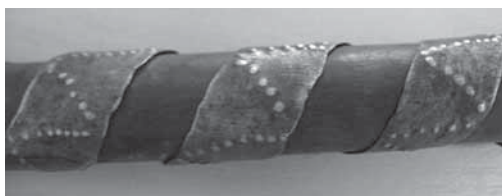

Рис. 66в

Рис. 66г

Этот топор (рис. 66а) — пример самобытного оружия жителей Восточного Гиндукуша, населявших области Кафиристана/Нуристана. Его откованный из обычной стали клинок (рис. 66б) очень значительно выгнут и насажен на деревянное древко под углом примерно в 45 градусов. С противоположной стороны от клинка вместо обуха откован клиновидный выступ, снабженный отверстием, которое напоминает об отверстиях на наконечнике копья (№ 6488-37 а, б, — кат. № 71) *кафиров*. В данном случае оно либо предполагает дополнительное оформление, если клинок на древко насажен в правильном положении, либо через него клинок закреплялся на древке, но тогда в обратном, более привычном положении. Последний вариант вполне возможен, судя по тому, что верхняя часть «обуха» треснула и ее укрепляли на древке. Точных аналогий такому топору в публикациях мне не встречалось, поэтому понять, какой из вариантов правильный, пока невозможно. Древко в верхней части обмотано металлической лентой (рис. 66в), оформленной чеканным точечным орнаментом. На конце древко усилено стальным затыльником (рис. 66г). Сохранность не очень хорошая: есть очаги коррозии и царапины на клинке, трещины на втулке.

67. Топор (рис. 67а–д).

Иран, середина XIX в.

Иранцы.

Инв. № ВХ ЭФЗК 312-1.

Поступление: неизвестно.

Сталь, серебро; ковка, шлифовка, оброн, гравировка, насечка.

Общая длина с навершием 77 см, ширина клинка 12 см.

Рис. 67а

Рис. 67б

Рис. 67в

Рис. 67г

Рис. 67д

Стальной топор, состоящий из клинка, рукояти и навершия (рис. 67а), по форме, размерам и стилистике оформления соответствует топору № 2704-14 (кат. № 60) при незначительных отличиях. Клинок с обеих сторон также дополнен полукартушем с надписью арабицей по растительно-цветочному орнаменту, выполненным в технике оброна и гравировки (рис. 67б, 67в), но не столь деликатно, как № 2704-14 (кат. № 60). Надпись представляет собой те же стихи

Абд-Аллаха Хатефи, что и на топоре № 2720-14 (кат. № 60), только она стала еще более орнаментальной и читается уже с большим трудом, а скорее только узнается по отдельным словам. Полукартуш и края клинка также дополнены растительным орнаментом, только исполненным не золотом/латунью (?), а серебром в технике насечки. Серебром в той же технике оформлена и надпись с орнаментом в полукартуше. У этого топора и на обухе есть надпись (рис. 67г), читающаяся как *يا على* — *jā 'ali* — *О Али!*, что свидетельствует о принадлежности этого топора к культуре шиитов. Навершие этого экземпляра (рис. 67д) отличается от навершия № 2704-14 (кат. № 60). В целом, судя по общему виду топора и качеству работы, можно заключить, что это тоже церемониальный топор *табарзин*, сделанный в той же области, что и № 2704-14 (кат. № 60), но относящийся к более позднему времени, скорее, к середине XIX в.

Сохранность хорошая, хотя на клике есть царапины.

68. Меч (рис. 68).

Иран, конец XIX — начало XX в.

Иранцы.

Инв. № 2436-132.

Поступление: из коллекции А.А. Ромаскевича, 1914–1915 гг.

Кость; резьба.

Общая длина 109 см, длина клинка 92,5 см, ширина клинка 9,5 см.

Рис. 68

Меч, вырезанный из рострума рыбы-пилы (*Pristis pectinatus*) (рис. 68). На мече имеются зубцы в количестве 31 с каждой стороны (15 зубцов с одной и 14 зубцов с другой стороны обломано). Видимо, такой формы клинок должен был имитировать так называемый «пламенеющий» клинок, клинок меча *зу-л-факар*. В описи этот меч назван мечом дервиша (Оп. колл. 2436).

69. Рострум рыбы-пилы (рис. 69).

Иран, конец XIX — начало XX в.

Иранцы.

Инв. № 3157-3.

Поступление: из коллекции Е. Черняковской, 1925 г.

Кость; резьба.

Длина 70 см, ширина клинка 10,5 см.

Рострум, аналогичный предыдущему, но без рукояти (рис. 69). С каждой стороны по 27 зубов. С каждой стороны сломано четыре зуба. В описи указано, что рострум рыбы-пилы «употреблялся дервишами для изготовления одного

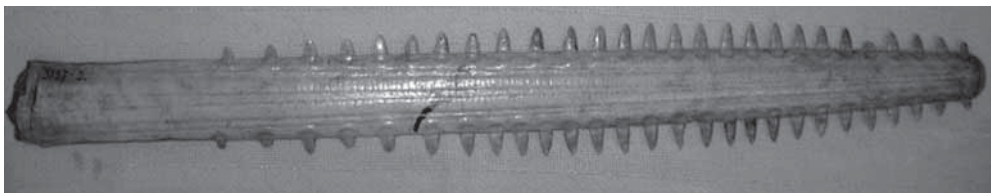

Рис. 69

из дервишеских атрибутов — меча» (Оп. колл. 3157). Аналогии известны (см., напр.: [Милосердов 2014б: 188–195]).

V. Метательное оружие

70. Копье на древке в чехле (рис. 70а–в).

Иран, начало XX в.

Иранцы.

Инв. № 3922-27, 30, 31.

Поступление: от Р.А. Галунова, июнь 1928 г.

Сталь, дерево, ткань; ковка, шлифовка, ткачество.

Длина наконечника 31 см, ширина грани 1,3 см, диаметр трубки 3 см.

Копье состоит из наконечника, насаженного на закрытое тканым чехлом деревянное древко (рис. 70а). Наконечник стальной листовидный четырехгранный (грани вогнутые), с резко выступающими ребрами (рис. 70б), переходящий в трубку, начинающуюся полусферической муфтой (рис. 70в).

Рис. 70а

Рис. 70б

Рис. 70в

71. Наконечник копья (а) на древке (б) (рис. 71а–г).

Афганистан, Кафиристан, не позднее начала XX в.

Кафиры.

Инв. № 6488-37 а, б.

Поступление: из Датского национального музея, март 1962 г.

Сталь, дерево; ковка, шлифовка.

Общая длина наконечника 54 см, ширина наконечника max 3,5 см, длина трубки 15 см, диаметр отверстия трубки 2,5 см, длина древка 133 см, диаметр древка 2 см.

Рис. 71а

Рис. 71б

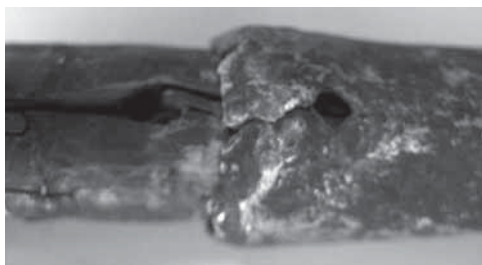

Рис. 71в

Рис. 71г

Копье состоит из наконечника, насаженного на древко. Наконечник (рис. 71а) сделан из простой стали. Двухгранный наконечник довольно узкий, с обеих сторон в центре усилен невысоким ребром, а у основания раскована на два зубца с отверстиями у концов (рис. 71б). Трубка конической формы, начинается с полусферической муфтой, обрамленного с обеих сторон жгутами. С оборотной стороны имеется отверстие для закрепления гвоздем на древке (рис. 71в). Древко деревянное (рис. 71г). Аналогии наконечнику пока неизвестны.

Сохранность не очень хорошая: вся поверхность наконечника покрыта толстым слоем коррозии, которая, возможно, скрывает оформление. На трубке трещина у крепежного отверстия.

Принятые сокращения

- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 кат. — каталожные номера, использованные в данном издании
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
 ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
 Оп. колл. — Описи коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
 СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 САИ — Свод археологических источников
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СЭ — Советская этнография
 ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 УТЧК — Управление Транспортной чрезвычайной комиссии
 MIP — Musei Imperialis Petropolitani. Vol. I–II. TEPIS ACADEMIAE SCIENTIARY PETROPOLITANAE. MDCCXLII.

Библиография

Архивные источники

- Архив Государственного Эрмитажа
Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной. СПб., 1779.
Беляев О. Кабинет Петра Великого. Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санкт-Петербурга и Академии Наук сохраняющихся с присовокуплением многих таблиц и разных любопытных анекдотов. СПб., 1800.
Березин И. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1952.
 Дневник Камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г. в трех частях. М., 1859.
Горький А.М. Праздник шиитов // Нижегородский листок. 28 июня и 5 июля 1898 г. Журнал поступлений МАЭ.
 Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер. и коммент. А.И. Рогова. М., 1978.
 Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.
 Марсильи де 1737 — Военное состояние Оттоманской империи, с ее приращением и упадком. Сочинено чрез Графа де Марсильи. СПб., 1737.
 Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. М.И. Сухомлин. Т. I. 1716–1730. СПб., 1885.
 Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. М.И. Сухомлин. Т. II. 1731–1735. СПб., 1886.
 Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. М.И. Сухомлин. Т. III. 1736–1738. СПб., 1886.
 Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. М.И. Сухомлин. Т. VII. 1744–1745. СПб., 1895.
 Описание собрания редкостей Альберта Себы, сделанное им для Петра Великого в 1715 г. // Пекарский П.П. Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
 Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отдел I. Т. I. СПб., 1909.
 Палаты Санктпетербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741.
Пекарский П.П. Введение в историю Просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
Пекарский Э.К. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого: Галерея императора Петра I. Пг., 1915.
 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
 Путешествие в Персию: Письма кн. А.Д. Салтыкова. М., 1849.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872.

Шумахер И.Д. Краткое изъяснение о состоянии Академии наук, также и Библиотеки и Кунсткамеры // Палаты Санкт-петербургской императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741.

Description de l'Égypte ou Recueil des Observations et des Recherches qui ont été faites en Égypte Pendant l'Expédition de l'Armée Française. Seconde Edition / Publiée par C.L.F. Panckoucke. Tom Deuxième. P. MDCCC XXIII.

Francklin W. Observations made on a Tour from Bengal to Persia in the year 1786–1787. L., 1790.

Lacking G.F. Oriental Arms and Armour. Wallace Collection Catalogues. L., 1964.

Lassy I. The Muharram Mysteries among the Azerbaijan Turks of Caucasia. Helsingfors, 1916.

Sykes P.M. The Glory of the Shia World. L., 1910.

Robertson G. S. The Káfirs of the Hindu-Kush. Lawrence & Bullen, Limited 16 Henrietta Street, Covent Garden, 1896.

Литература

Анисимова М.А. Оружие Востока XV — первой половины XX в. СПб., 2013.

Аравия. Материалы по истории открытия. М., 1981. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).

Аствацатурян Э.Г. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. М., 1982.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. М., 2002.

Беленицкий А.М., Леммлейн Г.Г. Примечания к переводу // Ал-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмад. Минералогия. М., 1963. С. 419–490.

Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М. 1988. Т. V.

Ближний и Средний Восток: Краткий путеводитель по экспозиции МАЭ. М.; Л., 1964.

Большаков О.Г. История халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний 633–656 гг. М., 1993.

Васильев Л.С. История Востока. Т. I. М., 1994.

Введенский Г.Э. Янычары: история, символика, оружие. СПб., 2003.

Введенский Г.Э. Оружие: возникновение, эволюция, применение. Каталог европейских клейм XV — начала XX в. СПб., 2005.

Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы: Каталог выставки. СПб., 2008.

Восточное оружие в частных собраниях. СПб., 2013.

Ганковский А.И., Полищук М.Ф. История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. М., 1985.

Грюнберг А.Л. Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 264–287.

Дмитриев С.В. Холодное оружие // Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. СПб., 2003. С. 77–92.

Земное искусство — небесная красота: Каталог выставки / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.

Иванов А.А. Кольцо Шах-Джахана // СГЭ. Т. XXXIV. Л. 1972. С. 25–29.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока: древний, средневековый периоды. М., 1984.

Иванов В.А. Краткая справочная биографическая заметка / Публ. текста и прим. О.Ф. Акимушкина // Петербургское востоковедение. Вып. 10. СПб., 2002. С. 446–458.

Ильясов Д.Р. Йеменская джамбия. Традиция Счастливой Аравии. Тамбов, 2010.

Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций: Каталог выставки. СПб., 2004.

Итс Р.Ф. Кунсткамера. Л., 1980.

Квасневич В. Польские сабли. СПб., 2005.

Кисляков В.Н. История этнографического изучения народов Ближнего и Среднего Востока в русской и советской науке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

Кисляков Н.А. Новая нуристанская коллекция в Музее антропологии и этнографии АН СССР // СЭ. 1963. № 2. С. 120–126.

Кулинский А.Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. СПб., 2007.

Летопись Российской академии наук. Т. I: 1714–1900 / Науч. ред. В.П. Леонов. СПб., 2004.

- Лихачев Ф.А. О персидской сабле XVII в. с клинком работы Асадуллаха. Казань, 1910.
- Лужецкая Н.Л. Дорога в Хунзу (Б.Л. Громбчевский о своем путешествии 1888 г.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб., 1997. С. 352–362.
- Малозёмова Е.И. Холодное оружие и ритуально-театрализованные представления в Иране // Сборник Санкт-Петербургской региональной общественной организации «Петровское историческое общество». СПб., 2015 (в печати).
- Март С.М. Мохаррам (шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 313–366. (Сборник МАЭ. Т. XXVI).
- Массон М.Е. Старинная персидская сабля 1017 г. хиджры // Эпиграфика Востока. М.; Л., 1963. Т. XVI. С. 89–94.
- Миллер Ю.А. Художественное производство холодного оружия в Турции XVI–XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. [Рукопись]. Л., 1953.
- Миллер Ю.А. Художественное оформление холодного оружия Турции XVII–XVIII веков // Культура и искусство античного мира и востока. М.; Л., 1958. С. 167–178. (ТГЭ. Т. 2).
- Миллер Ю.А. Парадное и охотничье оружие Западной Европы и Востока первой трети XVIII в.: Крат. путеводитель по выставке. Л., 1986.
- Милосердов Д.Ю. О роли латуни при датировке традиционного клинкового оружия Афганистана XIX–XX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды V Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014а. Т. III. С. 180–187.
- Милосердов Д.Ю. Использование в XV–XIX веках в Индо-Иранском регионе рострумов рыбы-пила (*Pristis pectinatus*) в качестве оружия // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды V Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2014б. Т. III. С. 188–195. Музей антропологии и этнографии. Л., 1925.
- Музей антропологии и этнографии. М.; Л., 1964.
- «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. Т. I. СПб., 2003.
- Народы Передней Азии / Под. ред. Н.А. Кислякова и А.И. Першица. М., 1957.
- Неверов О.Я. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры. СПб., 1998.
- Неверов О.Я. «Государев кабинет» Петра I и Петербургская Кунсткамера // Основателю Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 200–210.
- Николь Д. Янычары. М., 2004.
- Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. СПб., 2001.
- Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001.
- Ромодин В.А. Последние годы домусульманской истории кафиров Гиндукуша и политика Абдурахман-хана (по Сирадж ат-таварих) // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 249–263.
- Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. Т. 2. М., 1992.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // Археология СССР. М.; Л., 1962. (САИ. Вып. Д3-9).
- Сокровища прикладного искусства Ирана и Турции XVI–XVII веков из собрания Государственных музеев Московского Кремля. М., 1979.
- Сокровища Османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы, Стамбул. М., 2010.
- Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской академии наук. М., 1953.
- Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1714–1964. М.; Л., 1964.
- Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 268–279.
- Тихомирова Е. Оружие коллекции Петра I. М., 1995.
- Тихонов Д.И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели // Культура народов Зарубежной Азии. Л. 1973. С. 4–33. (Сборник МАЭ. Т. 29).
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006.
- Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2010.

- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–IX вв. Новосибирск, 1980.
- Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.) // СЭ. 1965. № 2. С. 147–156.
- Шафрановская Т.К. Чудес палата. Л., 1967.
- Шукуров Ш.М. Искусство средневекового Ирана. М., 1989.
- Эдельман Д.А. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 44–66.
- Эрмитаж. История и современность. 1764–1986. М., 1990.
- Alexander D. Arms and Armour or the 7th to 19th centuries. The Arts of War. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Arts. L., 1992.
- Artisans at the Crossroads. Persian Arts of the Qajar Period (1796–1925). Budapest, 2010.
- Elgood R. The Arms and Armour of Arabia in the 18th–19th and 20th centuries. L., 1994.
- The Arts of the Muslim Knight. The Furuṣiyya Art Foundation Collection / Ed. B. Muhamed. Skira. Milan; N.Y., 2008.
- Heinze M.-Chr. The Yemeni Janbiya and its Parts // Neues aus der Forschung. Jemen-Report Jg. 45. 2014. Heft 1/2. P. 44–48.
- Jacob A. Les Armes Blanches du Mond Islamique: Armes de Poing: Epées, Sabres, Poignards. P., 1985.
- Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tübingen, 2006.
- Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology. Tübingen, 2010.
- Kobylnski L. Persian and Indo-Persian Arms // Persian and Indo-Persian Arms and Armor of 16th — 19th Century from Polish Collections. Malbork, 2000. P. 57–74.
- Mayer L.A. Islamic Armourers and their Works. Geneva, 1962.
- Melikian-Chirvani A.S. The tabarzīn of Lotf'alī // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. L., 1979a. P. 116–135.
- Melikian-Chirvani A.S. The tabar of the Turkish dervish // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. L., 1979b. P. 112–115.
- Nicolle D. Armies of the Caliphates 862–1098. Oxford, 1998.
- North A. Swords of Islam. L., 1998.
- Peerless images: Persian painting and its sources / By E. Smith with B.I. Marshak and E.J. Grube. L., 2002.
- Saliman A.S. Qat min as-silah al-iraniya bi mathaf al-fan al-islamiya // Darasat fi-l-fan al-farsiya. Kahira, 1971. S. 67–78 (на араб. яз.).
- Sotheby's Arts of the Islamic World. 13 October. 2004.
- Sztuka perska (iranska) i jej wplywy. Warszawa, 1935.
- Tirri A.C. Islamic Weapons. Maghrib to Moghul. Washington, 2003.
- Wilkinson F. Swords and Daggers. L.; Melbourne, 1967.
- Zeka Y., Semsar H.M. Aš'ar va ašja // Honar va mardom. Tehran, 1344/1965. No. 30 (на перс. яз.).
- Żugulski Z. The Karabela and the Eagle Sabre. Studies in History of Old arms and Uniforms. Part VII. Cracow, 1978.
- Żygułski Z. Islamic weapons in Polish collections and their provenance // Islamic Arms and Armour / Ed. R. Elgood. L., 1979. P. 213–238.